

ВОКРУГ СВЕТА

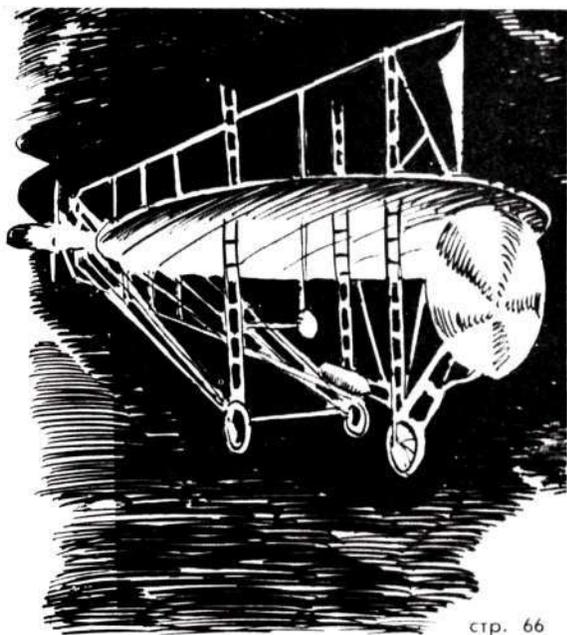
5 1969
МАЙ

стр. 10

стр. 2

стр. 66

стр. 51

1969

ВОКРУГ СВЕТА

№ 5
МАЙ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ

«И снова — прыжок на Памир». О покорении с неба одной из высочайших вершин мира рассказывают участники экспедиции.

«Первый кубу, вышедший из леса». Рассказ советского этнографа о судьбе маленького народа, затерянного в джунглях Суматры.

«Город на Журавлиной горе». Экспедиция «Вокруг света». Тетрадь третья.

Баски. Традиции, обычаи, характер.

Воспоминания Льва Успенского о первых авиаторах в петербургском небе.

Рассказ южноафриканского писателя Дэна Джекобсона «Нищий — мой ближний».

Новая рубрика: «Биография ремесла».

стр. 16

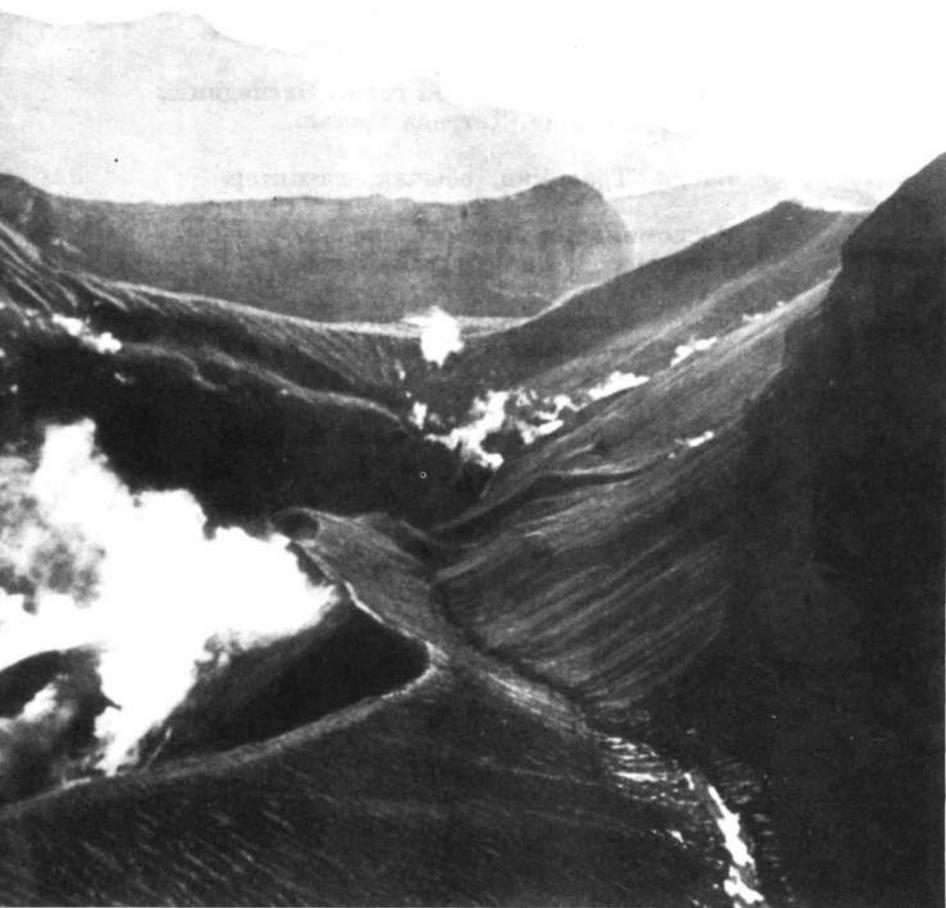
ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

Есть факты, свидетельствующие, что мы живем в своеобразном «электрическом пироге» меж обкладками конденсатора. По поверхности земли (и океана) постоянно блуждают слабые электрические токи, которые, однако, усиливаются иногда в сотни и тысячи раз. Например, 11 февраля 1958 года магнитная буря создала на линии связи шведской железной дороги Стокгольм — Сёдертелье напряжение до 2200 вольт, чем вывела ее из строя.

Обычные грозовые облака насыщены электричеством в такой мере, что срывающиеся с них молнии легко пробивают толстый слой воздуха, который, как известно, является великолепным изолятором. Но изредка бывает, что молнии срываются не вниз, а вверх! Значит, высоко в атмосфере тоже есть насыщенные электричеством участки и слои? Да, геофизические исследования последнего десятилетия обнаружили высоко над землей своеобразные «электрические течения».

Похоже, что они есть и глубоко под землей, там, где под толщей коры вещество находится в разогретом пластично-твердом состоянии. На эту мысль наводят хотя бы некоторые особенности извержения вулканов. Поразительное постоянство: извержения почти всегда сопровождаются бурными грозами, электрическим свечением неба, усилением поверхностных токов...

Этому можно дать такое объяснение. Гранитно-базальтовая толща земной коры — прекрасный изолятор; нижние слои атмосферы тоже. Но коль скоро выше и ниже этих двух «слоев изоляции» находятся насыщенные электричеством слои, то в принципе может случиться планетарное «короткое замыкание». Извержение вулканов как раз и создает такие условия. Подземные ходы, по которым течет расплав, — это, в сущности, уже готовый проводник. В свою очередь, жерло вулкана извергает горячие, а следовательно, ионизированные, токопроводящие газы, достигающие больших высот. Энерголиния готова!

МОЖНО ЛИ ПРИРУЧИТЬ ВУЛКАН? • НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ХЕЙЕРДАМ • ПЕРСИДСКИЕ ОРНАМЕНТЫ - В ПЕРМИ *i*

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ КОМЕТЫ? • ЖИВОЙ

ИСКОПАЕМЫЙ ОПОССУМ

Нельзя ли использовать это явление в практических целях? Советские инженеры В. С. и Б. В. Богословские убеждены, что это возможно. Они предлагают поступить таким образом. На вершине недавно уснувшего вулкана устанавливаются мощные горелки. В топливо добавляются ионизирующие примеси, например соединения калия. Возникает мощный

столб ионизированного воздуха, проводимость которого можно регулировать. Над горелками натягивается токоснимающая металлическая сеть. Установка заземляется на трубы буровой скважины, идущей к еще не остывшим зонам, которые здесь располагаются неподалеку от поверхности. Цепь замкнута, электростанция готова к работе... По подсчетам авторов

проекта суммарная мощность планетарного источника колоссальна: $2,8 \cdot 10^{11}$ киловатт. Разумеется, одна и даже множество электростанций, подобных описанной, смогут взять ничтожную часть этой энергии. Но и это немало.

Не прошло и ста лет с того времени, как инженеры дерзнули приручить водопад. Теперь в поле их зрения попали уже и вулканы...

КОММЕНТАРИЙ КАНДИДАТА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК С. В. ГЛУШНЕВА:

Для сегодняшнего дня характерно появление многих смелых гипотез и проектов, которые наводят мосты в будущее науки и техники. К их числу, несомненно, принадлежит и проект Богословских. Действительно, многое говорит за то, что «планетарный конденсатор» не просто дань образности и что энергоресурсы земного и атмосферного электричества велики (хотя, может быть, и не столь грандиозны, как это считают авторы проекта).

Все же это пока не столько рабочий, сколько на-

учно-фантастический проект. Не углубляясь в детали, отмечу лишь одно важнейшее обстоятельство. Наши знания свойств «токонесущих» слоев, прежде всего подземных, еще нуждаются в существенных уточнениях: прежде всего далеко не всегда ясны их электрические параметры. А без этих знаний попытка осуществления проекта будет преждевременной. Но если сейчас это оригинальное направление поиска еще и не стало актуальным, то таковым оно может сделаться завтра.

Известный норвежский исследователь Тур Хейердал предпринимает новое плавание на папирусной лодке от Аф-

рики до берегов Америки. Это плавание, как считает Хейердал, если пройдет успешно, может подтвердить гипотезу

о существовании в древности водного пути из Средиземного моря... в Америку, пути, проложенного за тысячи лет до Колумба.

КОММЕНТАРИЙ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Г. И. АНОХИНА:

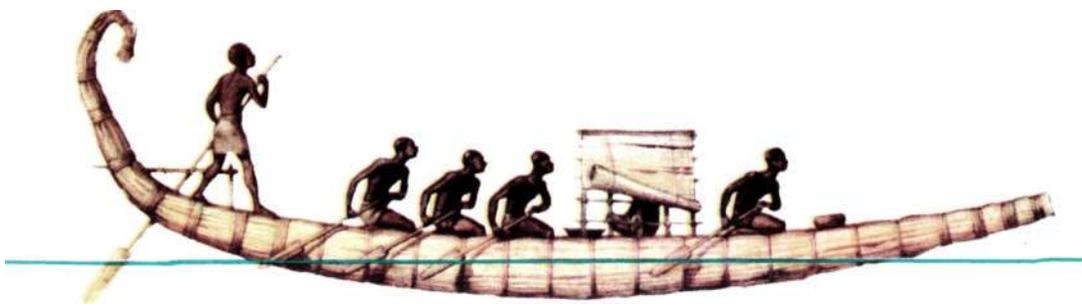
Идея этой экспедиции зародилась у Хейердала, наверное, еще до дрейфа «Кон-Тики». Разрабатывая свою гипотезу о заселении Восточной Полинезии из Южной Америки, Хейердал обнаружил в письменных источниках XVI—XVIII веков свидетельства о том, что, когда испанцы прибыли в Америку, они нашли в районах наиболее высококультурных цивилизаций — в Мексике и в Перу — два различных типа морских судов: бальсовый плот и камышовую лодку. Причем камышовая лодка наиболее часто упоминалась в письменных источниках и встречалась на наскальных рисунках, особенно в Перу. Тогда, в 1947 году, доказывая, что плавание в древности от Америки до Полинезии возможно, Хейердал выбрал бальсовый плот. Но мысль о том, что камышовая лодка тоже может быть океанским кораблем, не оставила норвежского исследователя.

Однажды на острове Пасха Хейердал увидел в кратерных озерах заросли камыша — такого же, какой растет и на высокогорном озере Титикака в Перу, и узнал, что пасхальцы строят из этого камыша лодки, очень похожие на те, чьи силуэты встречаются в старинных испанских рукописях и в наскальных рисунках Перу... Хейердал попросил пасхальцев по-

строить большую лодку из камыша и испытал ее в море. Лодка поразила Хейердала своей грузоподъемностью и мореходными качествами: остойчивость ее в нагруженном виде была столь велика, что можно было не только стоять на ее борту, но даже и прыгать на нем — лодка лишь слегка покачивалась. Трудно было предположить, что столь устойчивое судно предназначалось только для каботажных плаваний. А потом, во время раскопок на острове, Хейердал нашел каменные модели подобных лодок с тремя мачтами. Настоящие океанские корабли древности.

Дальнейший поиск привел Хейердала в... Египет. Исследователь изучал изображения древних папирусных лодок на фресках в древнеегипетских храмах, в царских погребениях возле Луксора, на берегу Нила, у самой границы Аравийской пустыни — эти лодки по своим очертаниям мало чем отличались от камышовых лодок острова Пасхи и Перу.

Хейердал едет на озеро Чад, где до наших дней существует «папирусное судоходство», чтобы увидеть процесс изготовления лодок. Именно здесь, на озере Чад, Хейердал убедился в феноменальных плавучих свойствах папируса. Отмершие стебли папируса обра-

зуют на поверхности озера настоящие плавучие острова. Острова эти, в свою очередь, обрастают молодым папирусом, и на них поселяются со своим скотом целые деревни племени батума. Связь между островами и берегом жители осуществляют на восьмиметровой длины лодках из того же папируса. Старейшины племени рассказывали Хейердалу, что прежде батума умели изготавливать и более крупные лодки, которые могли перевозить тридцать коров...

Итак, после ряда наблюдений и исследований Хейердал пришел к выводу, что папирусные и камышовые лодки выдержат дальние плавания с большим экипажем. И может быть, даже способны преодолеть океан от Африки до Америки.

И может быть, когда-то уже и преодолевали его.

...Еще в конце XIX — начале XX века ученые-американцы обратили внимание на странные параллели в древних культурах Старого и Нового Света. После многолетних исследований был даже составлен список из 60 специфических элементов культуры, общих для народов Средиземноморья и Америки. Например, поразительно совпадают многие орнаменты, приемы изготовления отдельных культовых и бытовых предметов. Но свидетельствует ли этот список о том, что существовали какие-то контакты между народами этих частей света, или эти народы развивались самостоятельно, но развитие это шло как бы параллельно — об этом до сих пор ведутся споры.

А может быть, не случайно в этом списке находится и лодка из связок камыша?

И еще одна загадка: неожиданный и сравнительно быстрый расцвет одной из древнейших цивилизаций Америки, цивилизации ольмеков — в наименее благоприятном для этого районе, в джунглях Юкатана.

И можно предположить, что разгадка тайны ольмеков в том, что именно к берегам Юкатана подхо-

дят знаменитое Канарское северо-экваториальное течение и пассаты из Старого Света в Новый, которые могли привести легкие, но надежные ладьи из Средиземноморья в Америку, и что действительно существовали какие-то взаимные воздействия или даже прямая миграция народов из Старого Света в доинкскую Америку и впоследствии в Восточную Полинезию.

Но для того, чтобы предположения о подобных контактах выросли в гипотезу, надо вначале доказать, что такие контакты могли быть.

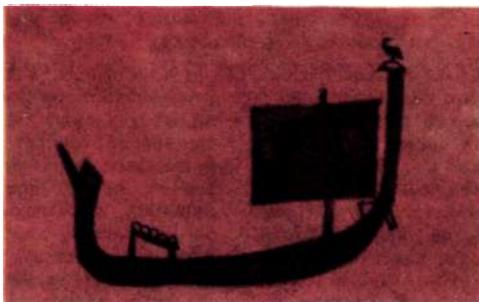
И вот именно для этого по древним чертежам, перерисованным с наскальных изображений одним

из крупнейших специалистов по истории кораблестроения шведом Бьерном Ландстремом, строится из 150 кубических метров папируса лодка пятнадцатиметровой длины и пятиметровой ширины. Парус и весла, матрац из папируса вместо палубы, папирусная каюта, пища и вода в горшках. Все как в Древнем Египте.

И в мае 1969 года экипаж из семи человек на папирусной лодке отправляется от причалов марокканского порта Сафи курсом на запад — к Карибскому морю. Вместе с Хейердалом поплывут итальянец и француз — специалисты по подводному фотографированию,

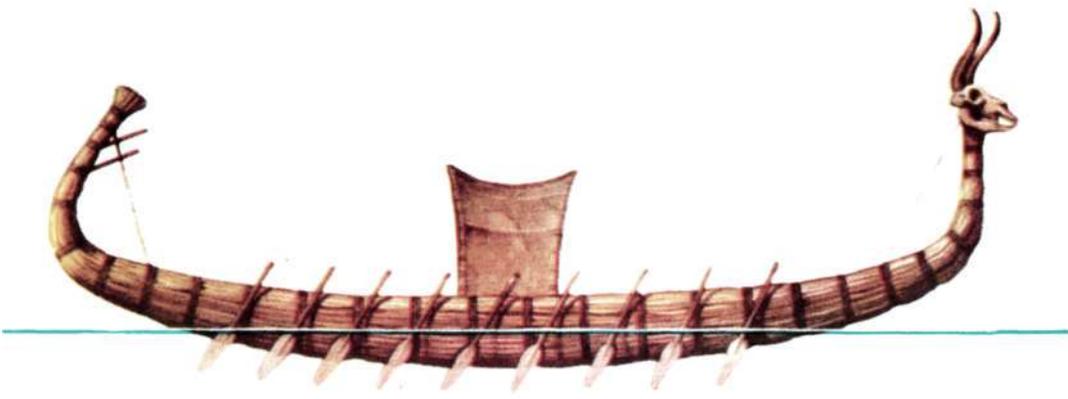
американский путешественник, африканец и мексиканец — знатоки папирусных лодок. Седьмой член экипажа — врач. (Передо мной лежит письмо Тура, где он сообщает, что ищет «очень опытного и разностороннего диапазона врача, владеющего английским языком, мужественного и общительного, обладающего чувством юмора и большим дружелюбием, чтобы длительное время жить в тесном, небольшом кругу спутников».)

Лодка, названная в честь древнеегипетского бога солнца «Ра», поплывет вслед за солнцем из Старого Света в Новый маршрутом, который, быть может, был проложен за тысячелетия до Колумба.

Одно из изображений древнеегипетских судов, сохранившееся на вазе, возраст которой около шести тысяч лет.

На верхнем и нижнем рисунках — современные реконструкции этих судов.

В мае 1967 года колхозница Таисия Яковлевна Могильникова из деревни Аниковской Пермской области нашла на своем приусадебном участке на глубине 40 сантиметров серебряное блюдо с изысканным чеканным барельефом: всадник в пышных персидских одеждах, увенчанный короной, преследует медведя.

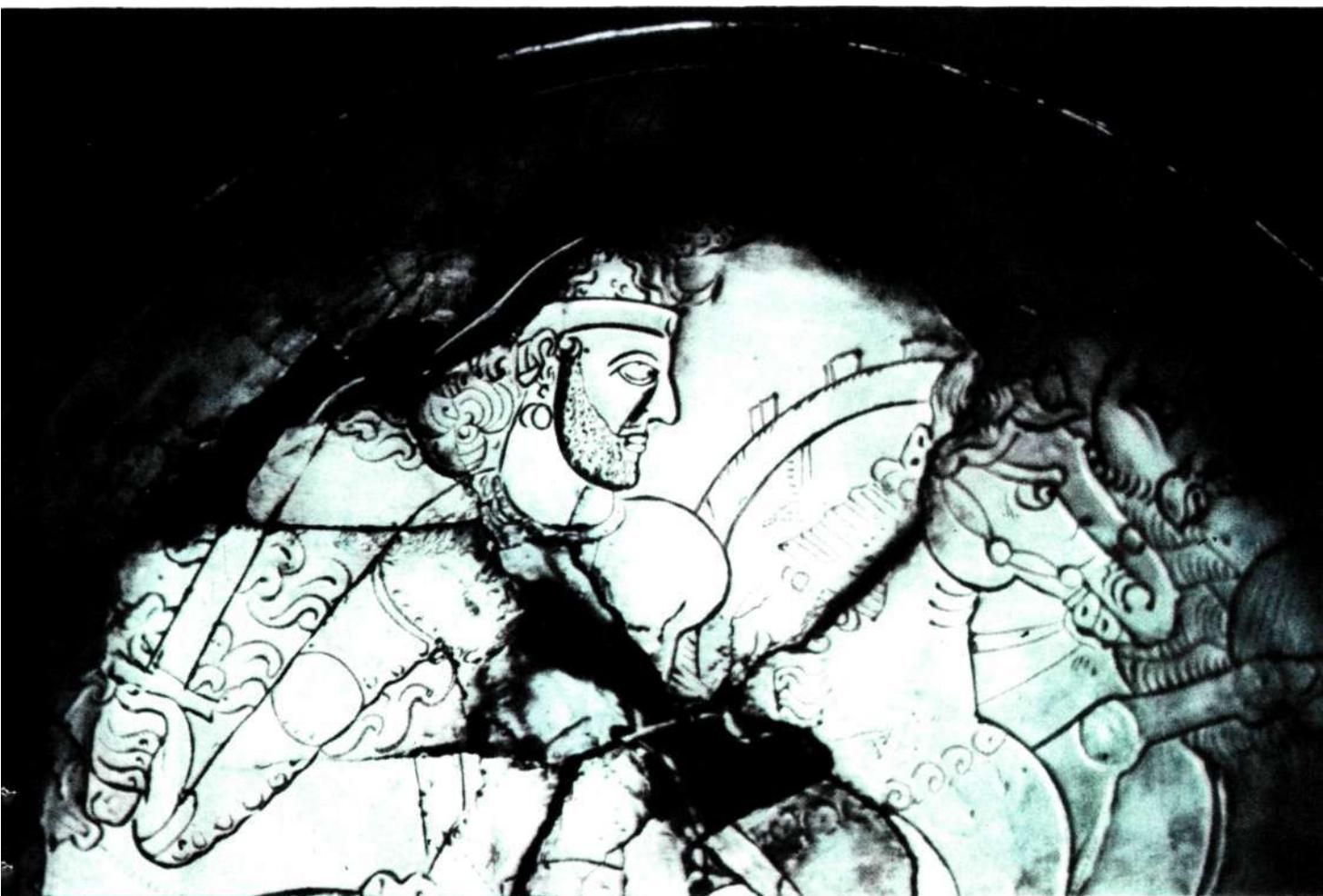
Анализ показал, что на драгоценном блюде изображен Хосров Первый — персидский правитель VI века нашей эры...

Каким же образом блюдо, изготовленное при дворе персидского владыки почти полтора тысячелетия тому назад, оказалось в Пермской области?

КОММЕНТАРИЙ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК А. М. ХАЗАНОВА:

В одной скандинавской саге о походе воинов под предводительством Торера Собаки в Биармию — легендарную страну на побережье Ледовитого океана — есть такая запись:

дворе есть курган, насыпанный из золота и серебра, смешанных с землей; к нему пусть направляются наши; на дворе стоит бог биармов, который называется Йомаль; пусть никто не осмелится его огра-

«Пришли они на место, на большое пространство, освобожденное от деревьев, где была высокая деревянная ограда с запорной дверью; эту ограду охраняли каждую ночь шесть сторожей из местных жителей, по два человека на каждую третью часть ночи. Когда Торер и его спутники подошли к ограде, сторожа уже ушли домой, а те, которые должны были их сменить, еще не пришли... Торер сказал: на этом

бить... Затем, подойдя к кургану, собрали сколько можно много денег, сложив их в свое платье, как и следовало ожидать, к ним было примешано много земли. Потом Торер велел им уходить... А Торер вернулся к Йомалю и похитил серебряную чашу, наполненную золотыми монетами, стоявшую у него на коленях».

Долгое время этот рассказ казался слишком фан-

Серебряная чаша греко-иранской чеканки, найденная в Перми, и блюдо с изображением сасанидского шаха Шапура II, охотящегося на львов, изготовленное в IV веке нашей эры и обнаруженное спустя полтора тысячелетия на берегу реки Вятки.

тастичным: недалеко от Ледовитого океана — курганы из золота и серебра, серебряные чаши на коленях у деревянного идола... Но вот в XVIII веке появляются сообщения русских путешественников о святилищах, похожих на то, что ограбил Торер Собака, святилищах хантов и манси, обнесенных высоким забором, с воротами, тщательно охраняемыми ночью бдительными стражами, с деревянным идолом внутри ограды, держащим чашу или блюдо, наполненные деньгами. Даже обычай смешивать монеты с землей был отмечен русскими путешественниками. Значит, серебряная чаша, которую похитил Торер, могла быть реальностью? Но ведь сами ханты или манси чеканить серебряные чаши не могли — месторождений серебра в этих местах, которые могли бы разрабатываться в древности, не было. А тем не менее у хантов и манси серебро было. Это подтверждалось и древнерусскими летописями. В новгородской летописи сказано, что когда в 1193 году новгородская рать осадила городок на Северном Урале, югры (так называли летописцы жителей этих мест) предложили выкуп — соборы и серебряные чаши, блюда, монеты... Через полтора века, в 1332 году, в летописях встречается следующая фраза: «Великий князь Иване приде из Орды и взверша гнев на Новгород, прося у них серебра закамского».

Откуда же брали серебро ханты и манси?

И вот в петербургские музеи попали первые изделия «серебра закамского». Ученые с удивлением увидели на них пирующих и охотящихся царей... Персии.

С середины XIX века изделия из восточного серебра стали находить почти ежегодно — и в огромных иногда количествах — на территории не только Северного, но и Южного и Среднего Урала, в Сибири: огромные серебряные блюда, украшенные великолепным чеканом, узкогорлые кувшины с изображением диковинных зверей и клинобородых царей в развевающихся плащах, чаши, на которых изящные витязи вступают в смертельное единоборство с пантерами и львами, граненые кубки, испещренные затейливыми узорами и сказочными цветами...

Большинство подобных предметов погибло безвоз-

вратно — серебряные чаши и блюда скупались купцами и переплавлялись в слитки. Но и та малая часть, что попадала в руки исследователей, позволяла сделать ошеломляющий вывод: в течение многих и многих столетий из Персии и сопредельных стран непрерывным потоком на Урал и в Сибирь текла настоящая серебряная река!

Какие же культурно-исторические нити связывали утопающие в роскоши дворцы персидских вельмож и стойбища таежных племен?

На этот вопрос окончательного ответа пока нет...

Вплоть до конца XIX века многие ученые предполагали, что находки восточного серебра в Приуралье доказывают существование в древности великого торгового пути из... Индии к Белому морю и дальше, в страны Западной Европы. И найденные чаши — это остатки кладов, зарытых купцами в минуту опасности. Но если так, то, значит, «серебро закамское» не предназначалось для местных жителей. Почему же тогда буквально ни одного изделия восточного серебра не было найдено в Европе — и только лишь Приуралье и Сибирь «снабжали» музеи мира чашами и блюдами с изображением восточных царей и богов? Почему серебряные блюда и чаши едва ли не обязательная принадлежность древних святилищ хантов и манси?

Исследования русских ученых начала XX века и советских археологов и этнографов неопровержимо доказали, что этот серебряный поток кончался в снегах Сибири и Урала, что чаши и блюда из Хорезма, Бактрии, Персии шли именно для нужд местного населения, использовались им в культовых, религиозных обрядах.

Но... Ведь эти серебряные блюда и чаши были приспособлены местными племенами к уже существующим верованиям и культовым обычаям. То есть, если можно так сказать, первое блюдо из Персии в пермскую тайгу пришло не для того, чтобы лечь на колени идола. Какие-то иные причины заставляли персидское серебро отправиться в страны «в полуночные страны». И здесь начинается, пожалуй, едва ли не самое удивительное. Раскопки советских археологов показали, что эти контакты начались еще раньше, в эпоху бронзы, и продолжались в раннежелезном веке!

Через горы, пустыни, леса шли на далекий север изделия из металла и украшения, затем драгоценные чаши, а в обмен к югу древние купцы везли ценившуюся на вес золота пушнину. Проходили века, но связь между людьми, живущими за тысячи километров друг от друга, не прерывалась. Во многом загадочная связь...

В декабре 1960 года на спутнике Юпитера — Титане произошло бурное вулканическое извержение. Кратер внезапно полыхнул пламенем; над равниной поднялся столб раскаленных газов, пепла и пара; дрогнула поверхность Титана; бешеный поток газов с грохотом расколол небо; пробив атмосферу и преодолев слабое тяготение планеты, он навсегда ушел в космос.

В потемневшей атмосфере Титана еще долго бушевали вихри...

А стартовавший с его поверхности газ тем временем лег на

орбиту вокруг Солнца и стал вполне добропорядочной кометой. Ведь что такое комета? Облако газа, отягченное небольшим количеством твердых частиц, — «видимое ничто», как ее назвал один астроном.

Орбита нашей новорожденной иногда сближалась с орбитами других комет, поскольку ими кишит все пространство солнечной системы. Зная язык природы, в принципе можно уловить поступающую от комет информацию и даже «перевести» ее в человеческую речь. Вот что получилось после расшифровки «языка комет».

— Еще один новичок! Вы откуда?

— Стартовала с поверхности Титана 17 декабря 1968 года.

— Уже третья за минувший год...

**Загадки
проекты
открытия**

— Как третья?!

— Очень просто. За последние двести лет спутники Юпитера выбросили в космос комет шесть-сот-восемьсот. Вот и считайте, сколько вас, комет «ближнего плавания», появляется за год.

— Что, я комета «ближнего плавания»? Это как понимать? Я лечу в облет Солнца! От орбиты самого Юпитера! Сотни миллионов километров в один конец!

— Сотни миллионов километров в космосе — это, право же, пустьак. Хотя, конечно, все относительно... Я встречала на своем веку кометы, порожденные вулканами

Меркурия и Венеры. Вот уж у кого короткий период обращения вокруг Солнца!

— А вы...

— О, я из системы спутников Урана. У нас, уранид, и еще у комет системы Сатурна очень длинный маршрут. Почти от границ солнечной системы — вокруг Солнца и обратно. И так я кружусь уже миллионы лет!

— Какая вы старая!

— Ну разве это старость!.. Тут есть кометы, которые родились сотни миллионов лет назад. Да, да! И вы знаете, некоторые из них, по-моему, уходят далеко за

орбиту Плутона. Но потом от границ солнечной системы они все равно возвращаются к Солнцу. Тут уж ничего не поделаешь — законы механики. Межзвездными странниками им сделаться не дано.

— Как интересно! Они что-нибудь рассказывают?

— Иногда. Но их очень трудно понять. Они, например, говорят, что наша солнечная система... пылит.

— То есть как пылит?

— Я и сама не очень-то понимаю. Но они утверждают, что далеко не вся газо-пылевая масса, выброшенная вулканами в космос, образует кометы. Оставшиеся рассеянными газы и пыль частично улечиваются в межзвездное пространство.

— Любопытно... А откуда вон та комета, что приближается к нам?

— Думаю, что это земная комета.

— Неужели земные вулканы тоже способны извергать в космос кометы?

— А что в этом удивительного? Помню, 27 августа 1883 года на Земле взорвался вулкан Кракату. В воздух тогда было выброшено, не считая газов, тринадцать кубических километров скальных пород! И заметная доля выброшенного вещества могла развить скорость, достаточную для того, чтобы очутиться в космосе и уже не вернуться на Землю. Но, знаете, земной вулканизм теперь не тот, что был. То ли дело раньше, когда на Земле возникали Альпы, Гималаи, Кавказ! Вот это были извержения! Сейчас такие извержения сыщешь разве что на Венере. Вообще сотни миллионов лет назад кометы возникали гораздо энергичней и стартовые скорости у них частенько были побольше. Вот их орбиты и перечеркивали всю солнечную систему. Тогда и кольцо Сатурна возникло — так сказать, из отходов местного вулканизма. А уж что делалось в эпоху горообразования с центральными планетами! Верите ли, реактивная отдача была столь велика, что на Земле, Марсе, Венере, Меркурии менялось положение полюсов. Ну, для Земли и Марса все это в прошлом. Тихие стали планеты. Вот только под облачным покровом Венеры, похоже, что-то бурлит.

Но наши орбиты, кажется, расходятся. До свидания, до новых встреч!

— До свидания! Спасибо за информацию!

...Как вы поняли в дей-

ствительности подобного разговора не было. И 17 декабря 1968 года вулканы Титана тоже не извергались (впрочем, кто знает?). Но содержание разговора опирается на гипотезу крупного специалиста по кометам профессора С. К. Всехсвятского. Вопрос «Откуда взялись кометы?» не нов. Еще в начале XIX века почти одновременно Лаплас и Лагранж высказали

прямо противоположные гипотезы об их происхождении. Лаплас считал, что кометы залетают к нам из межзвездного пространства; Лагранж, наоборот, полагал, что кометы порождаются вулканическими извержениями самих планет. Таковы две основные точки зрения на природу комет. Девятнадцатый век отдал предпочтение гипотезе Лапласа...

Но сейчас новые данные астрономии заставляют исследователей задумываться: не был ли более прав Лагранж? И вот уже на современной основе профессор С. К. Всехсвятский разработал новую гипотезу образования комет, которая подробно изложена в его недавно вышедшем труде «Природа и происхождение комет и метеорного вещества».

В ПРЕДИСЛОВИИ К КНИГЕ АКАДЕМИК В. А. АМБАРЦУМЯН ОТМЕЧАЕТ: «Автор—прекрасный знаток фактических данных, относящихся к кометам, разработал смелую и играющую важную роль гипотезу о происхождении комет... И хотя не всегда можно согласиться с некоторыми... крайними утверждениями, следует все же отметить, что взгляды автора и в этой своей части заслуживают самого серьезного внимания и обсуждения».

Загадки Проекты Открытия

Два австралийских химика, отдыхавших близ Мельбурна, поймали на ветвях эвкалипта крошечного серовато-коричневого зверька с белым брюшком и длинным хвостом. Оказалось, что перед ними карликовый опоссум, который, как считали ученые, вымер... еще двадцать тысяч лет назад!

КОММЕНТАРИЙ КАНДИДАТА БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК О. Л. РОССОЛИМО:

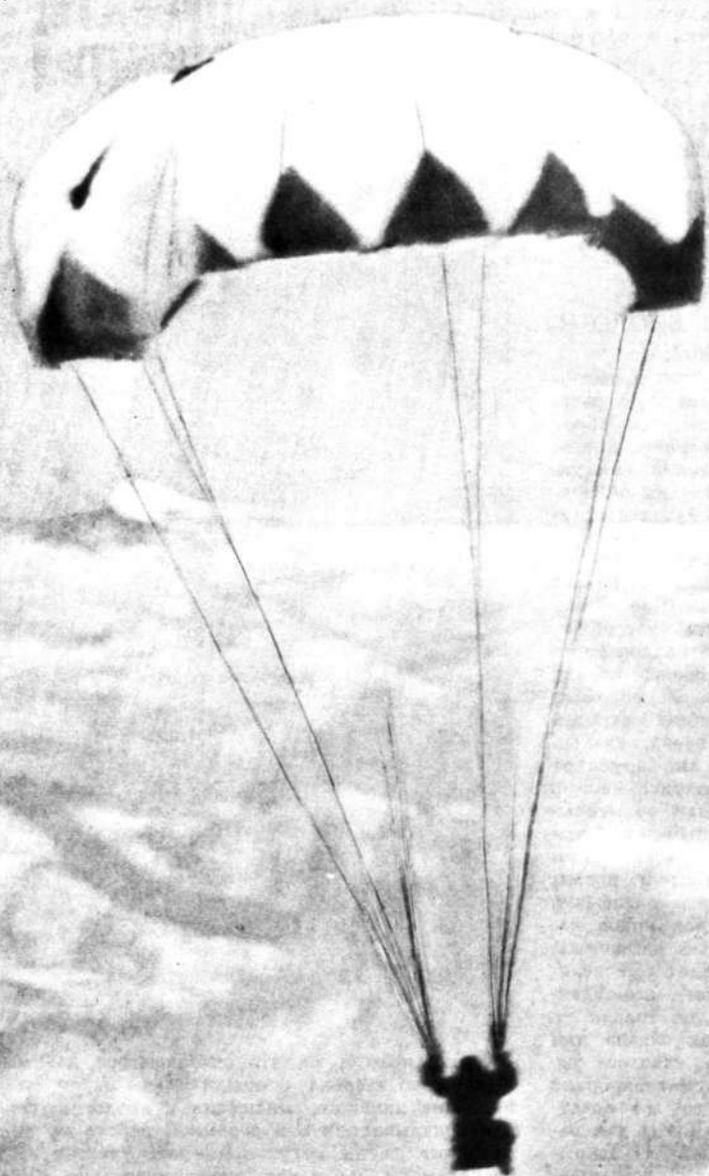
Опоссумы живые, не ископаемые хорошо известны зоологам — маленькие, величиной с крысу, зверьки, ведущие ночной, преимущественно древесный образ жизни. Распространены опоссумы в Америке, причем наиболее хорошо изучен североамериканский опоссум. И вдруг сообщение о том, что в Австралии обнаружен живой ископаемый опоссум... Эта находка чрезвычайно важна для окончательного выяснения «родословной» этого животного.

Пока что никаких сообщений о повадках живого ископаемого опоссума, о том, каким образом он до сих пор «скрывался» от исследователей, не поступало.

Но кроме всего, открытие живого ископаемого опоссума имеет и другое значение. На первый взгляд кажется парадоксальным, что во второй половине XX века, когда человек проникает в тайны микромира и познает химическую структуру звезд, удаленных от Земли на миллионы световых лет, время от времени появляются сообщения о находке нового, неизвестного прежде вида животного или об открытии животного, которое считалось давным-давно вымершим. Но... Ежегодно только среди насекомых и беспозвоночных ученые открывают тысячи новых, неизвестных прежде видов. Энтомологи же считают, что открытый и описанный ими миллион видов насекомых составляет... лишь половину всех насекомых, обитающих на Земле. Исследователя ждет еще великое множество новых открытий. Причем неожиданные открытия караулят исследователя не только в труднодоступных местах — в глубинах океана или джунглях тропических лесов, — а там, где, казалось бы, все давно уже изучено и описано, систематизировано (например, только за последние десять лет советские ученые обнаружили более десятка новых для нашей фауны видов позвоночных животных). И открытие животного, давным-давно считавшегося вымершим, лишний раз подтверждает, что точная и полная «инвентаризация» фауны далеко еще не закончена.

Символично и то, что считавшегося давным-давно вымершим зверька открыли для науки люди, не имеющие никакого отношения к зоологии. Это еще раз показывает, что в огромной работе по «инвентаризации» фауны могут принимать участие не только специалисты, но и все, кто внимательно и бережно относится к природе, помогая изучать и сохранять ее.

И СНОВА- ПРЫЖОК НА ПАМИР

Летом прошлого года экспедиция альпинистов и парашютистов второй раз штурмовала Памир. Было совершено восхождение на горную вершину высотой 6700 метров, на которую до этого не ступала нога человека. На высшей точке пика Коммунизма альпинисты заложили титановую капсулу с посланием молодежи XXI века. Одной из самых сложных задач экспедиции было покорение Памира с воздуха. 36 парашютистов приземлились на склоне пика Ленина. Десять — атаковали с воздуха высоту 7100 метров, выбрав для приземления площадку возле самой вершины.

Имена этой славной десятки и альпиниста Валентина Сулоева занесены в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Мы предлагаем читателям рассказ участников уникального научно-спортивного эксперимента, тех, кто вместе с товарищами покорял высоту 7100.

А. ПЕТРИЧЕНКО, парашютист, мастер спорта СССР международного класса, руководитель отряда парашютистов

Мы совершили прыжок на Памир!

Этой фразой заканчивались мои записки о прыжке 1967 года, о первой атаке парашютистов на Памир¹. Шесть парашютов раскрылись тогда над зажатой снежными вершинами площадкой, шесть человек благополучно приземлились на снежную площадку на высоте 6100 метров... Спустя два дня после этой высадки в горах, уже поздно вечером, ваясь с ног от усталости, мы подходили к базовому лагерю, расположенному на высоте 4000 метров на леднике Фортембек, и, проклиная попадавшие по пути трещины, говорили: ноги нашей больше на Памире не будет; парашютисты не альпинисты, и нечего им лазать по горам...

В. БОЖУКОВ, альпинист, мастер спорта СССР, заместитель начальника отряда альпинистов

Я тоже вспоминаю тот год. Яркие купола над фирновым плато, радость встречи с парашютистами, спустившимися к нам с неба, звонкие даже в разреженном воздухе голоса. И бутылка «Рислинга». Наивная радость! Сурово сдвинуты брови у нашего старшего — обычно улыбающегося Анатолия Овчинникова. Быстрее на спуск, быстрее, пока есть силы...

А силы были, пока был кислород, баллоны которого нам сбросили на грузовых парашютах.

¹ См. «Вокруг света», № 5, 1968 г.

В ожидании парашютистов.

Но вот десять километров тропы по снежному плато промаркированы опустевшими голубыми баллонами; кислорода остается лишь неприкосновенный запас, а сбросивший маску Володя Бессонов уже повисает на руках альпинистов, теряя сознание. Альпинисты без масок — выручает долгая акклиматизация. Больше суток не приходя в сознание, Володя, завернутый, как грудной ребенок, проехал на наших плечах. Он не открывал глаз, не видел ни крутизны ледовых склонов, ни страшных игл скального гребня, ни трещин, не слышал грохота обвалов...

Его друзья-парашютисты Петриченко, Томарович, Прокопов, Севастьянов, Чижик шли каждый в связке с двумя альпинистами, тщательно страхуемые сверху и снизу; шли, ползли, когда ноги переставали держать; они не всегда могли трезво оценить свое состояние, поступки, сложность маршрута... Казалось, клетки мозга, истощенные кислородным голодом, отказываются функционировать; смутно помнили парашютисты все перипетии спуска, когда проснулись утром на зеленой поляне вертолетодрома ледника Фортембек.

ПЕТРИЧЕНКО. И все-таки через несколько дней мы без отвращения вспоминали горы: спуск уже не казался таким изнурительным. Но осталась в душе благодарность альпинистам, восхищение их муже-

ством и мастерством, и все яснее зрела мысль о том, что нам, «горным» парашютистам, придется заняться альпинизмом всерьез. Я и мои товарищи понимали: первый прыжок — это не конец работы, а только начало...

Нужно сказать, что едва лишь родилась идея штурмовать горы с неба — тотчас возникли сомнения, вопросы и главный из них: нужно ли вообще прыгать в горы с парашютом? Есть ли в этом рискованном эксперименте общественная необходимость? Ответом на этот вопрос могло быть любое из неудачных восхождений на вершины. Не всегда вертолет может приземлиться на той высоте, где случилось несчастье. Спасательные отряды альпинистов порой не успевают оказать помощь — путь долгий, нелегкий. «Горные» парашютисты могут прийти на помощь в течение нескольких часов...

Все выше уходят в горы не только альпинисты, но и геологи: богатства, спрятанные горами, нужны всем. На большой высоте, затерянные среди ледяных вершин, работают гляциологи и метеорологи. Значит, и для них интересен наш эксперимент...

И еще одно. Как-то Валя Божуков, альпинист, сказал: «Человек летит в космос, идет на льды полюсов, и вряд ли достойно его, что на самой земле еще есть места, куда не ступала нога человека». Стремление к неизведанному лежит в самой натуре человека...

Да, первый прыжок был разведкой боем. Мы обсудили результаты работы, которой заинтересовались многие специалисты, и решили:

Во-первых, попробовать доказать, что прыжки в горы доступны большинству спортсменов, имеющих хорошую парашютную и альпинистскую подготовку. Именно поэтому летом 1968 года прыжок на ту же высоту — 6100 метров — отрабатывался уже группой в 36 человек. Все парашютисты благополучно приземлились на площадку северного склона пика Ленина.

Во-вторых, попытаться совершить прыжок на площадку, расположенную выше — на уровне более 7000 метров? Это была очень трудная задача, но ее требовалось решить, чтобы в будущем можно было совершать прыжки практически в любом районе Памира...

Неизвестным в этом научно-спортивном эксперименте было многое: как будут «работать» купола парашютов в разреженном воздухе, на высоте более 7000 метров? Как будут чувствовать себя люди на этой высоте и вообще при резкой смене высот? Ведь аэродром в Фергане, полет, площадка, куда предполагается прыгать, — все на разных уровнях: перепады давления, температуры, солнеч-

ной радиации разительны... И еще. При прыжках на меньшую высоту можно отыскать площадки, закрытые со всех сторон горами (горные «цирки»), их замкнутость гарантирует слабый ветер при приземлении; на высоте более 7000 метров такие площадки найти невозможно — на открытых вершинах сила ветра может достигать 50 метров в секунду... Значит, очень важно выбрать для прыжка момент, когда ветер будет минимальным.

Конечно, это были не все трудности, не все вопросы. Все не мог назвать никто, будь он семи пядей во лбу. Мы начали готовиться.

БОЖУКОВ. Нам пришлось по душе эти парни. Им было интересно слушать, интересно узнавать новое в неведомой, далекой от всего, с чем ранее приходилось сталкиваться, жизни гор. Вначале неумело копировавшие движения инструктора и невысокий Эрик Севастьянов и внешне неуклюжий молчаливый силач Владимир Чижик через несколько дней вполне прилично взбирались на черные скальные отвесы, тормозили ледорубом, вгоняя его в твердый как камень, слежавшийся снег. Больше всего в горных маршрутах парашютистам нравился спуск: спуск быстрый, когда по тропе или склону не идут, а бегут огромными прыжками — многократно повторенное приземление, хотя и без парашюта...

ПЕТРИЧЕНКО. Мы знали: без акклиматизации нам нечего делать на высоте. Поэтому без ропота шли вверх по снежным склонам пика Ленина, терпели головную боль, усталость; теряя силы, лезли на площадку приземления. Альпинисты сказали нам: кто не походит по ней ногами, не будет прыгать!

БОЖУКОВ. Вот уже почти неделю не видим парашютистов. они в Фергане на аэродроме. Мы снова идем на вершину, теперь — чтобы встретить воздушный десант.

Мы поднялись к вершинному туру пика Ленина в ранние утренние часы. На однообразной снежной целине остались четкие тропы следов... Двадцать два человека, одетые в красные пуховые костюмы, рассыпались по покрытому сверкающим снегом предвершинному плато. Вознесенная на семикилометровую высоту, вытянутая с востока на запад, трапеция плато слегка выпукла и поката. Какой она кажется сверху?

ПЕТРИЧЕНКО. Границы площадки были очень опасными (с точки зрения парашютистов) — со всех сторон почти отвесные скальные сбросы. Почти ежедневно мы летали к ней. И скоро экипаж самолета и парашютисты с закрытыми глазами могли сказать, где какая вершина и где какая пропасть.

БОЖУКОВ. Пытаюсь разобраться, почему у нас было отличное настроение, когда мы, усталые, поднялись на плато. Может, радость покорения вершины? Пожалуй. Но я чувствую и всю необычность сегодняшнего дня. Нам приходилось стоять и на более высоких вершинах; они нам, как альпинистам, были интереснее, чем этот пологий купол. Но мы впервые совершаем не спортивное восхождение, а работаем на вершине.

Я люблю горы, люблю смотреть на бесконечные vzdыбленные в небо и утопающие в дымке хребты. Люблю стоять рядом с другом, спокойно опустившим усталые руки... Люблю смотреть вдаль и узна-

вать знакомые черты вершин, на которых бывал раньше или еще буду. В эти минуты чувствуешь себя сильным; ради этого чувства мы готовы терпеть муки горной болезни, сутками тащить тяжелый рюкзак, мерзнуть, голодать... Сейчас к этим привычным ощущениям добавляется новое чувство: мы полностью отвечаем за спуск парашютистов с плато после их приземления.

ПЕТРИЧЕНКО. Собираю свою десятку. Ребята говорят: если бы все прыжки так долго и тщательно готовились, то аварийной обстановки в парашютном спорте вообще бы не возникало. Я понимаю, что ребята устали от подготовки и ожидания. Еще бы, полтора месяца подготовки. Полтора месяца, которые ушли на акклиматизацию в горах, изучение площадки, пробные прыжки с новым, специально для гор сконструированным парашютом... Но ведь и прыжок-то предстоит необычный.

7 часов 15 минут. Докладываю командиру экипажа: «Все парашютисты в самолете. Можно запускать двигатели».

И точно по заданному, в 7.30, взлет.

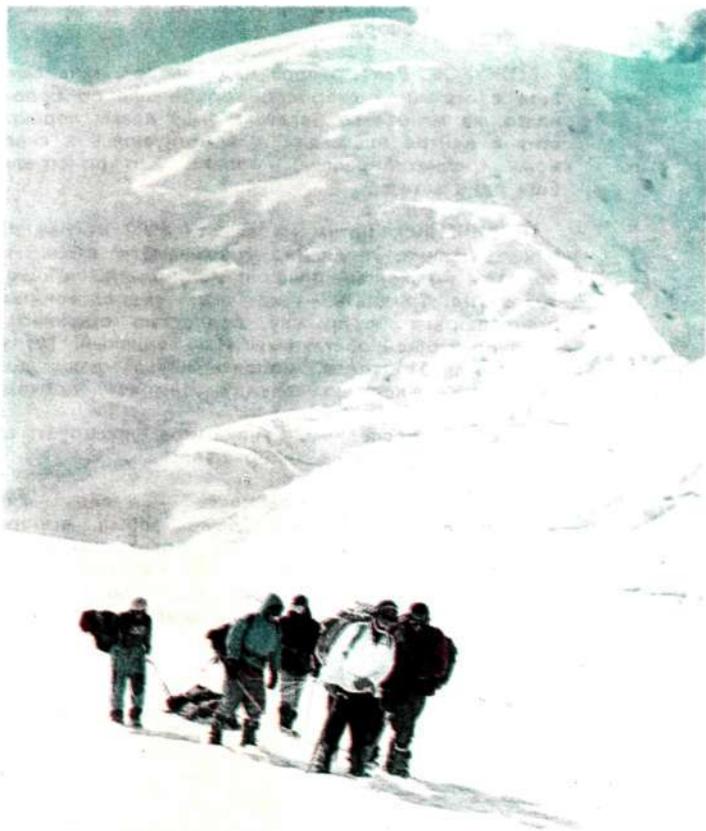
И тот же аэродром, та же пыль и почти та же жара, что и в прошлом году.

БОЖУКОВ. Самолет совершает заход за заходом. Уже улетели два пристрелочных парашюта. Страшно обидно, что не можем связаться с воздухом: радиостанция отказала.

На третий день спуска над нами закружил вертолет. Нам сбросили продукты, медикаменты, спирт и записку: «Если Сидоренко погиб и оставлен на вершине, разойдитесь и ложитесь на снег. Если Сидоренко не обнаружен, встаньте в круг. Если Сидоренко с вами, встаньте в одну линейку».

Вертолет сделал разворот — мы стояли ровной линейкой и размахивали руками: Сидоренко жив!

И опять мы спускаемся...

Сейчас минус десять, и, когда стихает ветер, солнце даже пригревает. В пуховом костюме, теплых двойных ботинках не холодно. Клонит в сон — называется высота, недостаток кислорода и, возможно, то, что поднялись сегодня рано: готовились к встрече. Ждем, волнуемся. Четыре группы альпинистов оцепили площадку, расположенную чуть ниже вершинного гребня...

ПЕТРИЧЕНКО. Видим на площадке знак, выложенный из красных десятиметровых полотнищ. Это означает, что скорость ветра у земли не превышает той, при которой можно работать.

— Приготовитесь!

Еще раз оглядываю ребят. Десять человек. Со мной. Первым, прямо у обреза люка сидит Володя Прокопов... Одиннадцать золотых медалей, и это сплошь мировые рекорды. Рядом с ним самый молодой в нашей десятке — Юра Юматов... 22 года, 574 прыжка. Слава Томарович... занимался разработкой средств десантирования для этого прыжка, один из лучших испытателей парашютов. Осторожный и внимательный, он и сейчас оглядывает ребят, их парашюты и снаряжение — все ли в порядке. Володя Мекаев... Он еще в прошлом году был в составе нашей группы, прошел альпинистскую подготовку, но перед самым вылетом получил серьезную травму колена, не смог тогда прыгать с нами. (Володя — большой знаток и любитель узбекской кухни, только что он подходил ко мне: «Приземлимся — для всех сделаю плов...») Володя Чижик, Эрик Севастьянов, им по 29. Оба участвовали в разработке парашютной техники для прыжков на Памир и испытывали ее. Сидят спокойно, должно быть, мысленно перебирают все этапы предстоящего эксперимента — ведь им надо не только прыгнуть, нужно еще дать подробный отчет о работе парашютной техники, о поведении куполов на высоте. В руках у Эрика фотоаппарат — нужно успеть во время снижения сделать несколько снимков. За Севастьяновым — Валерий Глаголев, Владимир Морозов, Александр Сидоренко... Кто-то из корреспондентов еще перед нашим вылетом занялся арифметикой: на всех нас приходится 14 655 прыжков, 51 мировой рекорд.

БОЖУКОВ. Рев моторов над головой, тень самолета с огромной скоростью пробежала по белому плато, на мгновение погасила алое пламя перекрестия в центре площадки и, взметнувшись к скальному гребню вершины, пропала. Это пристрелка. Еще один заход...

ПЕТРИЧЕНКО. Летим на высоте 8000 метров над пиком Ленина. Медленно открываются люки. Над обрезаем — желтый плафон: до команды «Пошел» 30 секунд. Тридцать — на все: сосредоточиться, подготовиться к прыжку, полностью отключиться от окружающей обстановки. И — зеленый! Тут же отделяется Прокопов, медлить нельзя даже доли секунды; за каждую секунду самолет проходит 150 метров...

Я прыгаю последним. Кинокамера фиксирует: все десять отделяются не задерживаясь...

БОЖУКОВ. От неожиданности — а ведь ждал именно этой минуты! — я даже забыл вскинуть «Конвас», хотя ясно вижу, что пролетающий самолет развесил в небе целый букет цветных фонариков. Броском сажусь на снег, прикипаю к окуляру камеры. Считаю. Один, два... девять, десять! Вся

десятка! Ура! Парашюты сработали. Теперь бы только попали на площадку...

ПЕТРИЧЕНКО. Я оглядел в воздухе всю группу: у всех нормально открылись купола. И только после этого взглянул на площадку. И сразу стало ясно, что на нее нам не попасть — сильный боковой ветер, возникший внезапно, сносит нас на юго-восток. Удастся ли ребятам нормально приземлиться? На глаз определяю свою скорость — не меньше 20 метров в секунду, то есть 70 километров в час, на такой скорости приземлиться на скалы — почти верная смерть...

Сразу за вершинным гребнем небольшая снежная площадка. Дальше она переходит в пропасть. Значит, нужно удержаться на площадке. Во что бы то ни стало. Промелькнул гребень — и вдруг с куполом парашюта начинается твориться что-то странное — он резко раскачивается, пульсирует и складывается. Наверно, здесь начинается завихрение: новая неожиданность. Управлять куполом сразу становится трудно. Отделяю контейнер, и он повисает на фале.

Резко натягиваю левый клевант и разворачиваюсь лицом к склону — нужно обязательно пробить ногами наст и удержаться на снегу, ведь крутизна склона достигает 70 градусов, и если начнешь скользить, задержаться нечем и не за что. Успеваю заметить, что тяжелый контейнер коснулся снега, но наст не пробил...

БОЖУКОВ. Двое первых исчезли за линией горизонта, вот за вершинным гребнем исчезли остальные. Ребята тотчас устремились к парашютистам...

Этот бросок для всех нас кончился одинаково: через 30—40 метров мы остановились, задыхаясь, широко раскрытыми ртами хватая воздух. Мы забыли, на какой высоте находимся...

Первым, кого я увидел на снежном склоне, был Прокопов. Потирая ушибленные места, чертыхаясь, он сказал, что приземлился первым, а дальше Слава Томарович — до него метров пятьдесят, он за грядой скал.

На скальном откосе склона увидел яркий купол парашюта и почти на одном уровне с ним, лишь чуть ниже, Славу... Хриплое дыхание вырывалось из-под кислородной маски. «Слава, Слава, потерпи, дорогой, сейчас все будет хорошо». Скорее перевернуть его, отцепить парашют, контейнер, уложить поудобнее, дать красную ракету: «На помощь врача!» Я так и сделал. Но тщетно...

Я представляю, как это случилось... Неожиданный порыв ветра бросил Славу на скалы; первое прикосновение к земле было ударом; потеряв сознание, он инстинктивно тянулся к замку купола, но силы и точности не было в этом движении. По крутому склону он скатывался вниз, купол тянул с огромной силой в сторону, из этого беспорядочного движения рождались удары о скалы, рождалась смерть. Защитный шлем не спас...

...Впервые мы встретились с ним в мае 1967 года на работе у Петриченко. Саша позвонил ему, и вскоре он пришел — скуластый, крепко сложенный. Коротко представился: «Томарович». Средних лет, держится просто и дружелюбно; по вопросам специально техническим объясняется толково, со знанием и точно.

На плато в августе 1967 года перед первым прыжком — встреча с обьятиями. «На днях из Москвы. Еле успел. Красота-то какая здесь! Какое небо! Верши-и-ины... Это что за вершина? А это что

за вершина?» Не прошло и пяти минут, как Слава наладил кислородную станцию, подключил ее к большому голубому баллону и приглашал всех желающих хлебнуть глоток кислорода. На спуске по сложному маршруту чувствовалось, что альпинистского опыта у Славы ну ни на грош, но внимание, с которым он прислушивался к советам, восполняло многое... Мы спустились довольные друг другом — это максимум, чего можно было достичь в той обстановке. И подружились.

Следующая встреча — за праздничным столом, Во главе стола молодые, Слава и Оля. Я чуть опоздал и сразу же благодаря Славусе очутился в центре внимания. Тосты «за самых мужественных людей на земле — альпинистов, которые прошлым летом спасли мне жизнь»... Познакомились с родственниками — ощущение, что все или летчики, или парашютисты, даже бабушки и те в свое время, в тридцатых годах, держали штурвал самолета. Не мудрено — ведь дело происходит в Тушино. Познакомились с мамой Славы, Верой Савельевной, пожилой сутуловатой женщиной с сединой в волосах, с морщинками у глаз («У сына такая профессия!»). Когда прощались, приглашали приезжать еще. Как вот теперь приехать?

Присесть бы сейчас рядом со Славой, собраться, что ли, с мыслями...

Но там, за вершинным гребнем, еще парашютисты. Надо торопиться к ним.

Еще сто метров крутого подъема. Безопаснее подняться метров на 30 вверх и пройти по гребню, но ведь на это надо время! Я пошел, траверсируя склон, тщательно страхуясь ледорубом, — фирн очень жесткий, и ботинки еле держат.

За гребнем встретил долговязого Валеру Петрука. «Володя Мекаев, Юра Юматов... Погибли».

На склоне метрах в 50 вижу группу альпинистов. Аркадий Маликов с ребятами делают искусственное дыхание Глаголеву, пытаются привести его в сознание. Но... Травма тяжела, врач бессилён.

Кто-то говорит, что Петриченко улетел далеко вниз...

ПЕТРИЧЕНКО. Я врезался со всего маху в снег и пробил его. Купол парашюта вытянулся в сторону пропасти — моментально отстегнул замки, и он с шуршанием исчез в пропасти... Вовремя! Иначе на таком ветру семидесятиметровый купол легко бы выдернул меня из снега и потянул за собой в пропасть. Снимаю кислородную маску и начинаю освобождаться от запасного парашюта и подвесной системы; с трудом вытаскиваю ноги из снега — да, хорошо наст, если подошвы «вibraм» даже не оставляют на нем царапин. Чтобы удержаться, нужно рубить ступени ледорубом, но до него еще нужно добраться. Мучает мысль: как ребята? Скорее, скорее действовать... Натягиваю фал контейнера, чтобы подтащить его к себе, но безуспешно, он даже не трогается с места. Тогда, держась за фал, осторожно, чтобы не сорваться, подхожу к нему... Разрезаю капроновые стропы упаковки. В контейнере все необходимое: кислородный баллон на 8 часов непрерывного действия, сигнальные ракеты, пуховый спальный мешок. Но вот с продуктами мы, кажется, перемудрили. Все парашютисты разного веса, а купол парашюта одинаковый для всех, и мы решили продукты (запас на трое суток) распределить между наиболее легкими парашютистами, тем же, кто потяжелее, отдать палатки. И вот я в первый раз пожалел, что отношусь к последним...

Скорей выбраться отсюда. Я знаю только о Сидоренко... Перед самым приземлением я успел заметить, что Сидоренко — он снижался рядом со мной — ушел несколько севернее и исчез в пропасти (видно, там заметил подходящую площадку для приземления). Но вот в той стороне я увидел сначала зеленую ракету, потом красную, он говорил этим: «Приземлился благополучно, без травм, но один вряд ли выберусь». Попытаться найти его? Вдвоем нам будет легче... Я попробовал подойти к краю пропасти, но обрыв не был резко обозначен, идти дальше без страховки опасно не только для меня, но и для него — ведь я мог обрушить снежный карниз и вызвать лавину. Значит, нужно было обращаться за помощью к альпинистам, а они были у вершины. И я пошел к ним, пополз вверх медленно, вырубая ледорубом ступени. Но вскоре стал задыхаться и надел маску, дал малую подачу — нужно было экономить кислород, ведь неизвестно, сколько времени придется находиться здесь.

Примерно через три часа, уже у самого подножья вершинного гребня, заметил группу людей, почувствовал себя увереннее. Но по их сосредоточенным позам понял: что-то случилось...

БОЖУКОВ. Морозов — он приземлился за гребнем, недалеко от вершины, — лежал на снегу. Вокруг были следы: видно, что ползал вверх — к куполу парашюта, вниз — к контейнеру; на колени пристегнут шлем — ползал на коленях. При приземлении сильно повредил ногу...

«Как ребята?» Что ответить? Решаем — всю правду...

Володя замкнулся, ушел в себя. Решаем отвести его к ребятам, что находятся близ гребня. Он покачал, опираясь на наши с Валерой плечи. Сил у Володи еще много, он в маске, дышит кислородом. Мы же устаем и, сделав 10—15 шагов, предлагаем ему отдохнуть. Володя из вежливости соглашается, хотя по поведению чувствуется, что не понимает — зачем. А мы валимся на снег от усталости. И лишь через полчаса, когда Володя снова стал спрашивать, что с ребятами, я понял, как сильно он ударился при приземлении.

На юго-восточном снежном склоне показалась фигура. Вглядевшись, я удивился неустанности, ритмичности движений человека, совершенно невероятной для столь крутого подъема на семикилометровой высоте. Это был Петриченко. Он шел с кислородным аппаратом.

ПЕТРИЧЕНКО. Первый вопрос — что с остальными? Валя отвернулся... Я не мог поверить в гибель товарищей — опытных, тренированных парашютистов... Валя повел меня к гребню, туда, где лежали погибшие...

Казалось, было предусмотрено все — изучена площадка, изготовлено специальное оборудование; патрулировали вертолеты — на доступной для них высоте; опытные альпинисты, палатки, запасы продовольствия ждали нас при приземлении... И все-таки это был прыжок в неизведанное: резкое и непредвиденное усиление ветра, перемена его направления привели к тому, что нас унесло от площадки, бросило на скалы...

Погибших захоронили на заоблачной вершине, воздвигнув пирамиду из вековых камней. Но это было уже потом...

на стр. 46 •

Первый кубу, вышедший из леса

Ф. ЮРЬЕВ

Лет пять назад мне довелось побывать на Суматре с геологической партией, которая должна была провести разведку полезных ископаемых в малоисследованной части острова. Рядом со мной в самолете, поднявшемся с джакартского аэродрома, сидел невысокий человек. Его внешность — длинные волнистые волосы, большие, с прямым разрезом глаза, резкие крылья короткого прямого носа — несколько отличала его от других индонезийцев. Случилось так, что этот человек стал на несколько дней нашим товарищем в путешествии на катере до Касмарана — деревушки в верховьях реки Муси, где находился лагерь нашей экспедиции. Помнится, меня заинтересовал вопрос: к какой из многочисленных народностей, населяющих острова индонезийского архипелага, принадлежит мой сосед.

— Я кубу, — спокойно ответил он.

Кубу?! Признаться, я был ошеломлен услышанным. «Осколок первобытного человечества», «загадка суматранских джунглей», народ, которому даже Британская энциклопедия отводит всего несколько строчек не из-за недостатка места, а потому, что о нем почти ничего неизвестно современной науке. Меньше всего я ожидал встретить представителя этого загадочного народа в самолете.

Несмотря на то, что о кубу ученым стало известно еще в двадцатые годы прошлого столетия из рассказов местных жителей, мало кому пришлось встречаться с ними, прежде всего потому, что они живут в труднодоступных районах и избегают контактов с внешним миром.

Перед второй мировой войной голландцы сделали попытку насильственным путем перевести лесных кочевников кубу на оседлый образ жизни. Естественно, что они меньше всего думали об интересах самих кубу. Им нужна была дешевая рабочая сила для эксплуатации природных богатств острова. Первое, с чего голландцы начали, — обложили кубу налогом. Убедившись, что с нищих людей ничего взять не удастся, голландцы быстро охладели к своей «цивилизаторской» миссии. В результате люди, оторванные от привычного образа жизни и не получившие ничего взамен, гибли от голода и эпидемий. В настоящее время кубу, живущих оседло, немного. Они занимаются примитивным подсечно-огневым земледелием, охотой. Под влиянием контактов с соседними народностями эти кубу в значительной степени утратили свои обычаи и язык.

Есть и другие кубу... Они живут по-прежнему в лесу, но имеют контакты лишь с торговцами. Время от времени они

приносят в определенное место смолу дамар, ротанг, гуттаперчу, корицу, воск, шкуры животных и там же оставляют образцы вещей, которые хотят получить взамен: соль, кусочки ткани, вырезанные из дерева миниатюрные ножи, топоры, наконечники для копий. Такой обмен называется немым, ибо торговец даже не видит своих партнеров.

Остальные кубу не имеют никаких контактов с внешним миром. Отдельными семьями они кочуют в римбе — девственном тропическом лесу, — в болотистых районах Суматры между реками Муси, Равас, Тембеси и Батанг-Хари. Их образ жизни мало чем отличается от жизни охотников-собирателей раннего каменного века. Однако каменный век кубу лишен каменных орудий. Дело в том, что в местах их обитания нет подходящего материала, например кремня. Единственное их оружие куджур — тонкая заостренная бамбуковая палка.

Эти кубу находятся на самой низкой ступени культуры, и поэтому изучение их жизни может дать много для понимания путей развития человеческого общества.

У кубу в римбе нет украшений и амулетов, нет ни песен, ни танцев. Нет у них и четких религиозных представлений. Умерших они оставляют на месте, откуда стремятся уйти побыстрее. Кубу боятся воды. Чтобы дух умершего не причинил им зла, они уходят на другой берег ручья, разрушая за собой переправу. Кубу твердо верят, что ни один из них, будь то живой или мертвый, не осмелится перейти вброд водную преграду.

Живут кубу недолго. В десятилетнем возрасте девушки выходят замуж, а в двадцать лет становятся старухами. Редко можно встретить кубу старше тридцати лет.

До сих пор еще не сделано сколько-нибудь серьезных попыток, чтобы изменить жизнь этого народа, которому грозит вымирание. Не раз объявлявшиеся в Индонезии проекты приобщения кубу к цивилизации сейчас окончательно похоронены. Помочь кубу пытаются только одиночки-энтузиасты, усилия которых вряд ли что могут изменить. К ним относится и мой знакомый Синентинг — кубу, который в силу случайного стечения обстоятельств сумел вырваться из римбы. Он старается познакомить людей своего народа с начатками земледелия, чтобы они меньше зависели от леса, пытается их лечить, чтобы хоть как-то облегчить жизнь людей, которые в век атома вынуждены владеть существованием на уровне каменного века.

Вот история Синентинга.

Старый кабан поднял морду, и его пяточок, с которого свисали зеленые нитки мха, задвигался, ловя ноздрями дуновение ветра. Обоняние отсеивало от влажных испарений земли, пряного дурмана гниющих ветвей и листьев, резкого кислого аромата муравьиной кучи тревожащий запах человека — сигнал опасности. Кабан коротко хрюкнул, призывая к вниманию маток и поросят, которые спокойно паслись возле большого дерева джамби, с хрустом поедая красные-белые, словно отлакированные плоды. Резко повернувшись, кабан бросился в заросли, увлекая за собой стадо. Но было слишком поздно. Из-за дерева появился человек, в воздухе мелькнул

продолговатый предмет, и один поросенок упал, пронзенный бамбуковым копьем.

Охотник, не обращая внимания на добычу, приложил ладонь ко рту и издал громкий призывный крик. На прогалине появились женщина и трое детей. Мужчина снял со спины сумку из луба и вынул из нее кусок сухого дерева. Усевшись на землю, он зажал обрубок между ступнями и стал быстро водить по поперечной бороздке шершавым побегом ротанга, который вместо тетивы был натянут на маленький лук. Сухие волокна мха, которые он подкладывал время от времени, сначала почернели, лотом появилась тоненькая струйка дыма. Наклонившись, Бедури начал осторожно раздувать тлеющий мох, пока не появилось пламя. Добавил

тоненьких прутиков и убедившись, что огонь не потухнет, он поднял голову и крикнул:

— Синентинг, делай большой огонь.

Старший из мальчиков, помогавший матери и сестре свежевать поросенка бамбуковым ножом, начал таскать сучья к костру. Бедури сидел, прислонившись спиной к дереву, настороженно вслушиваясь в шорохи римбы. Вот уже несколько дней он ощущал непонятное беспокойство. В лесу, где он знал каждое дерево, самую незаметную тропинку, стали происходить странные вещи. Он видел следы, которые не мог оставить ни один из известных ему зверей, слышал звуки, которые не были похожи на знакомые голоса обитателей джунглей. Конечно, римба полна опасностей. Но если знаешь,

Рисунок И. БРУНИ

откуда грозит беда, то можешь ее избежать. А сейчас Бедури не знал. В его лесу, частицей которого он себя считал, появилось нечто чужое. И он ощутил страх.

Закончив разделывать добычу, женщина отнесла мясо мужу. Бедури взял себе большую часть, а остальное передал жене, дочери и младшему сыну. Синентинг получил всего несколько ребер, на которых было совсем немного мяса.

— Ты уже взрослый, Син, — обратился Бедури к мальчику, — и должен привыкать сам искать еду.

Семья голодала уже два дня. Недавно пропала их собака, а без такого помощника удачной охоты не жди. Бананы, на которые они надеялись, успели оборвать обезьяны.

Усевшись вокруг костра, каждый насадил на палку доставшийся ему кусок мяса и сунул его в огонь. Скоро запах паленой щетины и пригорелого сала начал приятно шекотать ноздри, наполняя рот голодной слюной. Все принялись за еду, разрывая зубами едва обжаренное мясо. Синентинг первый покончил со своей порцией, но не стал дожидаться, когда взрослые закончат еду и, может быть, оставят ему обглодать кости. Он поднялся и бесшумно двинулся в сторону, откуда доносилось журчание ручья.

Внезапно прямо перед ним в солнечном луче, пробившемся сквозь листву, сверкнула ярко-красной каемкой на складывающихся крылообразных перепонках летающая ящерица. Она не долетела до дерева, рука Синентинга перехватила ее на лету. Мальчик пошел дальше, на ходу обкусывая жесткую кожу перепонки, добираясь до теплого мяса. Через минуту от ящерицы остался только длинный, тонкий несъедобный хвост. У ручья ему повезло больше — он поймал несколько лягушек, которых решил отнести родителям.

После еды вся семья отдыхала под большим деревом на прогалине, пережидая полуденный зной. Отец, накручивая редкие волосы на щеках и подбородке на тонкую палочку, вырывал их. Мать и сестра, достав из сумок полоски луба, плели новую заплечную сетку, изредка поглядывая на маленького Топу, который возился неподалеку.

— Хорошо, Син, — похвалил Бедури сына, увидев его добычу. — Скоро я сделаю тебе на-

стоящий куджур, чтобы ты мог охотиться на больших зверей.

— Тогда я убью слона, и мы будем есть много мяса, — обрадовался мальчик.

— Нет, этого делать нельзя. Запомни, что никогда, как бы тебе ни хотелось, нельзя есть мясо слона, тигра и кошки. Слон — хозяин леса и самый сильный зверь. Если съешь его мяса, у тебя не будет удачи на охоте.

— А почему нельзя есть мясо тигра и кошки?

— Один человек с реки Аир-Мерах рассказал моему отцу, что в тигров могут превращаться люди-оборотни — оранг-чиндаку. Они живут среди нас, спят с нами, вместе с нами едят. Ночью, когда их никто не видит, они оборачиваются тиграми и идут охотиться, они подстерегают людей, нападают и разрывают их в клочья. Нужно обходить тигра стороной и не стоит попадаться на его пути — это не наша добыча. Когда ты не сможешь избежать встречи с тигром и должен будешь с ним сразиться, попроси у него прощения, прежде чем метнуть свой куджур. Может быть, тебе встретится не тигр, а оранг-чиндаку.

— Отец, а ты видел оранг-чиндаку?

— Нет, но их можно отличить от настоящих людей. У оранг-чиндаку верхняя губа гладкая, как у тигра. Они всю ночь охотятся, а утром ходят бледные и усталые. Поэтому они любят спать днем.

— Почему же люди, когда встречают оранг-чиндаку, не убивают их сразу? Я бы убил.

— Нет, Син, если ты узнаешь оранг-чиндаку и обвинишь его в этом, он сразу превратится в тигра и растерзает тебя. Видишь, тигр может оказаться человеком, поэтому мы не едим его мяса. А кошка — младшая сестра тигра, и ее мяса тоже есть нельзя.

Бедури выдернул последний волосок, провел ладонью по гладкому лицу и поднялся.

— Пошли, — коротко бросил он, и семья двинулась за ним.

Никто не спрашивал, куда они идут. Отец был самым опытным среди них, он всегда знал, что нужно делать, и его слушались беспрекословно.

У Бедури была определенная цель. Он хотел выяснить, кто оставил незнакомые следы, какому зверю принадлежит голос, похожий на раскаты грома. Это

была его территория, где он охотился, добывал пищу для себя и своей семьи, и он был готов защищать ее даже ценою жизни.

Двигались медленно. Голод давал себя знать, так как маленький поросенок не насытил семью. Все внимательно оглядывались по сторонам, тщательно осматривая ветки кустарника, где попадались жирные гусеницы, которых немедленно отправляли в рот. Матери посчастливилось найти дикий ямс. Острой палочкой она выкопала из земли крупные клубни и сложила их в заплечную сумку. Маленький Топ подбежал к ней и получил прятавшуюся в земле личинку жука. Малыш завизжал от удовольствия и сунул лакомство в рот.

Бедури уверенно двигался вперед. Он шел к границе участка, где кочевала его семья, чтобы еще раз посмотреть на таинственные следы.

За четыре дня следы не исчезли, пожалуй, их стало больше.

В зарослях аланг-аланга пролегла широкая просека, по краям которой чернела развороченная земля, словно изжеванная зубами огромного зверя. Редкие деревья, попадавшиеся среди кустарников и высокой травы, были смяты, поломаны и выворочены с корнем. Кое-где попадались черные жирные пятна с незнакомым запахом. Следовая земля была обглодана, Бедури быстро и бесшумно устремился вперед.

Все шли по краю просеки, стараясь не наступать на загадочные следы. Впереди ждала опасность, поэтому никто не отвлекался на поиски пищи. Вдруг Бедури увидел в кустах вздувшийся труп собаки, который густо облепили зеленые мухи. Темное пятно на левом боку не оставляло сомнений, что перед ним лежала его пропавшая Чи.

Что же случилось с Чи? Бедури внимательно оглядел собаку. На теле не было видно ни следов когтей, ни укусов, только на голове виднелась небольшая дырочка и немного запекшейся крови. Рана не была похожа на след от удара куджуром. Неведомый зверь убивает, но не ест свою добычу — сделал он вывод.

Томительная духота и пройденное расстояние давали себя

знать. Синентинг, более крепкий, чем братишка, который уже давно еле передвигал ноги, тоже почувствовал усталость.

— Топа хочет пить, — сказала Нинг Ресиу, приблизившись к мужу.

Бедури оглянулся вокруг. Его взгляд сразу нашел среди зарослей мясистую лиану толщиной в руку, покрытую редкими крупными листьями с толстыми черенками. Срезав бамбуковым ножом один из листьев у самого основания, Бедури поднес его ко рту и надавил на черенок. Оттуда потекла струйка прохладной чистой воды. Второй лист он дал сыну, еще раз показав, как с ним нужно обращаться. Топа внимательно смотрел на растение, запоминая, чем оно отличается от других. Он привик подражать взрослым, инстинктивно перенимая у них все, что может пригодиться в нелегкой жизни лесного человека.

Солнце уже начинало спускаться к горизонту, когда Синентинг, который шел чуть в стороне, увидел хлебное дерево. На толстых ветвях и прямо на стволе висели крупные, с голову, желтые плоды — нангка. Разломав толстую кожуру, сплошь покрытую маленькими заостренными пупырешками, Синентинг с наслаждением стал есть похрустывающие сладковатые, плотно прилегающие друг к другу волнистые пластинки, заполнившие внутреннюю часть плода.

Удачная находка изменила планы Бедури, он решил остановиться здесь на ночлег. Солнце все быстрее скатывалось к горизонту, и под сводами деревьев становилось темно. Наклонив верхушки веток кустарника, Бедури связал их между собой так, что образовалось подобие каркаса. Остальные начали переплетать его широкими листьями пандануса, ветками и травой. Через несколько минут был готов шалаш, в котором можно было укрыться без риска вымокнуть даже во время сильного дождя. Внутри Нинг Ресиу настелила несколько охапок мягкого мха.

Все улеглись в шалаше, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись накидками из луба. Синентинг быстро уснул. Его сон не тревожили ни крики животных, ни таинственные шумы ночного леса. Каждый звук имел свое объяснение. Синентинг уже умел даже в полной темноте безошибочно отличать в этом не-

прерывном гомоне малейший шорох, предвещающий опасность.

Не успело утреннее солнце полностью рассеять ночной сумрак у подножья лесных гигантов, как вдали послышался странный звук, быстро приближавшийся к месту ночевки. Все, кроме безмятежно спавшего Топы, настороженно приподняли головы. Синентинг и Бедури на четвереньках вылезли из шалаша и стали напряженно всматриваться вверх.

Прерывистый звук, с каждой минутой все громче доносившийся с неба, чем-то напоминал стрекотанье токея — большой ящерицы с красивой синей кожей, усыпанной пурпурными пятнами, — которым тот начинает свою песню: «Ток-кей, ток-кей, ток-кей...»

Вместо токея Бедури и Синентинг увидели на фоне голубого неба между кронами деревьев невиданную зеленую птицу, над телом которой был ясно различим сверкающий в лучах солнца серебристый круг. Она быстро скрылась из виду, и ее голос постепенно замер вдали.

Не успели Бедури и Синентинг оправиться от изумления, как с той стороны, куда улетела птица, раздался грохот, раскаты которого, прокатившиеся по джунглям, заставили умолкнуть все живое. Бедури старался подавить закрывшийся в сердце страх. Семья, собравшаяся вокруг, молча ждала его решения.

— Пойдем дальше, — спокойно сказал отец.

Бедури двинулся напрямик в ту сторону, откуда исходил испугавший их грохот. Чтобы идти побыстрее, Нинг Ресиу посадила Топу к себе за спину на широкую лямку из луба.

Кубу двигались неслышно, ловко скользя сквозь густой подлесок, перепрыгивая через поваленные деревья, избегая колючих веток и стеблей. Только иногда стена бамбука, встречающаяся на пути, заставляла Бедури ненадолго отклоняться от избранного направления. Скоро почва стала понижаться, и в пружинящем мху следы быстро наполнялись коричневой водой. Они приближались к болоту. Бедури чутьем определял нужное направление среди топи, обходя открытую воду, которая перемежалась островками с чахой растительностью. Хотя ноги увязали в иссиня-черной тине, он

уверенно шагал вперед. Скоро трясина осталась позади.

Грязь быстро засыхала, коркой стягивая кожу. Никто и не пытался ее соскрести — толстый панцирь хоть немного предохранял от укусов бесчисленных москитов. Мшаники и жесткая болотная трава сменялись толстым слоем гниющих листьев и густого подлеска. Нога по щиколотку уходила в этот ковер, глушивший звуки шагов.

Загадочные следы появились неожиданно, когда кубу поднялись на вершину небольшого холма. Внизу, у подножья, чернела развороченная земля. Вокруг глубокой ямы, протянувшейся к небу длинные скрюченные корни, валялось несколько деревьев, вырванных из почвы неведомой силой. Деревья упали недавно. Бедури определил это по тому, что из поломанных ветвей еще сочился не успевший затвердеть сок.

Удвоив осторожность, Бедури приказал всем держаться сзади, крепко сжал в руке куджур, приготовившись к любой неожиданности. Через некоторое время он остановился, уловив неясный шум в той стороне, куда они двигались. Он замешкался лишь на какое-то мгновение. Непредолимое желание понять неведомое толкало его вперед, навстречу усиливавшемуся разноголосому рычанию и визгу.

Еще ничего не было видно, но Бедури чувствовал, что это уже недалеко. Сделав знак, чтобы все оставались на месте, он стал действовать так, как поступал в тех случаях, когда ему нужно было приблизиться к зверю, не выдавая своего присутствия. Определив направление ветра, едва шевелившего листву кустарников и деревьев, он описал полукруг так, чтобы находиться с подветренной стороны. Его ноздри ощутили странный, никогда раньше не встречавшийся запах.

Пробравшись к открывшейся впереди прогалине, Бедури затаился в кустарнике. На расчищенной площадке он увидел людей. Их было много. Больше, чем пальцев на руках и ногах. Он никогда не видел столько людей в одном месте. Удивление помешало ему сразу определить, кто же издает пугающие его звуки. Успокоившись, он стал лучше ориентироваться в хаосе незнакомых запахов, звуков, предметов.

Его внимание привлекла группа людей, один из которых дер-

жал в руках громко голосившего зверя. Когда человек приложил зверя к толстому дереву, тот пронзительно взвизгнул и глухо заурчал, вгрызаясь зубами в ствол. Видимо, зверь наелся, потому что, когда человек оторвал его от дерева, он замолчал, а ствол наклонился и рухнул на землю, обнажив белый срез на комле. Несколько других людей обступили ствол, обрубая сучья сверкавшими в лучах солнца предметами.

Бедури долго колебался, что делать. Осторожность боролась в нем с любопытством. Наконец, убедившись, что опасности нет, а его присутствия никто не заметил, он привел остальных посмотреть на удивительное зрелище.

Пять пар глаз внимательно наблюдали за людьми на прогалине. Скоро взрослым стало ясно, что вся эта непонятная суета подчинялась командам одного человека с неприятной на вид белой кожей, напоминавшей рыбе брюхо. Кроме него, такого же цвета кожа была у нескольких человек, расположившихся под навесом и пивших какую-то жидкость из блестящих сосудов. У большинства людей, сновавших по поляне, кожа была темная, хотя и не такая, как у кубу.

Чтобы получше рассмотреть происходящее, кубу время от времени неслышно перемещались в кустарнике. Нинг Ресиу настолько увлеклась, рассматривая невиданное сооружение из толстых бревен, внутри которого толстый ствол, быстро вращаясь, уходил в землю, что на некоторое время забыла про Топу.

Малыш, привыкший во всем подражать взрослым, тоже переходил с места на место, стараясь не попадаться на глаза людям на прогалине. Постепенно он подкрался к группе белокожих, среди которых один особенно заинтересовал его. Топу еще не видел человека, у которого бы вокруг лица росли длинные красные волосы. Отец всегда говорил, что человек отличается от обезьяны кера тем, что у него гладкое, безволосое лицо. Еще больше привлекали его круглые, пускавшие солнечные зайчики сосуды, из которых незнакомцы что-то пили.

Когда один из белых отбросил пустой сосуд в сторону, так что тот остался лежать неподалеку от кустарника, за которым стоял

Топу, малыш вмиг позабыл строгий наказ матери не выходить из кустов. Несколько шагов — и он очутился возле желанной вещи. Синентинг заметил братишку на поляне в тот момент, когда человек с волосами на лице, что-то закричав, со всех ног бросился к Топе. С другой стороны из кустов выскочила Нинг Ресиу и тоже бросилась к сыну, который стоял на месте, парализованный страхом.

Прежде чем она успела добежать до него, Топу, громко крича, уже барахтался в руках страшного белоликого. В то же мгновение на поляне появился Бедури, и куджур вонзился в бок белого. Тот отпустил Топу и, скорчившись, повалился на землю. Синентинг видел, как один из белых приложил к плечу длинную палку, и воздух наполнился резкими хлопками, похожими на те, которые издает зеленый бамбук, если бросить его в огонь костра.

Бедури, успевший добежать почти до самых кустов, вдруг странно выгнулся назад и плашмя упал на землю. Последнее, что увидел Синентинг, — неподвижное тело отца, распростертое на земле, которое пинали странные люди с белесой, как рыбе брюхо, кожей. В следующее мгновение он бросился вслед за сестрой и матерью, которая, подхватив Топу на руки, изо всех сил бежала от страшного места.

Нинг Ресиу разрешила сделать передышку, когда беглецы перестали слышать шум с того места, где остался Бедури. Нинг Ресиу не могла понять, почему Бедури упал. Она знала лишь, что ей никогда больше его не увидеть.

Потянулись дни, и каждый был похож на другой сосущей пустотой в желудке, непрерывными поисками пищи, которой становилось все меньше, промозглой сыростью после захода солнца, когда не было огня, чтобы согреться. Куджур и огниво остались у Бедури.

Первым от истощения умер Топу. Однажды утром он не проснулся, несмотря на попытки матери разбудить его. Их осталось трое. Когда они остановились на ночевку, мать и сестра отдали жалкую добычу, собранную за день, — нескольких улиток и молодые побеги бамбука — Синентингу. И он понял, что его признали главой семьи. В этот вечер из подростка он превратился в мужчину.

Синентинг приказал женщинам готовить временную стоянку, а сам пошел в лес. Вскоре он нашел то, что искал, — хлебное дерево. Но плодов на нем не было. Внимательно осмотрев ствол, он вырезал несколько длинных полос коры там, где не было сучков. Отыскав яму, в которой после прошедшего дождя сохранилась вода, Синентинг опустил полоски коры в воду и придавил их камнями, чтобы они не всплывали на поверхность. Так делал в свое время Бедури.

Утром, когда женщины пошли в лес, Синентинг вернулся к яме. Он вытащил из воды полосы коры, которая за ночь разбухла и размякла, положил одну полосу на валавшееся рядом бревно и яростно стал колотить по ней толстой дубинкой. Скоро верхний, жесткий покров начал отслаиваться. Выбросив его, Синентинг продолжал колотить дубинкой по лубу до тех пор, пока он стал тонким и мягким. Теперь оставалось только хорошенько просушить его на солнце, чтобы получить мягкий, тонкий «кулит-кау», из которого можно сделать набедренную повязку — отличительный знак самостоятельного взрослого мужчины.

Мать и сестра вернулись с полными сумками дикого ямса. Но эта удача не радовала. Ведь эти клубни можно есть только после того, как они испекутся на углях костра. Есть их сырыми нельзя, если хочешь остаться живым. Синентинг знал, как добывают огонь, но у него, кроме заостренных бамбуковых палочек, не было ничего, чем можно было сделать огниво. Правда, вокруг достаточно сухих деревьев, которые вполне подходили для этой цели. Но свалить дерево вручную они не смогли бы даже втроем.

— Син, — сказала Нинг Ресиу, — однажды я видела, как Бедури свалил толстое-толстое дерево.

Через несколько минут, найдя в сухой древесине небольшую трещинку, Синентинг вгонял туда бамбуковые клинья, которые готовили ему мать и сестра. Работа двигалась медленно. Нужно было отколоть подходящий кусок, чтобы совместными усилиями оторвать его от комля. После многих часов напряженной работы ствол был расщеплен на несколько частей. Выбрав один из обломков подходящей толщи-

ны, Синентинг бамбуковым ножом, помогая себе ногтями и зубами, проделал в дереве поперечную канавку. Ну, а лучок с ротанговой тетивой сделать было совсем нетрудно. Когда настала ночь, возле шалаша пылал костер.

Наскоро поев, Синентинг отжигал в огне лишние куски от огнива, чтобы его можно было носить с собой в сумке. Для него это было самым ценным имуществом, которое не только спасало от холода, но и давало защиту от нападений диких зверей.

Скоро должен был начаться сезон дождей, и Синентинг все чаще задумывался о том, что им нужно встретиться с другими людьми своего племени. Если в сухой сезон, когда можно было найти плоды на деревьях, они еще могли кое-как перебиваться, то во время дождей без собаки и хорошего куджура их ожидает голодная смерть. Нинг Ресиу была согласна с ним, хотя у нее были другие мысли о том, почему нужно искать людей. Дочке нужен муж, а в семье Ченгината, жившей у реки Батанг-Хари-Леко, с которой она встречалась прежде, были холостые мужчины.

Три дня они шли по берегу реки, разыскивая место, где можно переправиться на другой берег, не замочив ног. Река, образовавшая завал из бревен на одном из перекатов, помогла им сама. Теперь нужно было держаться вместе, удвоить внимание и осторожность и главное — не охотиться, чтобы своим поведением не дать повода к враждебным действиям.

На исходе дня Синентинг увидел на траве, ветках и стволах деревьев следы, оставленные людьми. Оторванный от гниющего ствола кусок коры, вырванный из земли корень, оставивший после себя еле заметное углубление, отогнутая ветка — все это говорило о том, что здесь был человек, человек, который, как и Синентинг, искал еду — ползала ли она, росла в земле или летала.

Когда вдаль послышались голоса, Синентинг остановился и громко крикнул, предупреждая о своем приближении. Ему ответили, и все ускорили шаг, с нетерпением ожидая встречи, которую так долго искали.

На свободном от кустов, открытом участке было разбросано несколько хижин на высоких

бамбуковых сваях. Только сваи да редкий настил из жердей, заменяющий пол, отличал их от жилищ, сооружаемых на одну ночь. Если семья остается на одном месте на несколько дней, хижину поднимают над землей, чтобы защитить себя от нападения хищников.

Возле большого костра, горевшего в центре поляны, на короточках сидело несколько пожилых мужчин. Женщины, собравшиеся под высоким деревом с расходящимися от ствола большими, плоскими, как доски, опорными корнями, разделяли черепах — любимое блюдо кубу. Синентинг подошел к группе мужчин, а Нинг Ресиу и сестра присоединились к женщинам, одетым, как и они, в короткие юбочки из луба.

На этой поляне Синентинг с матерью и сестрой прожили несколько дней. Кубу не торопились расходиться. И тому была особая причина. Несколько молодых мужчин и девушек явно предпочитали общество друга всем остальным. Было ясно, что скоро появятся новые семьи. Поэтому Ченгинат и главы семей не торопились распределять охотничьи участки, для чего кубу и собирались вместе. Молодым, которые начнут кочевать отдельно от родителей, тоже нужно будет выделить территорию, так что лучше подождать и произвести раздел сразу для всех.

Но вот назначили день свадьбы.

В этот день с утра невесты и женихи принялись за свой туалет. Они приводили себя в порядок, соскребая ногтями корку грязи, покрывавшую тело. Отваливаясь, пласты грязи обнажали кожу, покрытую лишаями и сыпью. Родители и родственники готовили молодым новые набедренные повязки и юбочки.

Неподалеку мужчины и подростки соревновались в метании куджура. Синентинг подошел к группе зрителей, которые одобрительными возгласами встречали каждый удачный бросок. Попасть было не просто. Шагах в двадцати пяти между деревьями были натянуты побеги ротанга толщиной в мизинец. Большинство соревнующихся с первого броска поражали цель. Синентинг, как и его сверстники, давно уже метко бросал в цель бамбуковые палки. Теперь он с гордостью держал новый куджур, который за несколько дней сделал с помощью Ченгината. Ему

было чем гордиться. Гладко отполированный, с крепко привязанным острым наконечником из обожженного и заточенного куска бамбука, куджур свидетельствовал, что Синентинг уже не ребенок, а настоящий мужчина.

В полдень в центре поляны вокруг Ченгината собрались мужчины и женщины. Лицом к нему стояли три пары, которые сегодня должны были образовать новые семьи. Женихи заметно волновались. Хотя они сами выбирали невест, но быть или не быть новой семье, решали не они.

Ченгинат поставил каждую невесту слева от жениха и соединил их руки. Затем, обратившись к первой девушке, сказал:

— Челити, ты хочешь идти по лесу с этим мужчиной?

— Да, — громко ответила она.

— Лимас, — спросил Ченгинат у сестры Синентинга, — ты согласна уйти с этим мужчиной?

— Да, согласна, — последовал ответ.

— Сити Ремас, ты хочешь кочевать с этим мужчиной? — обратился он к третьей невесте.

— Нет, — потупившись, призналась молоденькая, едва сформировавшаяся девушка и свернувшись, отбежала к своему отцу, стоящему неподалеку.

Обескураженный жених отошел к своей семье. Его родственники не выказали ни гнева, ни обиды, услышав отказ девушки. Что же поделаешь, таков обычай. Женщина должна беспрекословно подчиняться мужу, но до свадьбы она имеет право выбора.

Ченгинат, указывая рукой на две оставшиеся пары, медленно, торжественным голосом проговорил:

— Те, кого вы видите перед собой, отныне муж и жена. Если вы увидите их вместе, не мешайте им.

Вечером у костра в последний раз собрались новые и старые семьи. Утром они должны будут разойтись, и быть может, их пути больше никогда не пересекутся в необъятной римбе. Синентинг сидел отдельно, прижимая к себе крупного шенка, которого подарил ему Ченгинат. Отныне ему предстояло жить одному, пока он не встретит себе подругу. Нинг Ресиу решила остаться с семьей Ченгината, у которого был самый большой участок.

На рассвете Синентинг шагал по лесу навстречу новой жизни.

У него теперь было все, что нужно для жителя леса, — огонь, оружие и сабака.

Ему хотелось только одного: испытать свой куджур на охоте. Но с этим нужно было повременить. Чи, как он назвал свою собаку в память о старой, был еще неопытным щенком, которого нужно будет многому научить. А пока придется надеяться только на свое умение и на удачу.

Через неделю Синентинг добрался до своего участка. Он обошел его, узнал ориентиры, о которых рассказывал ему Ченгинат. Он знакомился со своим лесом, как с домом, где ему придется жить: запомнил, где растут бананы, дурианы и другие плоды, обследовал звериные тропы, на которых придется подстерегать добычу, искал заросли бамбука, из которого будет делать свои нехитрые орудия. Очень скоро он уже чувствовал себя здесь полным хозяином.

Прошел год, и Синентинг все реже и реже вспоминал о своей прежней семье. Борьба за жизнь не оставляла ему времени для воспоминаний. Но его все чаще охватывало чувство одиночества, желание увидеть людей. Ченгинат говорил ему, что поблизости, в долине реки Аир-Путих, кочует несколько семей. Наконец наступил день, когда он решил пойти на поиски своих соседей.

Идти было тяжело. Наступил сезон дождей, и все вокруг сочилось влагой. Порой дождь шел подряд несколько суток. Приходилось пережидать его там, где можно было найти хоть какую-нибудь пищу. Земля набухла, не успевая впитывать воду, кругом стояли лужи, а ручьи, в сухой сезон такие узенькие, превратились в бурные реки.

Вода выгнала на поверхность обитателей глубоких нор. Это было ему на руку. Змеи и ящерицы, спасавшиеся от воды на поваленных деревьях и ветвях, становились для него легкой добычей.

Как-то днем, когда дождь прекратился, Синентинг вышел из своего убежища на охоту. Он уже давно покинул пределы своего участка, и в незнакомом месте поиски пищи отнимали у него намного больше времени, чем обычно. Как раз в тот момент, когда он увидел на стволе высокого дерева дупло, где наверняка должны были быть пчелы, до него донеслись приглушенные расстоянием звуки, ко-

торые сразу заставили его забыть обо всем. Синентинг снова услышал щелканье выстрелов, которое он не мог спутать ни с чем другим. Опять белые, несущие непонятную быструю смерть. Но у него не было страха перед ними. Белые, как он понял, — это люди, а все люди умирают после удара куджуром. Просто белых нужно избегать и не показываться, потому что их оружие убивает на таком расстоянии, на какое не бросить копые самому лучшему охотнику.

Синентинг решительно двинулся навстречу треску выстрелов. Может быть, там те самые белые, что убили Бедури. Тогда... Его рука крепче сжала куджур. Ориентироваться было трудно. Звуки то усиливались, то затихали, перемещались из стороны в сторону, так что ему приходилось не раз менять направление. И когда он уже точно знал, куда идти, стрельба внезапно прекратилась.

Синентинг несколько мгновений постоял в нерешительности. Потом снова двинулся туда, откуда в последний раз доносилась стрельба. Он прошел не меньше трех километров, когда Чи, шнырявший в кустах, остановился и глухо заворчал. Мгновенно остановился и Синентинг, вслушиваясь в молчание зарослей. Не обнаружив ничего подозрительного, он приблизился к Чи, желая выяснить, что встревожило собаку. Невдалеке он увидел расprostертого на земле человека, лежавшего лицом вниз.

Человек был еще жив. На нем была одежда, похожая на ту, что носили люди, убившие отца. Синентинг поднял куджур, но в этот момент человек застонал и перевернулся на спину. Он увидел, что перед ним лежал не белый. Человек открыл глаза» посмотрел на Синентинга и что-то прошептал.

... — когда я увидел его глаза, — рассказывал Синентинг, — я не смог его бросить. Передо мной был человек, который нуждался в помощи, потому что был ранен. Он был намного старше, но, даже когда выздоровел, чувствовал себя в лесу, как маленький, который еще ничего не знает,

Через некоторое время мы стали немного понимать друг друга. В долгие промозглые дождливые дни, когда из шалаши и носа нельзя было высунуть, он

пытался мне рассказать о себе, о жизни других людей. Постепенно в мой ограниченный до этого мир начали проникать совсем новые понятия. Я узнал, что идет борьба с голландскими колонизаторами. Хартоно объяснил мне, что в день смерти отца мы, видимо, встретились с геологической партией американской компании «Калтекс», которая велла разведку новых нефтяных районов на острове.

Конечно, мне было очень трудно осознать все, что говорил Хартоно. Тот мир, о котором он говорил, казался мне таким же далеким и таинственным, как звезды на ночном небе. Трудно было поверить в то, что ты никогда не видел и не мог представить. Но ему удалось что-то пробудить в моем сердце, и я захотел сам посмотреть на эту незнакомую жизнь. Поэтому я согласился остаться с Хартоно, когда после долгих поисков мы нашли партизан. В 1949 году военные действия окончательно прекратились, и он взял меня в город. Там я прожил десять лет, учился, работал,

Мне было хорошо, но я не мог забыть о том, что люди моего народа продолжают влачить жалкое существование без какой-либо надежды на лучшее будущее. Поэтому я снова ушел в джунгли. К сожалению, в одиночку мало что можно сделать. Порой мне кажется, что я пытаюсь потушить лесной пожар, таская воду из реки в ладонях. Но иначе я не могу.

Когда вдали показались первые строения Касмарана, лес начал отступать от берега. Синентинг на минуту спустился в каюту и вышел с туго набитым вещевым мешком.

— Ну, мне пора, — сказал он, протягивая руку. — Я сойду сейчас. Отсюда мне будет ближе.

— Как, вы ничего не берете в джунгли? — удивился я.

— Недалеко у меня спрятан куджур и огниво — это все, что мне нужно. Чтобы кубу мне вернули, я должен быть одним из них. Разве только это, — Синентинг показал рукой на рюкзаки. — Здесь соль, семена овощей, лекарства.

Катер повернул к берегу. Синентинг спрыгнул на землю, обернулся, приветственно помаhal рукой и скрылся в зарослях.

ДЭН ДЖЕКОБСОН,
южноафриканский писатель

НИЩИЙ - МОЙ БЛИЖНИЙ

Рассказ

Впервые Майкл увидел их, когда однажды возвращался из школы. На какое-то мгновение улица, сверкавшая в солнечном свете, опустела — не стало ни автомобилей на мостовой, ни пешеходов на тротуаре; и тут-то,

вопрошающе глядя на него, предстали эти двое. Они, казалось, прямо выросли перед ним, словно свет и тень ослепительно яркой улицы неожиданно сконцентрировались в двух маленьких негрятках с большими глазами на круглых черных лицах.

— Stukkie brood? — жалобным голоском спросил старший мальчик.

Кусок хлеба. Stukkie brood. Так в школе Майкла называли всех африканских детей — ведь они всегда просили кусок хлеба.

— Stukkie brood? — сказала

маленькая девочка. На ней было засаленное белое платье, такое короткое, что едва прикрывало бедра. Ни носков, ни туфель, ни кофточка, ни шапочка на девочке не было. Лет ей было около десяти. Мальчику, одетому в рваную цвета хаки рубашку и серые, слишком уж большие для него шорты, было почти столько же, сколько Майклу — лет двенадцать, хотя ростом он был поменьше. Как и девочка, этот африканский мальчик не был обут. Их руки и ноги были болезненно тонкими; запястья и лодыжки выпячивались узлами, а кожа над выступавшими костями была морщинистой и грубой. На черной коже грязь казалась светло-серой.

— У меня нет хлеба, — сказал белый мальчик, пораженный их неожиданным появлением. Они, должно быть, раньше стояли за одним из деревьев, растущих вдоль тротуара.

Они не двигались. Майкл переложил портфель из одной руки в другую и сделал шаг вперед. Африканские дети молча уступили дорогу. Подойдя к перекрестку, Майкл, оглянувшись, увидел, что они все еще стоят и глядят ему вслед. Мальчик держал девочку за руку. И это почему-то вдруг тронуло и взволновало его.

Только теперь Майкл увидел, как бедно они одеты, и подумал, какие они, должно быть, голодные. Конечно же, он может дать им кусок хлеба. Ведь до дома всего три квартала. И он сказал:

— У меня нет с собой хлеба. Но если вы пойдете со мной, я позабочусь, чтобы у вас был хлеб. Понятно?

Они не ответили, но, видно, поняли, что он сказал. Трое детей двинулись по тротуару. Негритята притихли, словно это были тени, скользившие по грубому песку. Они шли чуть позади Майкла. Майкл спросил, ходят ли они в школу, и мальчик покачал головой; когда же Майкл спросил, не сестра ли они с братом, мальчик кивнул.

Войдя в дом, Майкл сказал Доре, кухарке, что в переулке стоят два негртенка и он хочет, чтобы она нарезала им хлеба и намазала его джемом. Дора проворчала, что не ее это дело присматривать за каждым попрошайкой в городе, и Майкл сердито ей ответил:

— У нас много хлеба! Почему не дать им?

Он был возмущен: ведь Дора принадлежит к той же расе, что и те двое во дворе, и должна бы, кажется, проявить большую, чем

он, готовность помочь темнокожим детям. Когда Дора уже собиралась вынести хлеб к задней калитке, где ждали негритята, Майкл остановил ее.

— Ладно, Дора, я отнесу его сам, — с упреком сказал он и вышел на солнце, держа тарелку в руке.

— Stukkie brood! — крикнул он им. — Вот ваш stukkie brood!

Дети разом протянули руки, и Майкл позволил им взять с тарелки кусочки хлеба толщиной в дюйм. Он с удовольствием отметил, что Дора намазала хлеб тонким слоем абрикосового джема. Ребята держали хлеб обеими руками, словно боялись уронить его. У девочки от нетерпения подергивался рот, но она не отрывала глаз от белого мальчика.

— Что нужно сказать? — спросил Майкл.

— Спасибо, баас.

— Так-то оно лучше. Теперь можете есть.

Ему хотелось увидеть, как они едят, разделить с ними их радость. Но, не говоря ни слова, они бок о бок попятнулись от него. Сделав несколько шагов, они повернулись и побежали по переулку к улице, по которой пришли. Платье девочки развевалось вокруг ее маленького тельца, белое на фоне черной кожи. На углу они остановились, оглянулись, побежали дальше и скрылись из виду.

Несколько дней спустя в то же самое время и в том же самом месте Майкл снова увидел их. Они стояли посреди тротуара, и он заметил их издалека. Очевидно, они ждали его.

Приблизившись, Майкл заговорил первым:

— Что? Опять кусок хлеба?

— Да, баас, — ответили они вместе и сразу же, как только он прошел, повернулись и присоединились к нему, но держались на почтительном расстоянии.

— Как вы узнали, что я приду? — Мы знаем, что баас идет из школы.

— А почему вы решили, что я дам вам хлеба?

Ответа не последовало, мальчик даже не улыбнулся в ответ на улыбку Майкла. Когда Майкл бросал на них взгляд, они казались ему похожими на сотни, даже тысячи других негритят — от жестких завитков волос на голове до широких серых ступней босых ног.

Войдя в дом, Майкл сказал Доре:

— Эти stukkie broods снова

ждут на улице. Дай им чего-нибудь, и пусть уходят.

Дора снова проворчала, но сделала, как ей было приказано. Майкл не вышел с хлебом сам — ему хотелось поскорее заняться моделью автомобиля, которую он мастерил, и несколько минут спустя он увидел из окна спальни, как Дора возвращается с пустой тарелкой. Вскоре он совсем позабыл об этих детях. Он вышел из дому только часа через два. Стало уже темнеть, и он взял с собой фонарик, чтобы отыскать в дровяном сарае кусок проволоки, нужной ему для модели. Фонарик давал Майклу ощущение силы и важности, и он вышел в переулок, намереваясь осветить, как это делает совершающий обход полицейский. Открыв калитку, он сразу же увидел негритят, стоявших в полутьме всего в нескольких шагах от него.

— Что вы тут делаете?! — в удивлении воскликнул Майкл.

Подняв голову, словно призывая Майкла молчать, мальчик сказал:

— Мы ждали, чтобы сказать баасу спасибо.

— Что?! — Майкл сделал несколько шагов по направлению к ним, но они не двинулись, только слегка прижались друг к другу.

Была зима, середина зимы; и когда солнце садилось, в воздухе — сразу же с наступлением темноты — тянуло резким холодком. Ночью протяжно потрескивали жестяные крыши домов и замерзали пруды в красивых садах белых пригородов. Морозец пощипывал Майклу кончики ушей и пальцев. А двое африканских детей стояли босоногие, она — в хлопчатобумажном платье, он — в рваной рубашке, и ждали, чтобы только поблагодарить его за кусок хлеба, который он им послал.

— Вы не должны ждать, — сказал Майкл. В полутьме белое платье девочки он видел яснее, чем одежду мальчика; он вспомнил, какие у нее ноги, голые и маленькие. Он протянул руку с фонариком. — Возьми, — сказал он. У него в руке был только фонарик, больше ему нечего было дать им. — Он хороший, — сказал он. — Это фонарик. Смотри. — Майкл включил его и увидел в пучке света пару испуганных глаз, метавшихся в отчаянии из стороны в сторону. — Видишь, какой он хороший. — Майкл направил фонарь вверх. — Если он тебе не нужен, можешь продать его. Ну, бери же.

Темная рука поднялась и взяла фонарик. Потом двое детей отбежали — в том же направлении, что и в первый раз. Когда они добрались до угла, словно по команде, зажгли все уличные огни, и дети остановились и посмотрели на них прежде, чем бежать дальше. Майкл видел, как фонарик поблескивает в руке мальчика, и только тогда ему пришло в голову, что они, так долго ждавшие, чтобы поблагодарить его за хлеб, за фонарик не поблагодарили его. Наверное, решил Майкл, от такого подарка они лишились дара речи; и мысль о собственной щедрости утешила его: ведь он не мог не испытывать огорчения, глядя, как его фонарик уносят другие.

Майкл по своей натуре был довольно замкнутым ребенком. У него не было ни братьев, ни сестер; родители работали весь день, и в школе друзей у него было мало. Но он совсем не чувствовал себя несчастным в своем одиночестве. Прежде всего он к нему привык; и потом, поскольку он был одинок, ему легче было погружаться в свои фантазии. Он играл часами один в игры собственного изобретения: в войну, в исследование, в мореплавание, в шпионаж, воображая себя живущим в доме, якобы находившемся под или над его настоящим домом. Прошло не много времени, и эти двое африканских детей стали персонажами его игр: ведь их слабость и бедность, их зависимость от него давали Майклу безграничные возможности для проявления доброты, щедрости, смелости, решимости. Иногда в играх Майкл спасал жизнь мальчику, и тот на ломаном английском благодарил его. Иногда он спасал жизнь девочке, и тогда она робко просила извинить ее за то, что она доставляет ему столько хлопот. Иногда он не успевал спасти ни его, ни ее, хотя и старался изо всех сил, и тогда происходили трогательные сцены последнего прощания.

Но в настоящей жизни Майкл совсем не играл с этими детьми: уж слишком они были грязные, оборванные, странные, настоящие. Их настойчивость заставила, наконец, Дору рассказать о них матери Майкла; а мать исполнила свой долг, сказав сыну, чтобы он ни в коем случае не играл с этими детьми и не давал им ничего ценного. Играть с ними! Даже мысль об этом показалась Майклу смешной и нелепой. Кроме

хлеба и фонарика, он дал им лишь несколько старых игрушек, две майки и старые парусиновые туфли. Матери Майкла, конечно же, дела не было до этих игрушек и старой одежды. Ей только очень не хотелось, чтобы сын играл с негритятами. Она опасалась, как бы он не набрался от них всякой заразы, дурных слов и вообще «кафрских привычек». Услышав и от Майкла и от Доры, что он совсем с ними не играет и что он ни разу не приглашал их даже на задний двор, мать Майкла перестала волноваться.

Обычно они появлялись раз в неделю — встречали Майкла, когда он шел из школы, или ждали у задней калитки. Весенние ветры уже прогнали стужу — чуть ли не за одну ночь, — а дети все приходили. Они никогда ни о чем не разговаривали. Их слова благодарности не менялись ни в тоне, ни в краткости, что бы Майкл ни давал им; но он узнал, что мальчика зовут Франс, а девочку — Энни, что живут они в поселении Грин-Пойнт и что мать и отец у них умерли. За все это время Майкл ни разу не дотрагивался до них, если не считать тех мимолетных прикосновений рук, когда он протягивал им какой-нибудь подарок. Однако иногда Майклу хотелось, чтобы они яснее выражали свою благодарность; он считал, они могли бы, например, схватить его руку и сжать; или упасть на колени и поплакать — хотя бы раз. Ему же приходилось довольствоваться фантазиями о том, как они говорят о нем среди своих друзей, когда возвращаются в нищету полуразрушенного поселения Грин-Пойнт, о том, как их друзья, должно быть, недоверчиво слушают их рассказы о добром белом маленьком баасе, который дает им пищу, игрушки и одежду.

Однажды Майкл вышел к ним с вещицей, которой особенно дорожил: с красивым набором из ручки и разноцветных карандашей, подаренным ему недавно в день рождения. Он и не думал давать этот набор африканским детям. Ему просто хотелось поделиться своей радостью с кем-нибудь, кто еще не видел его ручки и карандашей. Но увидев, как дети глядят на открытую коробочку, Майкл понял, что совершил ошибку.

— Это не для вас, — резко сказал он. Дети молча переводили взгляд с коробочки на Майкла и

снова на коробочку. — Вам можно только посмотреть, — сказал Майкл.

Он крепко сжал коробочку в руке и протянул ее: ручка и карандаши сияли внутри отделанного бархатом футляра. Две головы сошлись над коробочкой, дети так и впились в нее глазами.

Наконец мальчик поднял голову. — Красиво, — выдохнул он. Его рука медленно потянулась к коробочке.

— Нет, — сказал Майкл и отдернул руку.

— Баас?

— Нет. — Майкл отступил немного подальше от умоляющих глаз и протянутой руки.

— Пожалуйста, баас, мне?

А его сестра сказала:

— И мне тоже, баас.

— Нет, это не для вас. — Майкл попытался засмеяться. Он досадовал на себя за то, что показал им набор, и в то же время был шокирован. Впервые они просили не хлеб, а что-то совсем иное.

— Пожалуйста, баас. Оно красивое. — Голос мальчика, срываясь, задержался на последнем слове, а потом, будто эхо, это слово повторила его сестра, ее голос тоже стал протяжным:

— Краси-ивое.

— Нет! Я не дам это вам! Я вам ничего не дам, раз вы просите это! Слышите?

Глаза у них погасли, а мальчик судорожно сжал ручонку своей сестры. Будучи теперь уверенным, что они больше не попросят коробочку, Майкл смягчился и сказал:

— Я пойду в дом и скажу Доре, чтобы она вынесла вам хлеба.

Но несколько минут спустя Дора вошла в его комнату.

— Маленькие кафры ушли.

В руке она держала тарелку с хлебом. Дора ненавидела этих двух детей, и Майклу показалось, что он уловил в ее голосе какой-то триумф, когда она сказала это.

Он вышел посмотреть, правду ли она говорит. Переулок был пуст. Дойдя до улицы, он посмотрел в оба ее конца, но и там их не было видно. Они ушли. Он прогнал их. Майкл ожидал, что вдруг почувствует себя виноватым, но, к его великому удивлению, с ним не произошло ничего подобного. Ему стало легче, вот и все.

Когда несколько дней спустя они появились снова, Майкл чувствовал к ним презрение за то, что после всего случившегося они вернулись.

— Стало быть, вы вернулись? —

приветствовал он их. — Вам нравится ваш stukkie brood, а? Вы голодны, поэтому сегодня вы пождете, не убежите?

— Да, баас, — тихо сказали они.

Майкл вынес им хлеба. Когда они протянули руки, он в шутку отдернул тарелку и засмеялся, увидев их удивление. Только потом он отдал им этот хлеб.

— Спасибо, баас.

— Спасибо, баас.

Они пришли скорее, чем Майкл ожидал. Он дал им хлеба и велел уходить. Прошло всего два дня, а они уже снова были тут как тут со своей неизменной просьбой.

— Stukkie brood, баас?

— Почему это теперь вы так быстро проголодались? — спросил

так как нечто подобное этим фантазиям было легче продемонстрировать в реальной жизни, чем его прежние выдумки, Майкл вскоре уже на самом деле безрасудно помыкал этими детьми. Он намеренно заставлял их подолгу ждать; он отсылал их и приказывал прийти в те дни, когда, он знал, что его не будет в городе; он говорил им, что в доме нет хлеба. И никогда больше не дарил своих старых игрушек.

Шли недели, презрение Майкла перешло в нетерпимость и раздражение, раздражение — в гнев. И больше всего его злило то, что эти два негритенка, казалось, слишком глупы, чтобы понять его теперешние чувства, и вместо того, чтобы приходить реже, продолжали появляться чаще, чем когда-либо раньше. Вскоре они стали приходить чуть ли не каждый день, хотя Майкл кричал на них и дразнил их, заставлял часами простаивать у забора, требовал проделывать разные фокусы и петь песни за кусок хлеба. Они делали все, что он им говорил; но они совершенно не обращали внимания на его указания относительно того, в какой день прийти. Они неизменно поджидали его в тени одного из деревьев, посаженных вдоль дороги к школе, или стояли у калитки за домом. Они были молчаливы, как и раньше, но еще настойчивей, неумолимо настойчивы. Майкл стал ходить домой другой дорогой, но их не так-то легко было обескуражить. Они просто ждали у задней калитки, и, неважно, входил он в дом через парадную или заднюю калитку, все равно он не мог не увидеть их прямые неподвижные фигуры.

Наконец он сказал, чтобы они уходили и больше никогда не приходили. Ему и раньше часто хотелось сделать это, но какой-то стыд или гордость всегда удерживали его; раньше он всегда смягчался и называл какую-нибудь дату — через неделю или через две, — когда им можно прийти снова. Но сейчас он закричал на них:

— Хватит! Никакого хлеба больше — ничего! Ну, убирайтесь! Если вы еще придете, я скажу садовнику, чтобы он вас прогнал.

После этого они стали приходить каждый день. Только теперь они ждали не у задней калитки, как обычно, а за переулком. Часами сидели на корточках у кучи песка. Майкл чувствовал, что они следят за ним, когда он проходит мимо, но дети больше не подходили к нему. Они даже не вста-

— Спасибо, баас.

— Спасибо, баас.

Они ели хлеб в присутствии Майкла. Глядя на них, он почувствовал большее к ним расположение.

— Ладно, приходите как-нибудь, будет вам еще хлеб.

Майкл, но дал им их хлеб.

Теперь в своих играх Майкл больше не «спасал, не исцелял и не одаривал их королевствами и автомобилями. Теперь он повелевал ими, гонял их по разным поручениям, приказывал расстрелять их за трусость перед врагом. И

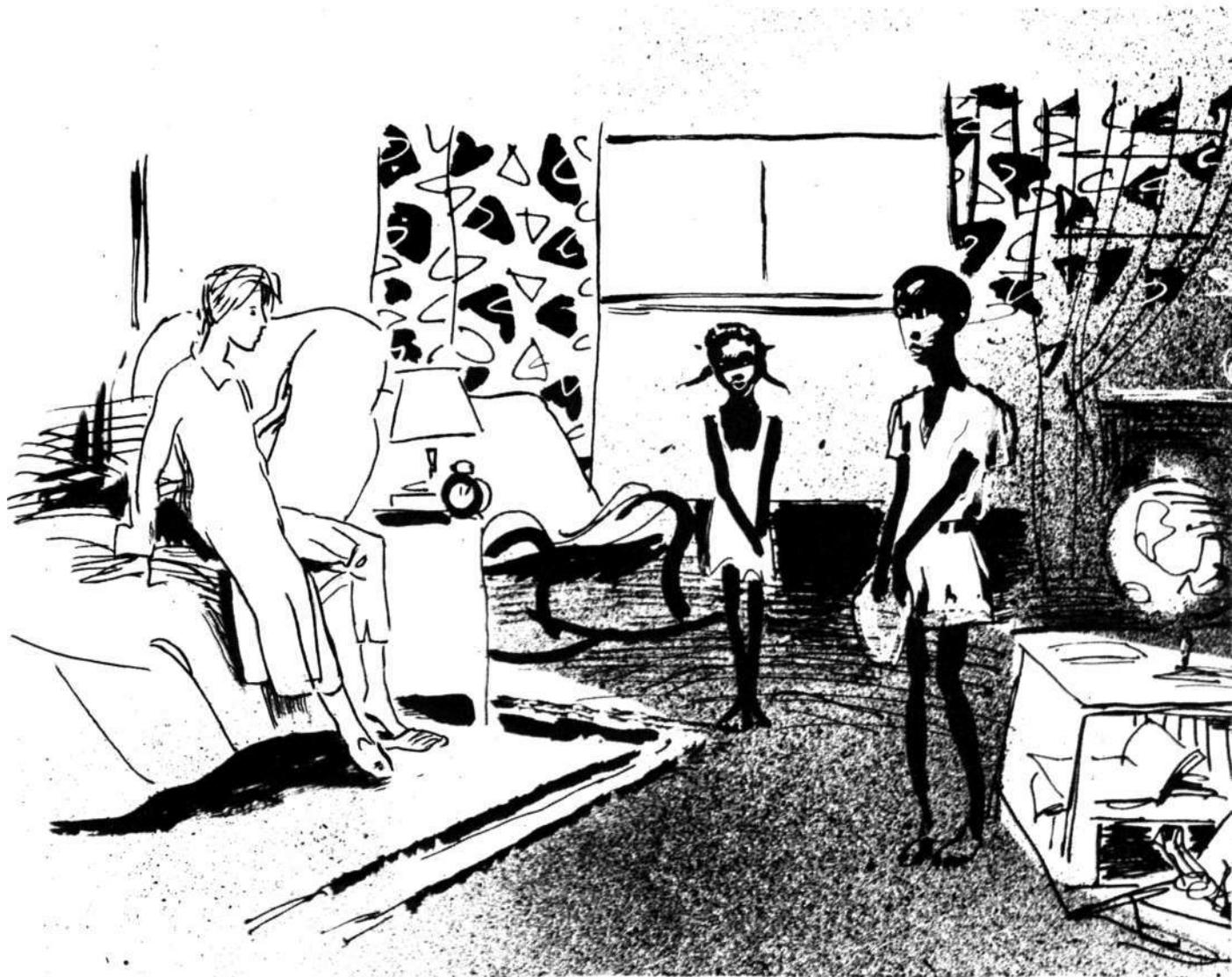
вали, когда он проходил. Несколько раз он кричал им, чтобы они убирались, и топал ногой, но у него не хватало духу ударить их. Ему не хотелось до них дотрагиваться. Один раз он послал Джэна, садовника, прогнать их, но Джэн, разделявший до этого взгляды Доры, вернулся, зло бормоча себе под нос что-то непонятное. А когда Майкл заглянул украдкой в переулочек, он увидел, что дети все еще там. Майкл попытался не замечать их, притворялся, что не видит их. Теперь он их

ненавидел; более того, он стал бояться их.

Но он не знал, как сильно он ненавидит и боится этих негритят, пока однажды не слег в постель от простуды. Все эти дни двое детей не покидали его снов. В этих снах он бил и бил детей каким-нибудь предметом, который оказывался у него в руках; он убегал от них по переулкам, где песок был такой глубокий, что он едва передвигал ноги; он совершал грубые, недостойные выходки, издевался над девочкой, а ее

худосытый братец пронзительно кричал, чтобы оповестить об этом безлюдную улицу. Майкл стукнул его тяжелым куском литой канализационной решетки, и ее край больно врезался ему в руки. Подняв решетку, он увидел, какой ужасной стала голова мальчика, увидел, что единственный оставшийся глаз все еще смотрит на него, не мигая.

Майклу показалось, что он проснулся и успокоился. Жар словно оставил его. Казалось, будто после того жуткого сна он проспал

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

много дней. Одеядо давило на него, и он сбросил его. В доме была абсолютная тишина. Он встал с постели и пошел взглянуть на часы в кухне: только что перевалило за полдень. Дора и Джэн, как всегда после ленча, отдыхали в своих клетушках. На дворе, не ослабевая, светило солнце — сплошное золотое сияние. Он вернулся в спальню и надел халат и шлепанцы, чувствуя босыми ногами их прохладу. Он снова тихонько прошел через кухню, вышел на заднее крыльцо и пересек задний двор. Солнце, казалось, схватило его рукой за шею, и его свет был таким ярким, что у Майкла потемнело в глазах. Он открыл заднюю калитку. Он так и знал! — те двое ждали.

Ему не хотелось выходить за калитку в пижаме и халате, поэтому, приложив одну руку к глазам, он поманил их другой. Молча, они встали и пересекли переулок. Казалось, им потребовалось много времени, чтобы прийти к нему, но, наконец, они стояли перед ним, взявшись за руки. Майкл посмотрел в их темные лица, а они смотрели ему в лицо.

— Чего вы ждете?

— Тебя.

Первым ответил мальчик, потом девочка повторила:

— Тебя.

Майкл переводил взгляд с одного на другого и вспомнил, что он делал с ними в своих снах. Их глаза были черные, ядовито черные. Глядя в них, Майкл понял то, что ему следовало понять уже давно: они пришли к нему не с надеждой и не с мольбой, ни даже с упреком, а с ненавистью. Они испытывали те же чувства, что и он; они в своих снах делали с ним то, что он делал с ними в своих.

Солнце, их ненавидящие глаза, его собственный страх — все сошлось в звуке, который, казалось, повис в воздухе над переулком, в каком-то крике, в чьем-то плаче. И тут Майкл понял, что это он сам плачет. И где-то в глубине души родилось знание того, что он должен сделать. Он поманил их поближе к себе. Они подошли. Он протянул руки и почувствовал под пальцами пружинистые волосы, на которые он так часто смотрел издалека; он почувствовал гладкую кожу их лиц, их хрупкие, округлые плечи, их руки. Их руки были в его руках, и он провел их через калитку.

Он ввел их в дом — через кухню — и провел по коридору в

свою комнату, где они никогда раньше не были. Они разглядывали картины на стенах, игрушки на комодке, смятые белье простыни и одеяла на кровати. Они стояли бок о бок с ним, и впервые, с тех пор как он их встретил, на их губах медленно заиграли улыбки. Он должен дать им не игрушки, не одежду, не хлеб. Им нужно что-то другое. И это что-то оказалось вдруг таким понятным и легким. Он взял руками лицо девочки и прижался губами к ее губам. Он видел, как черна ее кожа, чувствовал ее запах, чувствовал слабое движение губ, бившихся в едином ритме с его губами. Потом это ушло. Он пощелкал мальчика и отпустил их. Они стояли рядом, взявшись за руки, и смотрели на него.

— Чего вы хотите еще? — спросил он.

Последняя тревога забила в Майкле и исчезла, когда мальчик слегка покачал головой. Он стал пятиться назад, таща за собой сестру; оказавшись за порогом, он повернулся к Майклу спиной, и они пошли по коридору, а Майкл смотрел, как они идут. У дверей кухни, по дороге к выходу, они остановились, снова повернулись и подняли руки, причем девочка в точности повторила движения мальчика — в немом мучительном жесте прощания.

Майкл не пошел за ними. Он слышал, как открылась задняя калитка и как она со стуком закрылась. Он устало пошел к своей постели и, когда он упал на нее, его облегчение и благодарность за то, что есть кровать, которая его примет, вдруг сменились горем — он понял, что уже лежит на ней, что он и не покидал ее.

Его болезнь обострилась, переросла в бронхит, и он пролежал в постели несколько недель. Но у него уже не было тех мучительных снов. Сны стали спокойными, длинными, и в них уже не было людей. Они были такими же пустынными, как переулок, каким он его увидел, когда ему, наконец, разрешили выйти из дома, и он сразу же направился туда, посмотреть, ждут ли его дети.

Он так никогда и не увидел их больше, хотя искал по всем улицам и переулкам города. Он встречал сотни, тысячи детей, похожих на них, но не тех двоих, которых он надеялся найти.

Перевел с английского
В. ПОСТНИКОВ

МАСКА ВОРОНА

Вожди индейского племени тлинкитов считали себя потомками Ворона. Вот что рассказывает тлинкитская легенда:

Когда-то злой дух Ёхль, который жил в тундре, похитил с неба Солнце, завернул в волчью шкуру и спрятал в землянке.

Солнце больше не согревало землю, и Ёхль без труда охотился на замерзающих животных. И тогда Огромный Ворон решил освободить Солнце. Выждав, когда Ёхль пойдет на охоту, Огромный Ворон пробрался в землянку и унес Солнце в волчьей шкуре — иначе Солнце сожгло бы ему лапы... Солнце вновь поднялось на небо, а волчья шкура превратилась в Великого Волка. Чтобы победить Ёхля, Огромный Ворон и Великий Волк заключили союз с Медведем, Китом, Лососем и Лягушкой — теперь Ёхль не мог скрыться ни в лесу, ни в море, ни в реке, ни в болоте.

Наконец, злого духа загнали в его землянку и завалили камнями.

А Ворон, Волк и их друзья заключили вечный союз.

От этого союза пошло могучее племя тлинкитов — самое северное из индейских племен Америки на побережье Тихого океана. В память о «прародителях, спасших Солнце», племя делилось на кланы ворона, волка, кита, медведя, лосося и лягушки. Вожди тлинкитов принадлежали к клану ворона. Каждое утро вожди выходили встречать восход Солнца — предки наказали им следить, чтоб с Солнцем ничего дурного не вышло.

Летом Солнце поднималось высоко и грело сильно. Но когда приходила зима и Солнце на небе слабело, Ёхль начинал ворочаться в тесной землянке и все пытался раскидать камни.

Тогда старейшины тлинкитских кланов надевали маски своих прародителей и при свете костров танцевали военную пляску и пели песни — о древней победе над Ёхлем.

Ёхль, слыша эти песни, затаился в своей землянке — видно, нет ему спасения, коль союз враждебный крепок.

Солнце, слабое зимою, снова силы набирало, злого Ёхля не страшась.

Л. ольгин

В. ЯНКОВСКИЙ, действительный член Приморского филиала Географического общества СССР

КАК Я ИСКАЛ «КОРЕНЬ ЖИЗНИ»

Его называют «корень жизни», «человек-корень». Сколько легенд сложено об этом удивительном растении... Над ним и сейчас работают ученые, исследуя его физиолого-биохимические лечебные свойства. Над ним трудятся почвоведы и агротехники, создавая все новые плантации. И уходят в тайгу сборщики женьшеня, уходя, чтобы после многих недель скитаний сдать государству ценные корни. О радостях и трудностях скитаний корневищников, о традициях поиска, передающихся из поколения в поколение до сегодняшнего дня жителями Приморского края, о необходимости бережного отношения к этим традициям рассказывает наш читатель.

Тропа выводит меня на берег горной речки Эльдагоу. Именно о ней рассказывал когда-то у костра капитану Арсеньеву его верный друг Дерсу Узала. Здесь, в верховье речки, тигр отнял у гольда убитого им пантача — изюбра.

Сквозь стволы чозении — береговой ивы, сквозь опущенные к воде ветви черемухи вижу маленькую рубленую избушку. Из трубы вьется голубоватый дымок. Значит, мои товарищи — охотник, корневищник Петр Афанасьевич и его сын Саша уже

прибыли и растопили печурку: прошли дожди, избушку надо просушить.

Во дворе зимовья с облегчением сбрасываю свой увесистый рюкзак. Дворик — утоптанная ровная площадка перед избушкой. Вокруг — травы выше человеческого роста. Мерно покачиваются на ветру стройные, как пальмы, чозении — всего 15—20 сантиметров в диаметре, а высота 25—30 метров! Меж ними ясень, орех, сирень, черемуха. В десятки метров шумит Эльдагоу...

Подготавливаемся к завтрашнему походу. Нала-

живаем обувь, убираем картошку и помидоры в яму, выкопанную под стеной зимовья с теневой стороны. Накрываем ее от бурундуков, мышей и птиц. Консервы — под нары. Хлеб в мешок, чтобы не сох, не черствел. Крупы, чай, соль, сахар по полкам, где посуше. Заготавливаем сухих дров на случай непогоды, складываем тоже под нары. Сухая кора чозении — отличная растопка.

На площадке перед зимовьем варим на костре ужин. Тут же и едим, рассевшись возле огня на чурбаках, чаюем и рано ложимся спать. Нары узкие, втроем тесно. Ложимся валетом: Сашка с отцом в одну сторону головой, я в другую...

Чуть свет Петр Афанасьевич вытягивает из-под нар кусок сухой коры, чиркает спичкой — и сразу вспыхивает костер. Быстро одеваемся, умываемся на речке, завтракаем. Сашка перекидывает через плечо сумку с хлебом, помидорами — и пошла.

Путь наш лежит на тот берег Эльдагоу, в горы. ...Впервые я увидел женьшень в детстве, на плантации, созданной моим дедом еще в восьмидесятых годах прошлого столетия¹. Помню, мы с младшим братом тихо стоим, держась за руки отца, на узкой дорожке. Дорожка — проход между квадратами диких многолетних дедовских посадок женьшеня. Стоим и смотрим как замороженные на красные головки, на стрелчатые темно-зеленые листья. Стоим молча, слушаем, как отец тихо беседует с заведующим питомником, Григорием Васильевичем о какой-то тле и червячках, подтачивающих растения...

Потом я видел — это тоже было давно — обтрепанных, пахнувших костром корневищиков, бережно и торжественно развязывающих перед жадным взором старого аптекаря свои продолговатые лубки из кедровой коры. Там, на мху, слегка пересыпанные землей, лежали маленькие корявые «человечки» цвета слоновой кости. И все молчали, сдерживая дыхание...

Сам я женьшенем раньше никогда не занимался: не искал, не находил, не копал. В тайге главным для меня всегда была охота. А тут вдруг я почувствовал, что должен найти его сам, должен первым увидеть то, что еще не видели ни одни глаза, получить право крикнуть таежный клич: «Панцуй!»².

Петр ведет нас сквозь заросли вниз по течению около километра. Здесь, подмытая течением, упала поперек реки не очень толстая, но длинная лесина. Упала и зацепилась вершиной за островок. За островком рукав не глубокий, основное течение проходит здесь, под нашим крутым берегом. Вода мутная и стремительная, пенится и мчит, унося на себе листья, ветки, корни, щепу. Лесина, вся мокрая от брызг и пены, дрожит под напором воды...

Петр переходит первым. Быстро, как кошка. Сашка балансирует вслед за ним. Петр смотрит на меня с того берега с усмешкой: как, мол? Кричит: «Может быть, ползком лучше?»

Нет, друзья, этого удовольствия, о котором так интересно будет потом рассказать, я вам не доставлю!

¹ Именем М. И. Янковского, польского революционера, посланного царским правительством за участие в восстании 1863 года, назван полуостров на Дальнем Востоке. Русские географы высоко ценили его работы по охране пятнистых оленей, по разведению женьшеня, по изучению флоры и фауны Дальнего Востока.

² Панцуй — одно из названий корня.

Ствол дерева под напором струи вибрирует как живой. «Слечу — выплыву, чего тянуть!» — и я ступаю и медленнодвигаюсь полубоком.

Перешли пойму и растянулись в цепочку уже для поиска, фронтом к вершине распадка. Сразу начался подъем, северный, сырой и каменистый.

«Корень жизни» ищут, не просто бредя куда попало. Нет, это стройная, веками отработанная система. Корневщики неторопливо, но почти безостановочно движутся цепью в направлении, заранее намеченном старшим — обычно по ключу или распадку. Склоны прочесывают виражами снизу вверх или наоборот, как удобнее. И особенно тщательно, если там есть старые, многолетние следы, такие «подлуб», говорящие о том, что ОН когда-то здесь был...

Обычно на кедре, ближайшем от того места, где был обнаружен женьшень, со стороны, обращенной к этому месту, сдирается кора — под луб; отсюда и название. Классический подлуб делали шириной около 20 и длиной до 80 сантиметров. Он сохраняется десятилетиями и виден издалека, порою даже на давно упавшем дереве. Что он означает? А то, что если тут и был когда-то вырыт корень или даже целая семья, то осыпавшиеся семена и маленькие корни могли остаться. Мог остаться необнаруженным и большой, «спящий» в те годы корень.

Ведь никто до сих пор точно не знает, как долго живет женьшень, если его не тронет человек или лесной зверь. Раненный копытом животного, огнем или упавшим деревом, корень «засыпает». Порою на года. Придавившее его дерево, гнилое, трухлявое, совсем рассыплется, и вдруг сквозь эту труху изумленный взор лесного бродяги заметит возвращающийся к жизни корень! И человек благоговейно опускается перед ним на колени...

Если же хозяин подлуба возвращался к нему спустя несколько лет и выкапывал все, что появилось за эти годы, он опаливал огнем свой подлуб, давая этим знать, что здесь больше делать нечего. Раскрывал секрет? Пожалуй, просто делился им с собратьями по профессии. С другой стороны, нашедший имел право поставить свою метку: воткнуть возле корня палочку с условным знаком: «Я ЕГО нашел, но пока оставил». То ли не подошло время копать, то ли решил дать ему еще подрасти. Такой корень никто не имел права тронуть, к нарушителям закон тайги был беспощаден. В наше время всякие проявления самосуда, разумеется, запрещены. Но, как ни печально признавать, уважение к некоторым добрым традициям в поиске женьшеня стало нарушаться. Встречаются поисковики, которые действуют по «правилу»: есть ли там заметка, нет ли ее, нашел корень — копай, выдирай. Часто и выкапывать стали не вовремя, до завершения вегетационного периода. Иные стали собирать и всю* мелочь. Если нельзя малышей хорошо замаскировать буреломом, их выкапывают и сажают в укромном и недоступном месте.

Путь к корню указывают и заломки. Опытный корневищик все время надламывает на ходу ветки кустарника. Такие заломки сохраняются год, два и три. Если ломки свежие, значит партия обыскала этот участок — делать тут больше нечего. Или можно идти, но уже параллельно. Человеческий глаз — аппарат несовершенный, и мы как-то натолкнулись на целую семью редкостных растений в двух шагах от заломок всего двух-трехдневной давности!

Обязательный спутник корневища — палка. На нее он опирается при подъемах и спусках, при переходах через речки; ею он беспрестанно раздвигает траву, высматривая ЕГО. Палка должна быть легкой и прочной, около полутора метров длиной. Я вырезал свою палку из молодого побега раскидистого клена. Пожалуй, это самое гладкое и ровное у нас дерево из широколиственных пород (хвойное дерево пачкает руки). В верхней части палки я вырезал свои инициалы, и это так понравилось моим спутникам, что они сделали на своих то же самое.

У палки раньше было еще одно назначение. Корневища ходили большими партиями — артелями; шли густой цепью так, чтобы не пропустить ничего и больше уж не возвращаться к этим местам. Интервалом в такой цепи служила та же палка. Сейчас корневища порою так растягиваются, что вообще теряют друг друга в чаще леса. Тогда опять выручает палка.

Кричать в тайге не принято. Это закон охотников, а таежники почти все охотники. Чем тише веду я себя в лесу, тем больше могу заметить, не будучи замеченным.

Можно свистнуть, но свист не очень четкий ориентир в лесу. Бьют все той же палкой по ровному и гладкому хвойному дереву, снизу вверх, вдоль ствола так, чтобы легла на него большая часть палки. Так-так-так — звучит где-то в распадке. Тук-тук-тук — откликается на склоне. И сходится тихо, неприметно. А издали можно подумать — дятлы.

...Шагаем, шагаем, шагаем. С кручи вниз и опять на кручу. То перелезаем через упавшие стволы деревьев, то проползаем под ними, скользим по камням, переходим ручьи. А глаза все время ищут. Длительное напряжение вызывает внезапную реакцию: силы падают вдруг. Хочется сесть, прислониться спиной к дереву, закрыть глаза.

Третий день бродим почти впустую. Только раз наш старшак дробно застучал палкой, условным свистом подозвал нас к себе.

— Несколько старых поддубов: вон и вон, и там еще, давайте окружим...

И сам же через несколько минут негромко выкрикнул долгожданное слово. Я кинулся прямо сквозь заросли. Он стоял на коленях и смотрел в траву, я сразу даже не понял куда...

— Не видите? Вот он и вот. Старая копка! Уже года два или три, как взяли родителя. Тогда эти малыши еще не взошли.

Их было пять штук, малышей. Всего по одному маленькому листику, а ростом не выше спичечной коробки. На свет растение появляется обычно лишь на второй год и таким клопом живет года два. Попробуй заметь его в траве!

Потом он немного вытягивается, появляются два листочка. Еще через год-два развиваются уже три веточки с пятью листьями на каждой: три средние длинные и острые, а боковые, смотрящие чуть назад, поменьше и более округлые. Становясь старше, он прибавляет в росте и, наконец, выбрасывает «стрелку», прямую, зеленую, как продолжение стебля. На верхнем конце этой стрелки образуется головка, на которой в июле завязываются зеленые семена-ягодки. К середине августа они краснеют, потом становятся ярко-красными и так стоят, чуть побурев, пока не осыплются в сентябре, если их не склюют птицы.

С годами у дикого женьшеня появляется уже четыре, а потом пять и даже шесть веточек-сучков (говорят, бывает и больше), но всегда с теми же пятью остроконечными листиками на каждом сучке. По красной головке найти женьшень гораздо легче. Поэтому разгар корневки — во второй половине августа; многие сотни людей, среди них и горожане, устремляются тогда в «дебри Уссурийского края».

Этим утром, у старого моста через речку, мы встретили троих.

Плотный пожилой мужчина с усилием утомленного человека поднялся нам навстречу. Двое других не встали.

— Здравствуйте, корнюем? Издалека?

— Корнюем. Мы с Тавричанки, шахтеры. Каждый год отпуск — в тайге. Вот, возвращаемся. Сегодня двенадцатый день, как из дома... По балаганам да у костра. Что, на чертей похожи? — улыбается, поглядывая на своих товарищей. — Закурить у вас есть?

Угостили.

— Тут у нас избушка недалеко, может, зайдете передохнуть, поесть, — дружелюбно предлагает наш Петр Афанасьевич по всем правилам таежного этикета.

— Спасибо, харчи еще есть. А далеко тут до деревни, до лесовозов?

— Не так далеко, часа за три дошагаете, ежели ходом. А как дела?

— Слабо нынче. Хороший корешок всего один. Ну и мелочи маленько. Вот в прошлом году мы взяли подходяще... Ну, пока, спасибо, мы пойдем...

«Бывайте здоровы!» — «Бывайте!» И, взвалив рюкзаки, они зашагали вниз по течению. Эти устали, но, видно, не сдались. Они и будущей осенью опять будут в лесу.

Мы возвращаемся к избушке. Смеркается. Среди сразу ставших черными высоких деревьев весело и уютно расцветает оранжевое пламя костра перед зимовьем. В расставленную на речке сеть за день попало несколько линьков, и сейчас они варятся с картошкой и лавровым листом. Рядом в котелке — чай с лозой лимонника.

Подкатываем толстые чурбаки ближе к огню. Едим молча, все голодны.

Потом команда отца: «Сашка, прибрать посуду, налить чай!» Петр Афанасьевич вынимает пачку махорки, кусочек газеты, скручивает и прикуривает от головешки. Пустив дым, вспоминает:

— Да я ведь еще десяток лет назад понятия не имел, что это за корень. Так, слышал, конечно, корень женьшень, — отлебнул из кружки чаю. — Братуха мой, лесник, уговорил меня сходить с ним, вот так и пошло. Проходили мы тогда с ним первые три дня — и тоже ничего. Под вечер наткнулись на старый поддуб: так, лет ему, видно, сорок, не меньше... Все обшарили кругом — ничего... Устал я, голодный, злой; сел на колоду и думаю: ну-ка его к чертам, этот корень. Сейчас скажу братухе — пошли домой... А он подходит, садится рядом и говорит тихо так, спокойно, только одно слово: «панцуй»... Ну, я вспылал: чего, говорю, попусту людям голову морочишь? А он: почему, говорит, попусту? И отводит, не поднимаясь с колодины, своей палкой соседний куст, а там... один к одному четыре красавца пятисучковых! Веришь, я аж подскочил! Вот и «заболел»

с тех пор... Уже десять лет как ни одного сезона не пропускаю...

Сашка, помыв посуду остатками чая и пучком травы, присаживается в тени на обрубок:

— А я... в запрошлом году. На ручье. Папка все смеется: ничего ты найти не можешь... А я иду, запнулся, чуть не упал... А он — вот он! Чуть я его не растоптал... Ну, ка-ак закричу!

— Да, нашел. Вот я и прозвал тот ключ Сашкиным. Далековато и путь к нему крутой, но богатый. Пойдем-ка мы, хлопцы, завтра туда...

Догорает костер. Качаются над головой в темном небе пальмы чозении, закрывая верхушками то одну звезду, то другую. Журчит по камням Эльдагоу.

Утром снова в путь. Опять раздвигаем палками траву. Справа сквозь кусты вижу серую куртку Петра Афанасьевича. Он двигается не торопясь, смотрит под ногами и вокруг. Я тоже. Сколько раз за эти дни сердце замирало при виде красной головки! Но каждый раз это оказывались осеменившиеся головки пиона...

Мы забираем немного влево, и вдруг, еще левее, шагах в пяти-шести глянул на меня из-за куста какой-то яркий глазок и спрятался тут же, так как я успел сделать по инерции еще шаг... В два прыжка я около куста. Заглядываю — смотрит!!! Я опускаюсь к нему ниже, ниже, смотрю — и глазам не верю: ОН! Конечно, это он глядит на меня из пышных зарослей. Листики — те, что я помню с детства, красные семена-ягодки... Кричать? Или нет, может быть, мне мерещится, я так долго ждал этого... Нет — он, — кричать...

И сразу через кусты кинулся ко мне Петр. Присел перед ним, осмотрел внимательно, потом поднялся и подал руку: «Поздравляю. Четырехсучковый. Для начала неплохо!» А я все еще не могу прийти в себя от восторга! Сели и закурили. Подбежал Сашка. Петр Афанасьевич стал осторожно подкапывать корень, а мы с Сашей — искать вокруг. Может быть, есть семья? Но больше ничего не обнаружили.

В старину женьшень выкапывали оленьим рогом. Теперь его копают всяко: и деревянным колышком, и длинным охотничьим ножом, не прикасаясь к корню, конечно. И просто руками. Важно выкопать так, чтобы не повредить длинные и тонкие корешки — мочки.

Петр роет, не жалея ногтей. Вот появился он весь. Хорошей формы корешок, но небольшой, хотя и немолодой, судя по количеству колец на длинной шейке и темно-бежевому цвету.

Петр взрыхлил ножом почву вокруг выкопанного корня, снял с головки красные семена и рассеял их, слегка притоптав. Это одно из старых правил. Потом он содрал кору с ближайшего кедра. Из этой коры Петр согнул лубок, собрал с камней и залежин мох, посыпал его землей из лунки от корня, уложил женьшень аккуратно, прикрыл мхом. Потом согнул концы коры, как бы «закрыв его», и перевязал сверху лыком. Упакованный так, женьшень не теряет ни веса, ни жизнеспособности. Один старик рассказывал мне, как он нашел в лесу потерянный кем-то такой лубок с корнями женьшеня в нем. Прошли годы. Лубок сгнил и развалился, а корни проросли, «встали на ноги» и зацвели...

Видно, наше упрямство и настойчивость пришлись по душе «духу гор». В этот день он был

милостив к нам. Не прошло и часа, как я снова крикнул магический клич. На этот раз уже твердо и уверенно: я наткнулся на маленькую семью из четырех штук с таким же примерно родителем во главе, как и первый мой корень. Один был трехсучковый, еще без стрелки и головки, два только с двумя листиками. Потом прокричал Петр, потом Саша. Настроение поднялось, копали азартно, со смехом и шутками...

Нам уже недалеко оставалось до старой лесовозной дороги, которая вела к зимовью. Все сильно устали и, нарушив цепь, шли гуськом, поднимаясь по пологому косогору. Саша с отцом шагали след в след. Я немного задержался, разглядывая старую медвежью берлогу в дупле сломанного бурея тополя. Видно было, что мишка зимовал здесь и в прошлом сезоне.

Я стал догонять своих товарищей скорым шагом, лишь по старой охотничьей привычке осматриваясь на ходу по сторонам. Они уже миновали огромный, упавший ствол липы, подгоревшей во время лесного пожара много лет назад. Я повел глазами вдоль мертвого великана и... из-за ствола на меня — в упор! — глянула огненно-красная головка. Пион? Нет, что-то не то... Но уж больно велика. Я прыгнул, к липе и обомлел: на чистой маленькой полянке во всем своем великолепии стоял пятисучковый красавец женьшень! Более подумметра ростом, он широко раскинул свои зонтообразные ветви и гордо поднятой головой как бы обозревал окружающую природу. Сколько в нем было величия и таинственности! Сколько десятков лет он прожил тут? Сколько раз огромный ствол липы оберегал его от зорких глаз лесных паломников? А может быть, он спал годами, поврежденный при падении липы, и только в этом году вновь пробился к солнцу? Тем более что нигде вокруг не было видно ни одного правнука, ни внука, ни сына. У старика не было потомства. Хотя в этом году его мощная головка была усыпана крупными семенами. Он был прекрасен!

Заметив мой резкий рывок, товарищи остановились. А когда я вскрикнул в восхищении, заспшили ко мне.

Вот как случается. Петр и Сашка ниже меня ростом и, проходя мимо, очевидно, не могли заметить красный околыш, выглядывавший из-за такого надежного крепостного вала...

Саша сказал: «Вот это да!» Ему явно было обидно, что не он нашел этого великана, независимо от того, что все найденное делится между участниками поровну. Отец, постояв некоторое время молча, сказал только одно слово: «Генерал!» И я сразу почувствовал, что сегодня обрел авторитет равноправного корневищика...

Почтенный старец был с «указателем». Чуть ниже семенной головки торчал в сторону маленький зеленый отросток, и на нем одна только ягодка. По преданиям, он «указывает» направление, где скрывается другой корень. Наш указывал на восток, но, сколько мы ни искали, не нашли.

Корень мог быть очень большим, но он попал своими отростками в камни и сплетение корней соседних деревьев. «Генералу» было много лет; как все лесные старики, он оливково-желтый. Небольшой относительно рост ничуть не умалял для меня его красоты, и я поистине был счастлив. Так же, как много лет назад, когда добыл первого тигра и первого пантача.

ВАРНЕМЮНДЕ. РЕГАТА. СТАРТ!

«...**С**ильно кренясь, черная палубой кипящую воду, яхта несется как добрый глиссер. Стаксель трещит по шву, двое ребят выскакивают по авралу, спускают его, падают на него грудью, пластом и, наконец, подминают под себя мокрую, непокорную, будто живую, груду паруса.

Все это я наблюдаю как бы со стороны: я только что выскочил из каюты и не могу еще уяснить, что это не просто качка, а настоящий шторм. «А, все равно опоздал», — решаю я и берусь за аппарат. Но аппарат тут же вырывается у меня из рук, я еле успеваю схватить его на лету...»

Крейсерская яхта «Балтика» шла из Риги в Варнемюнде. Через девять дней пути «Балтика», как и остальные пятьдесят две яхты, пришедшие из разных стран мира, взяла старт на XVI Варнемюндской регате. Давно уже стало традицией, что ежегодно в начале июля яхтсмены собираются в этом портовом городе ГДР, чтобы померяться силами и мастерством в соревновании, проходящем под девизом «НЕДЕЛЯ МИРА В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ». На этот раз Варнемюндская регата была посвящена еще и знаменательному событию в жизни ГДР — городу Ростоку, известному во всем мире центру судостроения, исполнилось семьсот пятьдесят лет.

«...И вот — гонки!

Теперь трудно восстановить в памяти все детали — ведь это была работа, работа до седьмого пота. Помню только, как кто-то из ребят, отжимая гик на попутном ветре, накричал на капитана, который взялся было сменить его перед самым поворотом. Еще бы, ведь смена — это потеря нескольких драгоценных секунд...»

Мы привели здесь две выдержки из дневника члена экипажа «Балтики», чтобы читатель получил представление о том, в каких необычных условиях были сделаны эти снимки.

Их автор — молодой инженер из Риги ВЛАДИМИР СТРОЙ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

Только сейчас комиссовали. Домой! Домой! ..Сестру, которую дали мне в провожатые, я уговорил дойти до вокзала пешком — прогуляться.

С вещевым мешком, скрученным в узел, за спиной, с левым рукавом шинели, вложенным в карман, с рукой на перевязи, переброшенной через шею, я шел неторопливо, принаравливаясь, как в строю, к узкому шагу недовольной своей уступчивостью провожатой.

Близоруко шурясь и как только что проснувшись, я во все осторожно-ощупывающе всматривался и развлекал себя тем, что в общей весенней «молотьбе» капель отделял журчание воды от звона трамвая и пробного гудка парохода.

Неожиданно для самого себя я вдруг запел, словно рядом со мной никого и не было. Сестра засмеялась и навалилась всем телом на мою целую руку. Я осекся, и... до отказа втянув в себя влажный речной воздух, опять растворился в перемещающихся пятнах слепящего света, — это словно проступал первый для всех мирный день.

Война откатывалась на Запад, к Берлину, она еще шла, но здесь завтрашний день она уже не определяла.

Прохожие, пропуская нас, обходили или расступались, освобождая предупредительно дорогу.

Никого из этих людей я не встречал раньше, но я их знал, для меня теперь люди не были только прохожими. Что-то, отложившееся во мне от людей Переднего Края и стоявшее надо мной самим, и над сопровождавшей до вокзала сестрой, и над убитыми... и над живыми, растворяло меня и в этих незнакомых людях, как в близких: я уже давно сжился с ними. И сейчас, словно расставаясь с ними, я давал всем, составившим и меня самого, клятву — не изменить им, если только они сами себе не изменят. А для меня измениться было бы равносильно тому, чтобы предать тех, кто остался жить в нас, потому что умирает только то, что ты сам похоронил.

И я был готов, не рассуждая, как в наступлении, делиться всем, чем располагал.

Только менялся принцип: один юркнувший мальчишка случайно задел меня за прижатую руку. Кольнувшая боль в руке оторвала меня, обособила от людей.

«Могло быть лучше», — подумал я.

А когда из-за холма, помню, что-то вскинулось с соломенными волосами и оттянутой рукой и резко опустило руку вниз, и меня отбросило в сторону... Это разорвалась граната. Я отполз в канаву.

«Могло быть хуже», — решил я тогда.

Теперь «могло быть хуже» уходило вместе с войной.

И ликующее чувство заново завязывающейся жизни растопило боль, и я опять выбежал на простор весеннего дня.

Мокрая, отсвечивающая платформа. Мокрые, отсвечивающие крыши. Вагоны с запотевшими стеклами.

Вдали, к мосту, куда, смыкаясь впереди, уходила железная дорога, вспыхивали перебегающим огнем рельсы.

Ударили в натертый до блеска колокол.

Сестра замахала рукой, сразу как-то обмякнув, Ее лицо сморщила улыбка, и прежняя строгость сестры обернулась вдруг какой-то скрытной недоговоренностью. Сестра в своем домашнем потертом пальто, в белой косынке вдруг стала близкой, родной, уезжавшей куда-то словно навсегда.

Казалось, что с ней оставалось и что-то такое, о чем потом придется сожалеть.

Вокзал сдвинулся, поехал назад вместе с сестрой, мимо проплыл фонарь, и я понял, что поезд тронулся, словно проведя между между тем, что было, и тем, что будет.

Заборы, грязные, задымленные копотью. Заводские участки, огороженные проволокой. Вспышки огня.

А вот и поля, овраги, деревья.

Дым то открывает деревни, то заслоняет.

Все никак не могу я досыта наглядеться на обыкновенные голые перелески, на обыкновенную обнажившуюся на пригорках черную маслянистую землю, на осевший в оврагах просроченный, исколотый каплями, сырой, обледенелый снег, на обыкновенные бревенчатые избы с колодцами, с дымками из труб. Дым сбивается ветром в одну, против хода поезда, сторону. Раскисшие дороги с натекшими лужами. Галочки гнезда.

Облезлая собака с лаем бросилась за поездом и тут же отстала — это было уже событием, возвращающим меня к каким-то исходным радостным позициям детства.

Никогда не бывав в этих мимо пробежавших местах, я узнавал избы, перелески, зовущие в себя дали. Узнавал, как будто жил здесь когда-то, а если не жил, то родился, чувствуя к этим курившимся трубам, колодцам, измам такую же родственную близость, какую испытывал и к незнакомым людям.

Когда я оторвался от окна, то увидел женщину, закутанную в платок. Женщина соболезнующе глядела на меня. Мне стало неловко и досадно: я не чувствовал себя человеком, который требовал соболезнующего участия. Я достал хлеб, ломтик колбасы, сахар, банку консервов и пригласил женщину отпраздновать свое возвращение.

Она отказалась.

— По каждому небось война прошлась, — сказала она и поджала губы.

Что она хотела этим сказать, поджав губы? Я и сам так думал, что по всем прошлась.

— А! — махнул я рукой. — Не стесняйся, присаживайся.

— Побереги, — сказала она. — Может, в том, что везешь, и все твоё богатство.

И замолчала, натянув платок на глаза.

Я вышел покурить. Когда возвратился, то женщина спала, положив под щеку ладонь.

Теперь можно было и вздремнуть, сократить расстояние сном. Я забрался на полку и, закрыв глаза, стал считать, как в детстве, чтобы отвлечься и заснуть. Но заснуть никак не удавалось. Я перевалил за черту сна.

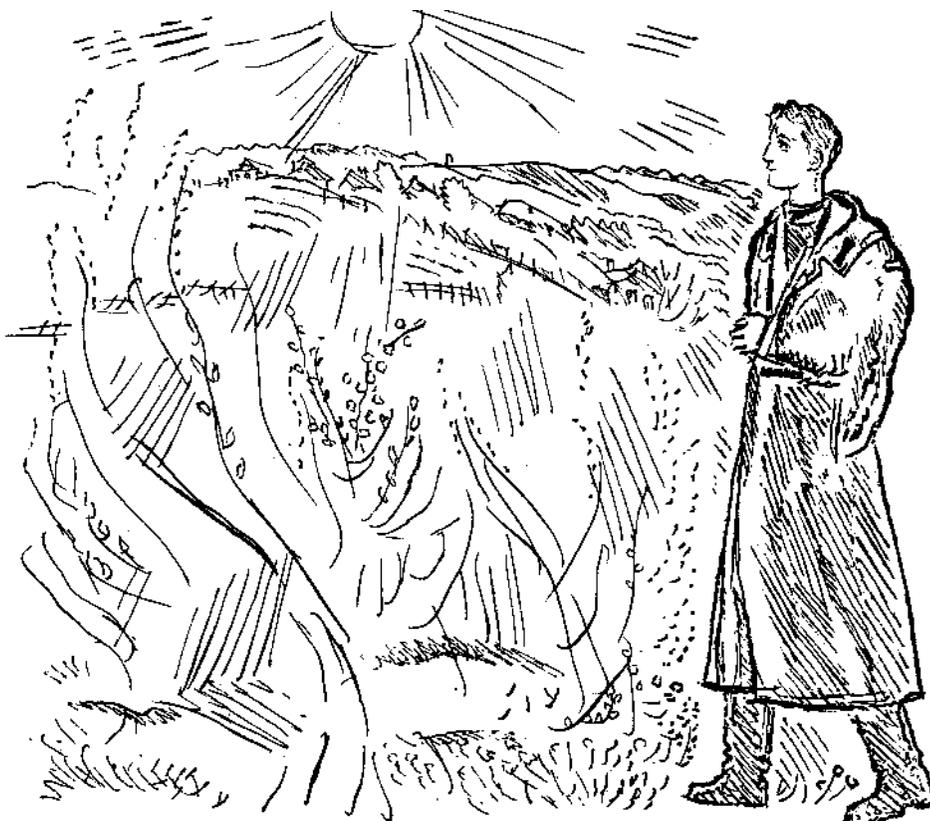
Снаружи уже давно была ночь, и ничего не было видно, кроме редких огней, убегających назад и снова всплывавших на поверхность темноты, но уже в другом месте.

«Что я везу?» — стоял передо мной с особенной бессонной ясностью вопрос.

«Что я везу домой?»

завтрашнего дня для меня может и не быть... Ответить — воссоздавать пройденные дороги.

Но вспоминать, обретая вдруг завтрашний день, как будто было незначем и не для чего. Воображение было занято другим: воображением я уже обогнал поезд, был давно дома. И в одно и то же самое время я чувствовал ответ.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

Я матери не написал, что еду, — все не верилось как-то, что это все в самом деле.

Что я везу? Что везет человек, по которому война не только прошла, но который сам проломился сквозь войну?

Чтобы отвечать на этот вопрос... Перед кем отвечать? Но чтобы отвечать, нужно было, чувствовал я, распутывать события с того случая, когда колбаса, висевшая над лесом, поблизости от аэродрома, вдруг вспыхнула огнем и из нее вывалился человек, спустившийся на парашюте, и мы, валившие лес неподалеку, начали гадать: «С чего бы это? Закурил, наверное?» А нас собрали вдруг и объявили: «Война, товарищи». И еще с той минуты, когда я увидел беженку, убитую с самолета, и увидел, что

Ответ был давно, до того, как задали вопрос. Ответ был и во мне, и в том, как отвечали мне взаимностью прохожие, и в том, как я растворялся в незнакомых людях и в весеннем подарочном дне, и в том, как я вбирающе глядел на обыкновенные подарочные ели, подарочные поля, и ответ был даже в этой спасительной способности воображения обгонять движение поезда.

Огни — зеленые, красные, желтые, — всплыв в темноте, не побежали навстречу поезду, а остались ярко стоять на месте.

Рельсы стали множиться и множиться со стуком. Поезд замедлил ход.

Это была... Москва!

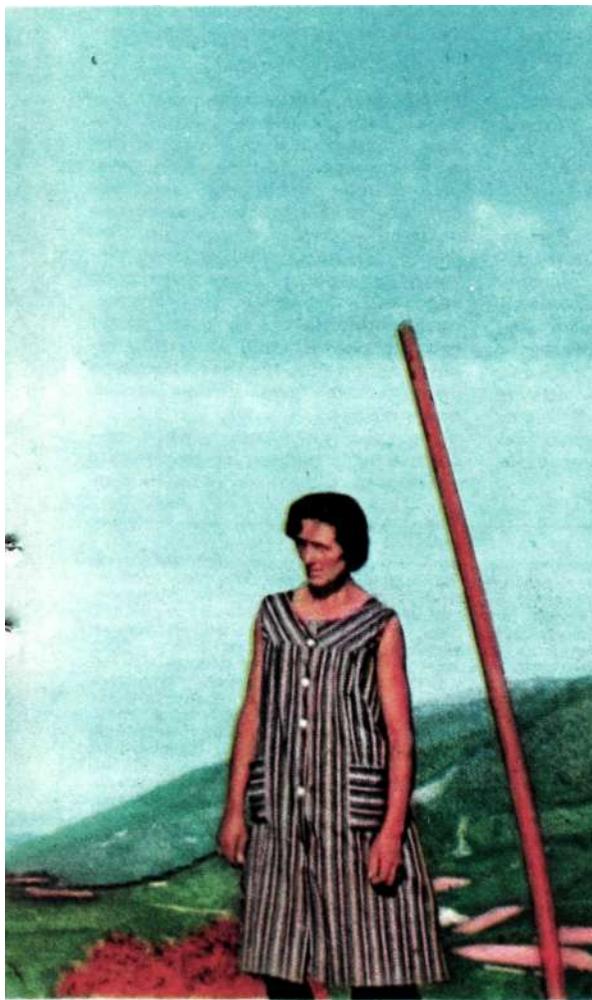

Далекий звук трубы пронесся по склонам, обильно поросшим папоротником. В полутьме шалаша, устроенного на дереве, баск-охотник поднял руку, требуя всеобщей тишины. Вновь запела труба, и на сей раз в ее звуке нельзя было не услышать предупредительной ноты.

— Теперь начинается, — сказал он. — Тебе лучше спуститься вниз.

В Башню смерти — этакий настил на верхних ветвях могучего дуба — мы еле втиснулись втроем. К тому же на полу шалаша были еще свалены кучкой короткие деревяшки, обтесанные в форме весла, — будущие снаряды. Далеко под нами, на высоком пиренейском перевале, виднелась старая каменная хижина, крытая шифером, давно уже заросшим зеленым мхом. А еще дальше, за хижинкой, развешанные на высоких шестах, волнами протянулись тончайшие, почти невидимые глазу сети.

То было знаменитое паломбье-

ре Лекемберри во французской Нижней Наварре. Таких паломбьере (что можно перевести как «голубиное место») насчитывают до дюжины в Пиренеях, на границе между Францией и Испанией. Здесь уже многие сотни лет сети басков каждую осень ожидают голубей, летящих из Скандинавских стран в теплую Испанию и дальше — в Африку.

Пока я со своим двоюродным братом Бертраном спускался по шаткой лестнице, от мирной идиллии внизу не осталось и следа: из хижин выскакивали крестьяне в черных беретях; одни, нырнув под сетку, бежали к шестам, воткнутым в кучи земли и прикрытым листьями, другие торопились к деревянному забору.

Через щель в заборе я видел, как неслись на меня голуби — темные пятна изломанной радуги, как мчались они прямо к перекладе. Они были уже близко, я слышал барабанное хлопанье их крыльев, и вдруг, наперерез им, будто соколы, кинувшиеся в отчаянную атаку, из Башни смерти вылетели деревянные снаряды.

И тогда вся стая, как одно существо, встала на дыбы и тут же, через секунду, спадая себя, рассыпалась и нырнула вниз, к земле, прямо к сетям. Когда стая ударила о сети, раздался взрыв. Беззвучный взрыв. Беспорядочно и обреченно повисли птицы на сетях, будто пригвожденные к полотну синего неба. Но тут шесты выдернули, и сети опали на землю. Воздух пронзил резкий крик: «Зазпиаак-бат!» Когда-то это был боевой клич басков. Крестьяне кинулись к добыче.

Они вынимали голубей из-под тонких сетей с величайшей осторожностью. Некоторых из пойманных птиц без промедления отправят к столу, большинству же приготовлены клетки, в кото-

рым им придется прожить всю долгую зиму.

Мы спустились с гор вместе с Бертраном по тропе, вившейся под малиново-зеленым пологом берез и каштанов в осеннем цвету.

— Тебе это, верно, показалось жестоком? — спросил он меня. Я покачал головой.

— Нет. Просто очень древним и трагичным. Да еще, пожалуй... — я колебался, — это трудно объяснить, но мне это еще показалось красивым.

— Вот это хорошо! — воскликнул Бертран. — Значит, ты еще не совсем потерял все баскское, хотя и родился в Америке.

И тогда он стал объяснять мне, что в этой охоте для басков скрыта поэзия и религия. Он рассказал мне, что в конце охотничьего сезона у них устроят в честь голубей мессу. Что баскам — тут он запел, как привыкли петь люди, выросшие вместе с песней, — всегда были близки и красота и боль голубя:

Белый голубь, белый голубь,
Ответь мне, голубь, ну

ответь,
Где так долго ты пропадал,
Ведь путь так прям, а сердце
свободно.

Когда я улетал из чужой
страны,

Я думал об Испании,
Я долетел до Пиренеев
И потерял свою волю
И нашел свою боль.

В этой охоте горных басков на диких голубей для меня открывалась суть древнего народа, затерявшего загадку своего языка и своей истории во тьме веков. Теперь былая замкнутость басков рушится, но вот я видел традицию, пережившую, несмотря ни на что, столетия. В тумане, покрывающем перевалы Пиренеев, еще живет наследие воинственных предков.

Мы выбрались, наконец, из тумана и увидели долину. Она была под нашими ногами, похожая на сотни других долин, разбросанных по семи провинциям, которые вместе зовут Эскуаль Эрриа — Страна Басков. По дну долины в косых лучах приподнявшегося солнца текли белые воды Лаубары. Далекие, белого камня дома с виноградниками с одной стороны и крошечными фигурками овец — с другой виднелись четко на зеленом ковче горы.

Небольшая деревня, прилепившаяся у подножия нашей горы, сгрудила свои белые дома, крытые красной черепицей, вокруг церковного шпиля. Человек в черном берете с вязанкой хвороста на плече вышагивал впереди двух быков, запряженных в телегу с огромными деревянными колесами. В воздухе стоял запах травы и влажной земли, и вдруг он поплыл на меня волнами — то ударили, отмеряя время, в церковный колокол.

В соседней долине — я знал это — стояла еще одна деревня, и в ней родилась когда-то моя мать, а за тем далеким обрывистым хребтом родился мой отец.

Исследуя происхождение басков, ученые успели создать самые разнообразные теории: от фантастических (баски — уцелевшие жители Атлантиды, мифического континента, опустившегося на дно моря) и вероятных (баски — единственные прямые потомки древнего кроманьонского человека Европы) до вполне правдоподобных (баски ведут свое происхождение от таинственного народа иберийцев, когда-то населявшего весь Пиренейский полуостров).

Их язык не имеет ничего общего ни с французским, ни с испанским. В разные времена фи-

Баски — во многом загадка. Особенно в Западной Европе, пережившей мощные передвижения племен в неолите, романизацию, великие переселения германских народов, арабское нашествие. В гуще этой двухтысячелетней сумятицы баски сумели сохранить свой древний язык (родственников которому так и не могут найти) и живут там, где их предки жили еще в каменном веке.

И язык этих предков может быть прослежен в языке современных басков.

Не удивительно ли, что в баскском языке названия простейших сельскохозяйственных орудий, таких, как мотыга, и предметов обихода — нож, например, содержат в корне элемент «aitz», что означает по-баскски камень. Значит, когда-то их делали из камня, и память об этом сохранилась в языке. Не удивительно, что названия рек, гор, любого села или долины в Стране Басков легко объяснимы, они обычно связаны с окружающей средой. А ведь на землях, где сменились обитатели, остаются загадочные непонятные географические названия.

Исследования баскских захоронений каменного века подтверждают единство антропологического типа тех древних людей с типом басков — наших современников. Ширококулые баски резко отличаются от узколицых испанцев. Среди басков чаще, чем на юге Пиренейского полуострова, встречаются светлоглазые и светловолосые люди.

Как же сложилось это своеобразие? До римского владычества все племена Пиренейского полуострова сохраняли свое разноразличие; потом заговорили на латыни горожане юга и востока, а позднее и жители остальной части полуострова. Все, но только не васконы. (Римские историки, впервые описавшие древние племена басков, назвали их васконами, сами же баски называют себя «эускади»). Почему? Изоляция, горы, недоступность? Да, но не только. Ведь и астуры (от которых осталось лишь название провинции Астурия) жили в недоступных Кантабрийских горах, но они романизировались. Римляне, завоевывая полуостров, действовали по своему испытанному правилу «разделяй и властвуй!». С одними они заключали союзы, дру-

логоги находили любопытные связи языка басков с языком таких далеких от них народов, как финны, кельты, грузины, абхазцы, эскимосы и японцы. Но до сих пор ни одно из этих исследований не родило ни единого съедобного плода.

Одно лишь пока ясно. Не только язык, но и добровольная изоляция помогла баскам сохранить самих себя. Каждая глава истории их жизни богата примерами отчаянного сопротивления захватчикам: римлянам, вестготам, франкам и многим другим народам, пытавшимся обосноваться в Эскуаль Эрриа — Стране Басков.

Баски заселяли горы и часть побережья Бискайского залива задолго до того, как историю стали записывать. Уникальность басков была доказана антропологами, исследовавшими их кровь на группы: группа «В» реже всего в Европе встречается именно у басков, зато весьма часто встречается группа «О». В Стране Басков самое большое в Европе скопление людей с отрицательным резус-фактором крови.

В давние времена тесно сплоченные кланы басков занимали, очевидно, куда большую площадь, нежели современный юго-запад Франции и прилегающие районы Испании, где сейчас живет около 900 тысяч басков. Позднее кланы сбились плотнее, сгруппировавшись в несколько республик, управляемых выборными правителями. Эти демократичные по своему устройству республики были независимы друг от друга; их объединяли единый язык и кровное родство. Это единство и породило знаменитый здесь клич: «Зазпиак-бат!» — «Семеро — это один!», дошедший до нас через века.

Шло время, связи республик начали рушиться, уступая притязанию больших государств, и в конце концов республики просто

поделили между Францией и Испанией. Потом исчезла и автономия басков.

Сегодня четыре из семи провинций — Гипускоа, Бискайя, Алава и Наварра — принадлежат Испании. Остальные три — Лабур, Нижняя Наварра и Суль — часть французского департамента Нижние Пиренеи. Но все семь по-прежнему населены басками.

Та же причина — разделение Страны Басков — привела к тому, что многие великие баски вошли в историю, как французы или испанцы. Немногие знают, что баская кровь текла в жилах Хуана Себастьяна Эль-Кано, ставшего после гибели Магеллана на Филиппинах капитаном первого корабля, обогнувшего Землю. Другой баск, Игнатий Лойола, основал орден иезуитов. Симон Боливар, определивший судьбу Латинской Америки, был потомком басков, переселившихся за океан. Миру же музыки и литературы баски дали Мориса Равеля и Пио Бароха.

До самых недавних времен брак баска с человеком чужой крови был делом неслыханным. В горных деревнях, особо рьяно цепляющихся за традиции, юноша рисковал лишением наследства, если он брал в жены девушку из чужой — даже соседней баскской деревни.

Я помню, как я впервые столкнулся с этим в горной провинции Суль, на родине моего отца.

Мы с женой Джойс отправились в гости к людям, которые приходились мне родственниками по отцовской линии, в дом моего кузена Хозепа. Мы вылезли из машины и стали подниматься к дому по склону настолько крутому, что я касался руками вздымавшейся вверх земли. Сам дом — с толстыми стенами из природного камня и покато́й ши-

ферной крышей — стоял в уединенной ложбине. К стене были аккуратно прислонены сбитые ходьбой деревянные башмаки. Дверь оказалась такой низкой, что нам пришлось согнуться в три погибели, чтобы пролезть внутрь. Полумрак комнаты оживляли блики пламени очага, игравшие на медных подсвечниках и домашней утвари, развешанной на стенах. С грубых деревянных крюков, вытесанных топором, свисали окорока, обернутые в стерильно-белую материю, и гроздь перца.

Еще за сутки до нашего прихода женщины начали готовить еду: патэ — суп, круто приправленный овощами, вареного цыпленка в пряном томатном соусе и — баскский деликатес «ачурия» — откормленного молоком барашка. Вино и кофе, которые подавались к обеду, Хозеп доставил в дом в мешке на своем горбу.

Это был прекрасный вечер, со смехом и песнями. Хозеп — «этчеко хаун» — хозяин дома — сидел во главе стола, не снимая, как того требуют баскские обычаи, берета и короткой, в складках накидки — «шамарра».

Пока мы сидели за столом, я стал замечать, что Хозеп не сводит обалделых глаз с моей жены.

Лишь к концу нашего бесконечно долгого обеда Хозеп смог собрать в кулак все свое мужество и, глядя на Джойс, спросить по-французски (французский язык здесь считают языком вежливости, которым пристало говорить с людьми, не понимающими баскского):

— Я надеюсь, вы на меня не обидитесь, если я спрошу вас о том, кто были ваши предки... ведь вы все-таки жена моего кузена...

Джойс перечислила своих предков: норвежцы, шведы, англича-

гих покоряли мечом. Баски были их союзниками и не подверглись ни истреблению, ни насильственной романизации, как то произошло с покоренными аотурами.

Свою самобытность баски сумели оградить и от вестготов в пятый веке и от арабов в восьмом. Завоевателям не удалось пробиться в баскские горы.

Окончательное разделение баскских провинций между Францией и Испанией произошло в XVI веке. Двести лет спустя французские баски были уравнены в правах с остальными гражданами Франции. Южные баски долго сохраняли самоуправление в составе испанского королевства. Государственные вопросы испанских басков решались на народном собрании, сходящемся ежегодно в городе Гернике под «священным дубом». В 1876 году почти все привилегии басков были отменены: Баскония и Наварра потеряли автономно.

Между тем на переломе XIX и XX веков богатая железными рудами Страна Басков обогнала центральные провинции Испании в промышленном развитии, здесь раньше, чем

в других районах страны, появился рабочий класс. С двадцатых годов хорошо организованные союзы горняков и металлургов стали требовать у правительства самоуправления и уравнивания прав баскского и испанского языков.

С самого начала существования республики, в октябре 1936 года, кортесы принимают закон об автономии Страны Басков. Баскский язык объявлен официальным. Но после фашистского путча автономия была немедленно уничтожена.

Однако Страна Басков не «умиротворена» франкистами до сих пор. Достаточно просмотреть газетные сообщения самого последнего времени: покушение на полицейского комиссара в Бильбао, забастовка горняков, чрезвычайное положение, введенное в провинциях Страны Басков...

Но никому еще не удалось сломить свободолюбие горных басков. Они сильнее.

Н. САДОМСКАЯ,
кандидат исторических наук

В старинных обычаях басков ученые читают историю народа. Правда, не все страницы этой истории разборчивы. Если, к примеру, бой баранов — развлечение исконное для народа, традиционно разводящего баранов (ведь в боях выявляются сильнейшие особи), то почему на праздники в Стране Басков надевают такие шапки? Утверждают, что они были «позаимствованы» у офицеров наполеоновских инженерных войск. Но вот откуда на этих шапках зеркала?

не, ирландцы, уэльсцы. Пока она их всех перечисляла, челюсть у бедняги Хозепа отвисала все ниже и ниже.

— Да как же это может быть! — наконец не выдержал он.

Я заверил его, что это вполне нормальная вещь, что настоящие американцы всегда ведут свое начало от смешения самых разных национальностей. Но я не стал бы утверждать, что он поверил Джойс и мне. Он ведь всю жизнь прожил здесь, в горах, где баски женятся только между собой.

У ворот Бильбао слышишь рев могучих грузовиков, их пронзительные гудки и наивное цокание копыт ослика, неспешно влекущего провизию к одной из окрестных ферм. Видишь, как стоит на фоне коптящих небо труб мужчина с косой на плече. Чувствуешь в воздухе запах угольной пыли, медленно оседающей на поля, на которых мужчины в беретах и женщины в черных платках колотят мотыгами упрямую землю.

Но все же Эскуаль Эрриа продолжает пока жизнь прежнюю. Во Франции, в Сен-Жан-де-Люз, в ноябре мы видели, как отходит от берега рыбацкий флот — моряки-баски отправлялись за тунцом в далекое шестимесячное плавание к берегам Африки.

То было время всеобщего возбуждения и великого волнения, напоминавшего о далеких днях, когда первые баски-китобои выходили в открытое море, когда баски-исследователи и авантюристы расставались с берегом, отправляясь на поиски приключений и удачи.

То был день, когда с берега в честь выходящей в море флотилии раздался пушечный выстрел. Причал кишел провожающими — вдовами в черных платьях и черных платках, плачущими матерями, тянущими вверх своих младенцев, и девушками в по-современному подрезанных платьях, махавшими руками своими возлюбленным.

А румяные баски-моряки, в грубых под горло свитерах, в желтых клеенчатых шароварах,

В танце — душа баска, жизнерадостная, вольнолюбивая душа народа. И вызов тем, кто пытается покорить его.

честно делили свое время между работой и прощанием. Их хриплые крики пока еще были слышны тем, кого они любили, но пестро раскрашенные лодки уходили все дальше...

Море сильно волновалось, и казалось, лодки никогда не выберутся за мол. Но кто-то опытный сказал, что там, в открытом море, сейчас много тише. Отважно трещали под ветром вымпелы, взлетали на гребни и падали вниз лодки, пробиваясь дружными четверками к открытой воде.

Когда последняя лодка перевалила за линию волнореза, на во-

ду и землю упала темнота. На лодках зажгли огни, и теперь все следили за их безумной пляской. Старый моряк, который давно уж отплывал свое, все стоял на причале, до тех пор пока последний огонек не нырнул за горизонт.

В горных деревнях у многих домов вместо номера — имя. Мы жили в домах «Эскер Она», что означает «Сердечное спасибо», «Мати Байта» — «Здесь живет Мария», и «Годзин Гойц» — «Ранняя птаха».

Дома все старые — из прочного камня и отполированного временем дерева — без особых удобств. Долгие зимы лишь открытые очаги поддерживают в доме тепло, так что мы не расставались со свитерами.

На какое-то время нашим домом стал городишко Сен-Жан-Пье-де-Порт, древняя столица Нижней Наварры. Так как стоит он у самого подножия перевала через Пиренеи, то за свою долгую жизнь ему пришлось узнать и легионеров Рима, и солдат армий Карла Великого и Наполеона, и усталых пилигримов, бредущих к святыням Сантьяго-де-Кампостела в Испании.

Старая каменная крепость нависает над городом. У ее подножия, окруженного защитным валом, лежит древний город — ушедшие в землю каменные дома с почерневшей от времени черепицей, лабиринты улиц, вымощенных булыжником. Но нынешнему Сен-Жан-Пье-де-Порту тесно в кольце вала, и веселые новые домики кольцом охватили древний город.

Там, в этом городе, мне преподали несколько уроков. Однажды с кузеном Бертраном мы подъехали к таверне. Выйдя из автомашины, я автоматически повернул ключ в дверце. Бертран повернулся ко мне, поморщился и сказал:

— Если ты закрываешь в Стране Басков свою машину на замок, значит ты считаешь всех нас ворами.

Так я узнал, что кража в Стране Басков — вещь немислимая. Машины и дома здесь стоят открытыми. Здесь не знают ни замков, ни ключей.

Здесь никому не прощают оскорбление. Хотя баски очень любят меткое словцо, они десять раз подумают, прежде чем сказать его: не может ли оно кого-нибудь оскорбить. Однажды я со своим другим кузеном, которого зовут Совьер, подошел на улице к группе беседовавших о чем-то басков. Совьер представил меня всем, кроме одного. Позже я спросил его, отчего было сделано такое исключение. Он пожал плечами и ответил:

— Он меня оскорбил. Я с ним не разговариваю уже десять лет.

Быть может, главным в характере баска является его отношение к долгу. Не выполнить свой долг означает автоматически поставить себя в изоляцию от общества. Мой школьный друг Жан Мирандес сказал мне как-то:

— Баски не уважают людей, не знающих своего долга. Они окружают их всеобщим молчанием или вовсе забывают об их существовании. Со стороны это, конечно, может показаться жестоким, но ты вспомни, что баски никогда не смогли бы сохраниться как народ, если бы не эти жестокие правила поведения в обществе.

Парадоксально, но эти строгие понятия долга по отношению к обществу у басков прекрасно уживаются с безумной любовью к личной независимости. Недаром басков считают едва ли не самыми гордыми людьми на свете. Древнегреческий географ Страбон описывал их мужество и свирепую отвагу, с которой они встретили римских завоевателей. Воины предпочитали смерть от собственной руки любому плену; сыновья убивали отцов, спасая их от позора плена.

Нет лучшего места для разговора о традициях басков, чем дом Хулио Каро Бароха, племянника великого баскского новеллиста Пио Бароха. Тем более что сам племянник считается лучшим в Стране Басков историком и этнографом.

В заходящем теплом солнце каменный дом семейства Бароха гляделся грозной крепостью. На широком портале с одной стороны висел щит с гербом их родной деревни, с другой — семейное распятие.

Сам дом, куда к Пио Бароха приходили Эрнест Хемингуэй и Джон дос Пассос, стал нынче настоящим музеем истории басков. В просторных комнатах — и старая мебель, и писанные маслом картины, изображающие морских капитанов и солдат, тысячи старинных манускриптов, миниатюры и резьба по слоновой кости, доставленные из самых далеких уголков земли. В бывшей конюшне разместились старые экипажи и грубые косы, мечи, щиты и мушкетеры.

Мы сидели за длинным обеденным столом, который хотя и не был особенно древним, все же тоже вошел в историю благодаря книгам Пио Бароха.

— Боюсь, что на нашем древнем народе поставлен уже крест, — философски заметил Бароха-младший. — Да и может ли быть по-иному?

Мы оба так думали, но от этого нам не становилось легче на душе. Тем более что мы си-

дели в таком доме. Грустно, но что поделаешь: самый древний язык Европы обречен на смерть. Мощный туристский поток, устремившийся к теплым морским берегам, вторжение промышленности в сердце старых и некогда тихих городов неизбежно выводит их на первое место испанский или французский языки.

Но в горах язык басков еще прочно держится. И раз в неделю, в базарный день, улицы, и таверны, и открытые ряды заезжих торговцев поют по-баски мелодично.

Сен-Жан-Пье-де-Порт считается центром района: крестьяне с окрестных гор и долин, жители соседних деревень съезжались сюда всегда, по крайней мере на память людской — всегда. Правда, раньше они съезжались на мулах и лошадях, а то и вовсе добирались пешком. Теперь уж совсем редко можно увидеть закутанную в черную шаль женщину, сидящую по-турецки на особом седле с обязательным зонтиком в одной руке и с кошелкой — в другой. Теперь приезжают все больше на автобусах и «джипах».

Торговля начинается с самой зари. Основная статья торговли — овцы и поросята, они визжат и блеют тут же. Покупатели не торопясь передвигаются от одного продавца к другому, щедро сыпя излюбленными в Басконии ехидными присказками.

— Забыл тебе сказать: ведь у меня тоже семья на руках. Знал бы ты об этом, небось такую б цену не запросил.

— Это что у тебя: кожа для чемодана или телятина?

Но горцам к шуткам покупателей не привыкать. Им они как с гуся вода. Не теряя спокойствия, горцы просто качают головой, если цена их не устраивает. Если же согласны, то молча протянут открытую ладонь. Три легких шлепка по ладони — сделка состоялась. Можно отправляться за приятелями в таверну — посидеть, поговорить, попеть.

Вторая половина дня отдана женщинам. Им тоже надо время, чтобы наполнить свои сумки сахаром, кофе, кое-какой приглянувшейся одежкой.

...Стоит побродить и поискать, как я искал, гору, с которой несетя чистый тенор молодого пастуха. То без слов поет на пределе его легких сам воздух гор. Стоит дожидаться того часа, когда, распевая, пройдут по узкой улице парни, уставшие от

работы. Стоит задержаться у порога дома, где, напевая, играют дети.

Высшим песенным искусством басков владеют трубадуры, или, как их называют баски, бертсолари. Бертсолари славны не только голосом, но и смекалкой: ведь баскские трубадуры прежде всего импровизаторы, готовые бросить перчатку каждому, кто захочет вступить в песенный спор.

Бертсолари готовы развить перед вами любую предложенную тему: преимущество жизни моряка по сравнению с жизнью горца, холостяка — с жизнью женатого, жизни баска, оставшегося дома, с жизнью баска, уехавшего в далекие края.

Я наблюдал за поединком двух таких бертсолари — Салбадора и Маттена — на празднике во французской деревушке Сен-Этьен-де-Бандорли. Салбадор, высокий, с постным лицом, его берет сдвинут назад так, что на лицо спадает прядь гладких волос, все время соревнований вел роль подвыпившего человека, судящего обо всем с эдаким легким налетом житейского цинизма.

Маттен играл жизнерадостного придурковатого парня. Но за его придурковатой жизнерадостностью скрывался ум, острый, как рапира.

Это было феерическое зрелище. Около часа они обменивались четверостишиями, молниеносными, как выпады шпаги. Кто из них победил, мне до сих пор непонятно. Зато острых каламбуров, изобретенных этими двумя знатоками бесконечных оттенков и тонкостей баскского языка, хватит жителям деревни не на одну неделю.

Кто запомнил песни басков, тот запомнил и их танцы.

Как-то весной мы подошли к толпе людей, расположившейся на центральной площади деревни Тарде — родной деревни моего отца. К тому времени танцоры уже успели спуститься от той границы, где медвяные луга встречаются со снегом, успели протанцевать в каждой деревне, что лежала выше нашей. Тарде — их последняя остановка.

Сейчас танцевали замальзен — самый древний народный танец басков и один из древнейших в Европе. Когда-то он был танцем язычников, танцем плодородия и встречи весны. Добро борется со злом, красота с уродливостью, и человек ведет нико-

гда не кончающуюся битву за жизнь.

— Ты сам убедишься замальзен — танец далеко не простой, — сказал мне кузен. — Кому больше десяти лет, пусть и не учится его танцевать — занятие безнадёжное.

Пока мы вот так беседовали, толпа раздалась, и в середину вышли танцоры. Тихо поначалу заиграла музыка — «тчирула», пронзительная баскская флейта, на которой играют, придерживая ее у рта одной рукой, выбивая другой ритм на барабане — «атабаль».

Танцуют две команды танцоров. Одни разодеты в блестящие наряды, другие в ужасные лохмотья и маски, пугающие даже не пугливых. Кузен объяснил:

— Одна группа представляет добро и красоту, другая — зло и уродливость. Прекрасные танцоры должны обязательно выиграть. Ты последи хорошенько за стаканом вина, что стоит перед танцорами.

И в такт пронзительной музыке танцор-добро подпрыгнул; его ноги, обутые в сандалии, мелькнули над стаканом и около него, да так близко, что стакан с вином задрожал. Он отпрянул назад, и тогда вышел танцор-зло, но хотя он и повторял те же па, все движения его были нарочито неуклюжими. Но и он не опрокинул стакана.

Добродушный смех, аплодисменты публики оборвались, едва наступила драматическая развязка. То Замальзен, главный среди прекрасных танцоров, — его легко было отличить по привязанной к поясу деревянной лошадке в попоне из вельвета и кружев — выскочил к стакану с вином. Его легкие ноги так и мелькали над вином, и вдруг они оказались на стакане, всего на мгновение, и снова замелькали в воздухе. Стакан резко качнулся, но на землю не пролилось ни капли.

Тогда настал черед Князя зла. Его неряшливые движения были точной карикатурой танца Замальзена. И так же уверенно вскочил он на стакан, но едва лишь его сандалии очутились в воздухе, как стакан качнулся и упал, проливая красное вино.

Раздался единый вздох облегчения, и тут же громкие крики радости. Красота победила Уродство. Добро низложило Зло.

Дорогой домой я все думал об этом танце и сказал кузену:

— Что-то не упомню я, чтоб когда-нибудь так волновался. За исход этого танца да и вообще за все...

— А это больше, чем танец, — ответил кузен. — Это, если хочешь, знак на будущее. И слава богу, хороший знак. — Он помолчал, усмехнулся. — Конечно, по нынешним временам в такие вещи не особенно верят. Но я все же невольно чувствую себя как-то лучше, когда предзнаменование оказывается добрым.

За несколько дней до мая и в самые первые дни его в горных деревнях царит суета. Пастухи собирают стада и угоняют их из долины в высокие горы, угоняют надолго, до осени.

От зари до захода дороги забиты овцами. Здесь своя порода овец — баски называют ее «манеш» — чистая порода, привезенная сюда, должно быть, еще римлянами. Овцы «манеш» — изящные животные с красиво загнутыми рожками, головой прелестной формы и длинной завивающейся шерстью.

Маленькие стада сливаются в отары, но не теряются в куче: каждое стадо отмечено своим цветом, ярким пятном краски на лохматой спине. Овцы — гордость горных басков, и они проводят их парадом по главной улице Сен-Жан-Пье-де-Порта. Звонят все колокола, блеют раскрашенные овцы, гордо вышагивают, замыкая шествие, пастухи в беретах, опираясь на отполированные руками посохи — «макхилаки». Они ведут за собой груженых провизией мулов или ослов, а под ногами вертятся маленькие пиренейские собаки, помощницы в пастушьих трудах.

Жан Пьер, пастух с загорелым лицом и черными, мелко вьющимися волосами, согласился взять меня в горы.

Узкая дорога, задыхавшаяся в цвету вишен, резко брала вверх прямо от деревни. Мимо последних домов, настезь открывших ставни навстречу теплomu дню, мимо приветливо махавших нам крестьянок в черных платках, мимо березовых и каштановых перелесков и укрывшихся мхом дубов, вброд через бурные реки, разрезавшие зеленые склоны, над круто обрывающимися расселинами, мы вышли в другой мир.

Он открылся за последними деревьями — огромные зеленые просторы безлесых гор. Яркие

заплаты цветов, обратившихся к солнцу, и старые каменные хижинки, спрятавшиеся в тени, и вечная тишина, нарушаемая лишь музыкой колокольчиков.

Но мы здесь были все же не одни: пока мы шли по зеленому ковру, за нами внимательно следили глаза диких пони. Баски их называют «поттокак» и считают, что они ведут свое происхож-

ждение от доисторической лошади.

Мы поднялись к маленькой хижине, стены которой были сложены из камней самого разного размера, соединенных глиняными швами. Внутри был устроен очаг без дымохода.

Здесь Жан Пьеру предстояло жить и работать шесть месяцев.

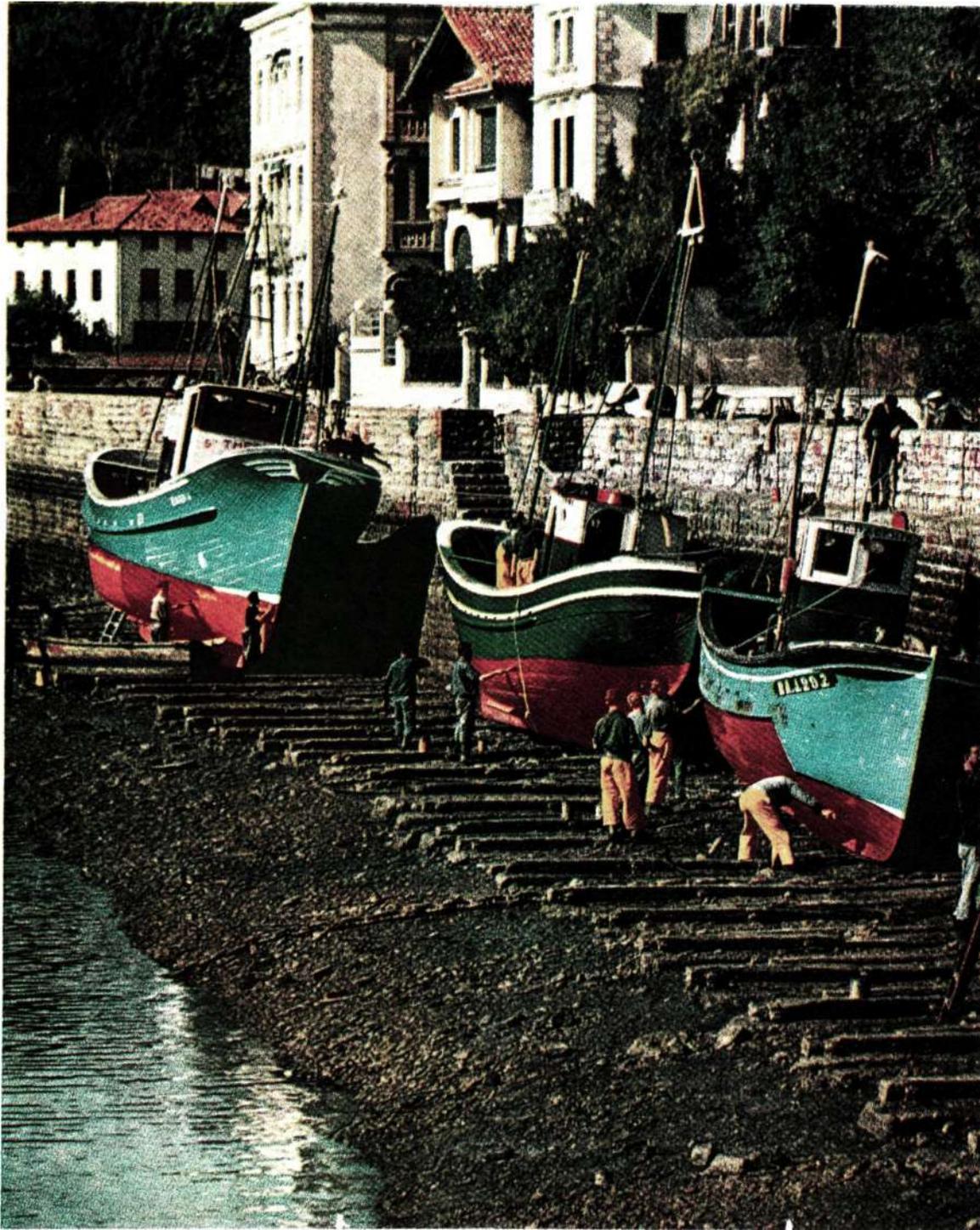
По утрам овец выгоняют из большого овального загона в за-

гон поменьше, длинный и узкий, как желоб.

— Овец приходится доить дважды — на рассвете, перед тем как выгонишь их на траву, и вечером, перед тем как загнать в загон на ночь, — объяснил мне Жан Пьер свою будущую работу.

Жан нырнул в хижину и появился... я сразу узнал это при-

*В средние века искусные баски-моряки выходили на утлых судах бить китов, от-
важные открыватели новых земель поднимались по трапам каравелл. В наши дни
баски выходят в море за тунцом. Путь долг и сложен — от берегов бурного Би-
скайского залива к берегам Африки. Пока же в море шторм, и рыбаки приводят
в порядок суда.*

способление для выделки сыра — деревянная форма, пресс для того, чтобы, сдавив сильнее, выжать из сыра лишнюю влагу, и особый паз, чтобы не растерять эту драгоценную лишнюю влагу, а собрать и выпить, смакуя, в полуденный зной.

— Конечно, теперь мы отвозим молоко вниз, к дороге, — сказал Жан. — Мы — это я да мой мул. Но кое-что все-таки остается. Достаточно, чтобы сделать наш старый пастушеский сыр. По мне, он лучше любого другого.

Я не смог удержаться от улыбки, когда взял в руки деревянную форму.

— Что ж тут смешного? — обидчиво спросил Жан.

— Да нет, ничего. Понимаешь, мой отец тоже был пастухом, пока не уехал в Америку. Спал в таком же вот доме, делал такой же сыр. Он мне часто рассказывал, как выглядит эта форма, только сам я вижу ее впервые. Раньше не довелось.

Жан Пьер взглянул на меня удивленно.

— Прости. Мне б надо самому

догадаться, что ты кое-что понимаешь в жизни пастухов. Прости...

Вот тогда мы и стали друзьями. Но, лишь покинув Страну Басков, понял я, как близка она стала мне. И все, что я увидел там и что почувствовал, тоже стало прочно моим.

Я говорю здесь об Эскуаль Эрриа. О том, что тысячи лет, впитанные в кровь, не сотрутся и не исчезнут на протяжении одной человеческой жизни.

Перевела с английского
А. АНТОШИНА

И СНОВА - ПРЫЖОК НА ПАМИР

со стр. 15

БОЖУКОВ. Чижик и Севастьянов приземлились благополучно. Но где же десятый, Сидоренко? На снежном склоне, далеко от вершинного гребня его ищет Валера Петрук. Выхожу ему на помощь. После рассказа Саши стало яснее, где искать Сидоренко.

Вот и место приземления Петриченко: контейнер, подвесная система, запасный парашют. Дальше идти опасно, склон крутой: слева — ледовые сбросы, но как раз на них-то, по словам Саши, и летел Сидоренко. У края сброса прошу Валеру подстраховать. Он с силой загоняет ледоруб в снег, веревка идет к моему поясу внатяг. Подхожу к краю. И на крутом снежном скате, под нависающей 150-метровой ледовой стеной вижу небольшое яркое пятно — Сидоренко! Саша!

И тут нас оставили силы. Видимо, закончился нервный подъем, последний пик его был вот сейчас, в момент обнаружения пропавшего. Осталось метров пятнадцать до Саши, и я позвал его: «Давай к нам». Не тут-то было. Саша был краток: «Нам перед прыжком сказали — приземлился, сиди и не двигайся, пока альпинисты не подойдут. Так что давай, Валя». Спорить не стали. Валера выпустил меня на всю веревку, и я, вконец вымотавшийся, добрался до Сидоренко. Он сидел на контейнере.

— Замерз?

— Не-а.

— А что дрожишь?

— Нервное. Знаешь, как летел? Все только мелькало: склоны, скалы, скалы. А потом вдоль вот этой как щарахну. Метров десять до земли осталось — решил отстегнуть парашют. Иначе ведь утащит. И рухнул в снег. Весь утонул в сугробе.

Пока Саша все это рассказывал, я сменил его отсыревшие от снега варежки на свои сухие, уложил в рюкзак вещи. Он встал на ноги, длинные, как ходули, а они в коленях не разгибаются: засиделся на холоде.

К ребятам наверх, к гребню, далеко, не меньше трехсот метров. Это для нас, уставших, не меньше часа ходьбы, а уже смеркается. И еще не ясно, как пойдет Саша. Но идти надо. Валера настаивает. Мне же жаль уходить от удобной площадки и крутого снежного склона — в нем можно вырыть пещеру, завернуться в парашют и отдохнуть до рассвета. Ребят я предупреждал, уходя, что, возможно, заночуем в пути...

Минут через тридцать мы около площадки Петриченко. Саша идет медленно, решили разделиться: Валера стал подниматься к гребню один, быстрее — он мерзнет, — а я иду следом в связке с Сидоренко.

Совсем стемнело, ничего не видно. Это пугает Сашу — туда ли идем? И тут еще крик Валеры:

— У гребня никого нет!

«Кончился железный Петрук», — подумал я и крикнул ему в темноту:

— Спускайся к нам! Здесь переночуем.

Мы роем уже полтора часа. Ледорубом, крышкой от контейнера, ногами. Выкопали уже вполне комфортабельную пещеру. Пока копали, я больше всего опасался за Сашу. Мы работаем, греемся, а его заставлять работать нельзя: он быстро

устаёт. Оставить сидеть тоже нельзя — замерзнет. Наконец подыскали и ему работу по силам — ногами уплотнять и сталкивать вниз снег, который мы выгребли из норы. И польза, и видно, что человек шевелится. Того, что Саша может упасть с площадки, я не боялся, так как первое, что сделал, подойдя к нему еще два часа назад, — это пристегнул его к своей веревке.

Нора получилась невысокой, сидя цепляешь головой за потолок, но «лучшее враг хорошего». Пора кончать.

Нельзя сказать, чтобы ночью мы очень мерзли. Просто неудобно сидеть согнувшись. Но мы знали, что так вот люди, бывает, и замерзают. Потому не спали, много говорили, все больше о прыжке, о погибших, о том, как и куда спускаться.

Вопрос о спуске был основным и утром, но решить его можно было лишь с ребятами, с доктором, а они были у гребня. Я вылез из пещеры и решил подняться к ним один. Валера вчера набегался, а Саша тоже достаточно для неальпиниста натерпелся...

Просто физически ощущаю, сколь большая ответственность легла на нас. От принятого решения может зависеть жизнь людей. Уже ушла вниз одна группа с четырьмя парашютистами, так что с нами только двое — Морозов и Сидоренко. Так куда же идти нам? Через вершину? То есть вверх, потом спуск на север — по пройденному нами при подъеме пути, ясному как пять пальцев. Или сразу вниз — по юго-восточному склону, но там никто еще никогда не спускался, и мы не знаем, есть ли там «дорога» к леднику, в наш базовый лагерь.

Инстинктивно боюсь тащить пострадавшего Морозова к вершине: с подъемом наши силы будут таять и, самое важное, самое страшное, будет ухудшаться и самочувствие больного. Я представил картину: мы выбрались на вершину, но силы покидают нас, мы не можем быстро нести Володю, а он теряет сознание, ему не хватает кислорода! Надвигается ночь... Нет, этого делать нельзя! Не надо забывать и о Саше Сидоренко. Ему еще двести метров подниматься вверх из пещеры, чтобы примкнуть к группе. А если и у него не хватит сил?

Итак, все ясно. Пусть мы спустимся всего на тысячу метров — этот участок просматривается сверху, пусть дальше преградят путь бездонная ли трещина, громадный ледовый сброс или лавиноопасный снежный пласт — мы опустимся, а значит — у парашютистов и у нас будет больше сил. У нас есть веревки, крючья — попробуем спуститься и пройти. Спускаясь, мы будем уверены, что каждый шаг приближает их к жизни. И — конечно! Хватит сомневаться! К тому же из первой группы уже начал спускаться на единственных лыжах — с великим трудом занесли мы их на высоту — наш альпинист-лыжник Валя Сулоев. Он должен предупредить спасателей, рассказать им все о нас. Конечно, если с ним самим ничего не случится, ведь никто еще не спускался с такой высоты на лыжах...

— Леша, скоро ты кончишь? Пора уходить, нельзя терять часы хорошей погоды. Поторопись, дорогой, — упрашивал врача Алексея Шиндяйкина альпинист Лева Добровольский.

Алексей колдовал с ампулами, шприцами, готовя Морозова в трудный путь. Как бы осторожно ни транспортировали его ребята, но на спуске пострадавшего ждали не только моральные испытания. В полутьме палатки, подпирая спиной провисшие стенки, Алексей склонился над больным: накладывал шину. Я знаю, нашему доктору трудно. Высота

7000 метров, от недостатка кислорода нарушаются точность движений и ясность мышления, а он должен держать себя в постоянном напряжении, контролируя каждое свое движение... Даже легендарный Удо, спасший Мориса Эрцога после восхождения на Аннапурну, и тот смог оказать помощь обмороженному восходителю лишь в лагере на высоте 6000 метров. Мы на километр с лишним выше.

Володя не смог стоять. Он весь обмяк и повис на наших руках. Grimаса боли и ужаса искажала его лицо: «Как же я теперь?» Остаться живым в те страшные секунды, когда купол и тяжелый контейнер тащили его по склону в пропасть, ломая, калека, — и теперь не дойти, не спуститься...

До его сознания, наконец, дошел спокойный, деловитый голос Левы Добровольского. Лев всегда, в трудные минуты особенно, как-то спокойно говорит, подробно, с деталями объясняет, что будем делать. Мне интонации его голоса кажутся какими-то странными, слова — упрощенными, но на человека, который нуждается в поддержке, они действуют магически.

— Володя, ты не беспокойся, понимаешь? Сейчас мы тебя уложим, завернем в парашют... Держись за Юру... Аркадий, пошире спальник. Рюкзак, рюкзак давайте под голову. Удобно, Володя? Ты молодец, хорошо помог... Нога не болит?

Минут через сорок Морозов был похож на кокон шелкопряда — закутанный, обвязанный веревками, тянущимися от него во все стороны.

Двойка альпинистов все время уходит вперед — прокладывать путь. Надвигаются ночь и усталость...

Склон стал очень крутым. Глубокий снег — плохая опора для ледоруба. Снег вырвался из-под ног Валеры и Левы. Они скользят, и огромная сила натягивает веревку, сбивает доктора и Аркадия, и уже все скользят вниз, вырывая ледорубы страхующих... Юра и Валера вдвоем, упираясь друг в друга, держат страховочную веревку, она скользит в руках, разрывая в клочья брезентовые рукавицы. Склон обрывается бездной. Это конец... Но ребята тормозят. Ногами, ледорубами... Страшные минуты позади, Юра устоял, веревка не сдернула его, все снова на ногах, взволнованные и потрясенные. Лишь один Володя не знает о случившемся, он полностью закрыт от снега, солнца и страха капюшоном мешка.

В этот день мы сбросили около 800 метров высоты. В пути, обессилевшие, падали на снег, закрепив Володю на ледорубах; врач поил его из фляжки. Услышав рокот самолета внизу, Володя заволновался и начал убеждать, что скоро прилетит сюда за нами МИ-10, а пока на маленьком МИ-4 прилетел штурман и смотрит площадку... Разубеждать его не хотелось.

Уже второй день, проваливаясь по пояс, опасаясь лавины, мокрые, мы тащились по следам двойки. Все силы и умения направлены на одно — аккуратный, рав-

номерный, без сотрясения спуск большого. Самая тяжелая работа у Юры Колокольникова — это он закрепляет веревку, натянутую подчас как струна под весом пострадавшего. Впереди идущие выматываются до предела и на остановках — частых, через каждые 20—30 метров — лежат на снегу пластом. А Володя все ждет, что появится вертолет... Но это невозможно на нашей высоте. Если вчера и на вершине и во время спуска он был твердо уверен, что мы погибнем, потому был равнодушен к опасностям, то сегодня, хотя он и не совсем уверен в спасении, он уже начал надеяться и потому страдает еще больше.

Сброшены тысяча с лишним метров высоты. Ночлег под палаткой из купола парашюта превратился в ледовый кошмар... Сказались холод — минус 25 градусов — и общее истощение. Кружки чая после такого дня явно мало. Бензин для прируса на исходе, и в первую очередь надо накормить Володю и Сашу. Им было тяжелее, но они держались. И мы понимали всю меру их мужества.

Утром в разрывах облаков пророкотал вертолет. В воздухе под куполом парашюта закачался долгожданный контейнер... И тут мы поняли, как мы устали! Не все смогли пройти те двести метров почти ровного плато, что отделили контейнер от нашего бивака. Неумолимый, баснословно выносливый худощавый Валера Путрин несколько раз садился отдыхать, не в силах преодолеть трехградусный уклон. Он шел эти 200 метров больше часа!

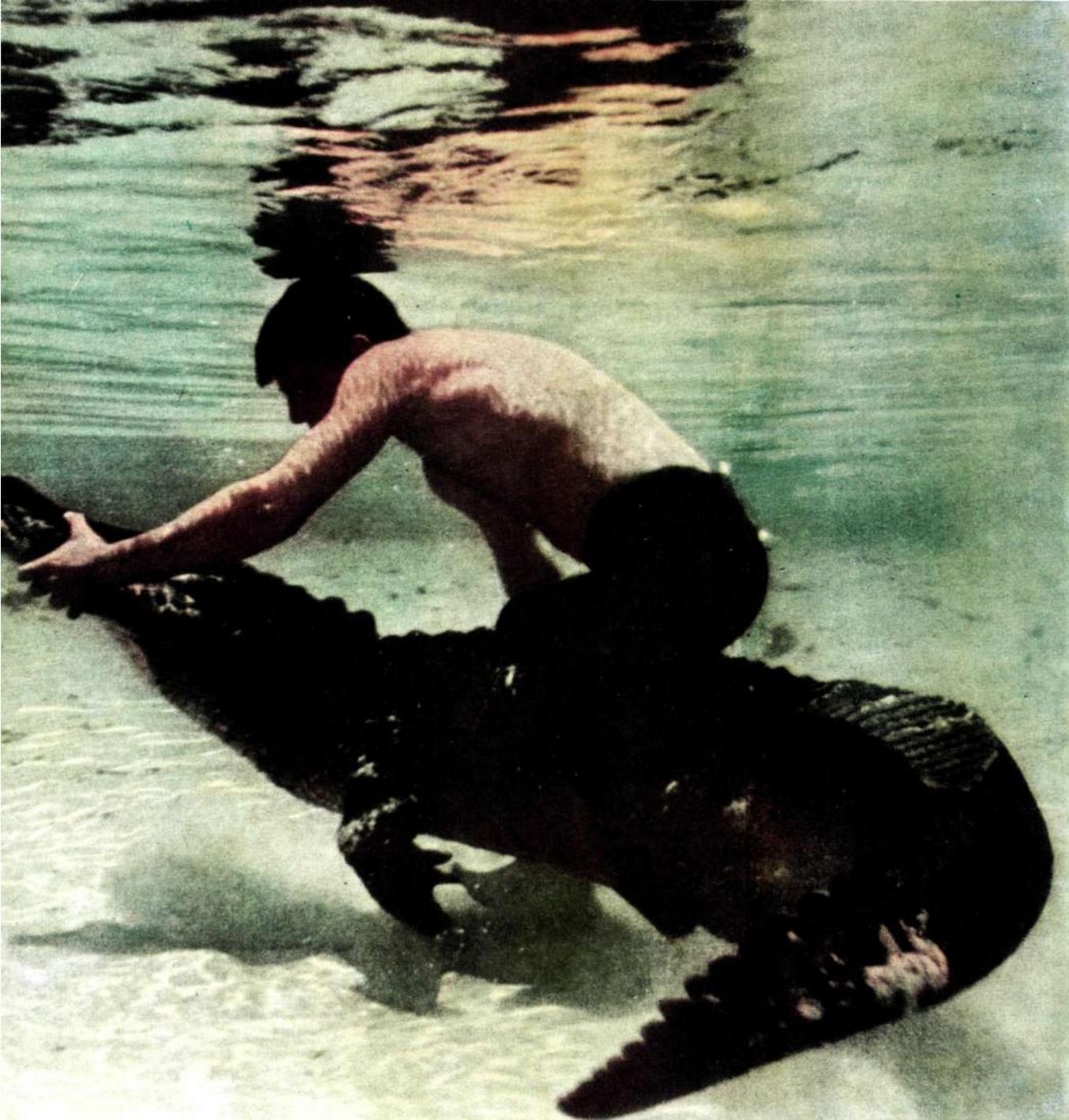
А Володя ожил. Измученное лицо его, заросшее светлой щетиной, сияло блаженной улыбкой человека, возвращенного к жизни, все мучения которого кончились и который чувствовал себя среди друзей, среди спасителей. И следующие два дня, два больших перехода по ледникам, с поиском пути среди гигантских ледяных столбов — сераксов, — с преодолением десятков глубоких трещин не внесли ничего нового в наши ощущения.

...Носилки с Володей заносили в вертолет. Мы стояли кучкой и молча переживали минуты высшей человеческой радости, ибо спасти человека — это величайшее счастье!

ПЕТРИЧЕНКО. Мы, две группы альпинистов и парашютистов, встретились уже в Фергане. Присоединился к нам и Валя Сулоев, который первым в мире спустился на лыжах с такой высоты. Штурм Памира с воздуха был завершен. Мы собрали ценные материалы о методике подготовки парашютистов-

альпинистов, о комплексе снаряжения, о работе экипажа самолета при десантировании — словом, о том, что невозможно учесть и рассчитать, сидя лишь за письменным столом. Но снова, подводя итоги этого сложного научно-спортивного эксперимента, мы вынуждены сказать: это лишь начало. Начало нового горно-парашютного спорта... Начало исследований по акклиматизации человека на больших высотах... Начало освоения наших заоблачных высокогорий...

НА ШАРК-РИВЕР В НЕДАВНИЕ ВРЕМЕНА...

„Ничего нет проще, чем поймать аллигатора. Аллигатор, он ведь только с виду страшный, а на самом деле сушая кротость. Теперь, правда, настоящего аллигатора, футов этак на пятнадцать, и не встретишь, одна мелочь осталась. Еще недавно на Шарк-ривер милью проплыть нельзя было, чтобы не насчитать двести-триста штук, а теперь? Если трех встретишь, так и то хорошо... Говорите, жуть берет? Скажите на милость, какого еще хищника можно поймать голыми руками? То-то и оно, что никакого, а аллигатора — за милую душу.

Выедешь, бывало, ночью — я на носу. Пит Харрис на веслах. На лоб цепляешь лампочку наподобие шахтерской, включишь ее и водишь по сторонам. Два красных огонька — это и есть аллигатор, глаза у него загораются, как руби-

ны. Он, дурачок, оторваться от света не может, лежит как зачарованный, тут его только и брать. Главное — не выпустать его из луча. Спрыгнешь с лодки и бредешь к нему тихонечко по мелководью — ближе, ближе, ближе... Здесь начинается самое трудное: надо его оседлать, то есть так вспрыгнуть ему на шею, чтобы он ни зубами, ни хвостом не дотянулся. Хвост-то у него быка свалит... Но уж как сел ему на загривок — держись крепче. Метаться он начинает что твой мустанг!

Потом надо набросить ему на морду петлю да потуже затянуть. Теперь можно тащить крокодила за веревку в лодку. Еще одну петлю надо набросить на хвост. Аллигатор, спеленатый как младенец, совсем безобиден — дрыгнется пару раз, и, если лодку не перевернет, все в порядке.

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ

В хорошее время мы с Питом Харрисом добывали от ста крокодилов в месяц. Даже днем их, бывало, ловили. Ох и жизнь была! Крокодилия кожа шла по шесть долларов фут. А теперь на этих проклятых фермах, где крокодилов разводят, как овец, охранники на вертолетах шныряют над болотами и приличному человеку не дают зароботать...»

Так рассказывал браконьер старик Джим О'Фланнэген, а уж он-то знал флоридские болота и аллигаторов.

БЫТЬ МОЖЕТ, ПОСЛЕДНЯЯ КХЕДДА

Это слово я услышал от зоолога-индийца в джунглях Майсура. «Кхедда!» Глаза его при этом загорелись, и, сильно жестикулируя, он стал мне объяснять, что это такое.

— О-о, кхедда — потрясающее зрелище. Это охота со слонами на слонов. И кроме того, один из древнейших спектаклей в Индии. Кстати, через год-другой вы уже рискуете не увидеть его... Число диких слонов с каждым

годом уменьшается. Местный магараджа сказал мне, что вот уже десять лет не устраивалась кхедда.

Слон в Индии и сегодня во многих случаях заменяет подъемный кран, бульдозер, тягач. Я был поражен, увидев в окрестностях индийской столицы, как слон вытаскивал застрявший в грязи (был сезон дождей) десятитонный грузовик. Велик и коммерческий спрос на слонов:

их охотно покупают для зоопарков. Больше всего ценятся самки в возрасте двадцати лет — их легче всего дрессировать.

Однако отлов слонов — не самое простое дело. В той кхедде, что я видел, было занято в общей сложности около трех тысяч человек. В течение нескольких недель они сгоняли слонов из большого массива в густой лес Каканкот, что лежит в ста километрах к югу от города

Майсур. Теперь, окружив лес с трех сторон — четвертой стороной заросли примыкали к реке, — загонщики не давали животным разбежаться. Тем временем опытные ловцы лихорадочно строили ловушку. Она занимала площадь примерно в два гектара и была способна вместить, пожалуй, до сотни слонов. На отвесном склоне реки Каканкот возвели четырехметровый забор из толстых стволов, вбитых в

ва — непонятное строение, и за ним тоже люди. Авангард быстро повернул к реке, увлекая за собой остальных.

Но тут на их пути тесно стали домашние слоны, «кумки», как их называют в Индии. Они махали головой, словно показывая — «поворачивайте назад», а сидевшие у них на спине охотники дали залп по диким животным. Я ужаснулся, но знакомый пояснил, что стреляют

работе. Зажав боками дикого собрата, они не давали ему буйнать и бросаться на изгородь. Зрители тем временем шумно обсуждали достоинства будущего работника, называли цену, за которую отдадут его устроители кхедды. Охотники же, сидя на домашних слонах, старались забросить дикарю на шею веревку. Слон еще порывался к сопротивлению, но усталость и, главное, успокаивающий вид

землю и соединенных массивными перекладинами. Кроме того, загон окружили рвом. В день кхедды на бруствере зажгли костры (дикие слоны боятся огня) и через каждые пять метров стал вооруженный охотник. Все-таки слоны...

За массивным частоколом возвели своеобразные дощатые трибуны и даже продавали на них билеты. Правда, желающие могли бесплатно наблюдать за происходящим с холма над рекой или с противоположного берега.

В два часа дня магараджа, сидевший под навесом на почетном месте, махнул платком — можно начинать. Крик разом вырвался из груди собравшихся. Загонщики — было слышно даже здесь — загромыхали вдали трещотками, стали палить из ружей, стягивая кольцо и гоня слонов к реке...

Час спустя из леса показались первые слоны. Это были самцы. Выйдя на опушку, они быстро оценили обстановку: впереди была река, позади загонщики, сле-

мелкой дробью четвертого номера, она не в силах пробить слоновью шкуру. Животные, обалдевшие от многодневной погони, повернули вспять — туда, где был виден узкий проход. Все замерли — и загонщики и зрители... Всё. За последним слоном упала решетка, словно запирая вход в старинный замок.

Теперь началось самое интересное. Слоны бродили по загону, ощупывая бревна и стараясь найти какую-нибудь щель. Она есть, эта щель. Вернее, узкая дверца, куда с трудом может протиснуться только один слон. Но вела она не на волю, а на примыкающую к загону, тоже огороженную, небольшую арену. Вот первый слон дошел до открытой двери и с поразительной для такого колосса ловкостью юркнул в нее.

На арене его тоже ждали кумки. Их маленькие глазки блестяли от удовольствия — честное слово, они находили наслаждение в подобной «предательской»

прирученных собратьев сломали его решимость вырваться любой ценой. Он дал надеть на себя повод (толстенный канат сантиметром восемь в диаметре), кумки взяли свободный конец в хоботы и, подталкивая новобранца, повели его купаться в реку. Очень трогательная сцена...

Искушавшись, пленник впервые получит еду из рук хозяина. При этом, конечно, кумки будут стеречь дикаря — кто знает, не выкинет ли он что-нибудь. Однако опытные ловцы довольно точно определяют характер животного и, за редким исключением, не ошибаются.

Кхедду можно назвать слоновым родом: ловцы соревнуются на ней в умении набрасывать канат и даже вскакивать на спину только что пойманного животного. Риск? Конечно. Но как без него поймаешь слона!

ПЬЕР ЛЕТЕЛЬЕ

Перевела с французского
Л. БУТУЗОВА

ОПТИЧЕСКАЯ ловушка

Фантастический рассказ

МАУРО АНТОНИО МИЛЬЕРУОЛО,
итальянский писатель

Протонные орудия грохотали не меньше часа. Все-таки меня обнаружили. Я подобрался как можно ближе, мастерски имитируя походку людей (это их характерное «раз-два, раз-два» в такт с легким покачиванием корпуса). Я надеялся без помех достичь хотя бы проволочных заграждений. Но эти подлые людишки в нарушение всех законов организовали наблюдение также и у государственной дороги, которая находится далеко за пределами их владений. Как всегда, они открыли огонь без предупреждения. Однако меня не так-то легко застать врасплох. Недаром же я наделен сверхчувствительным

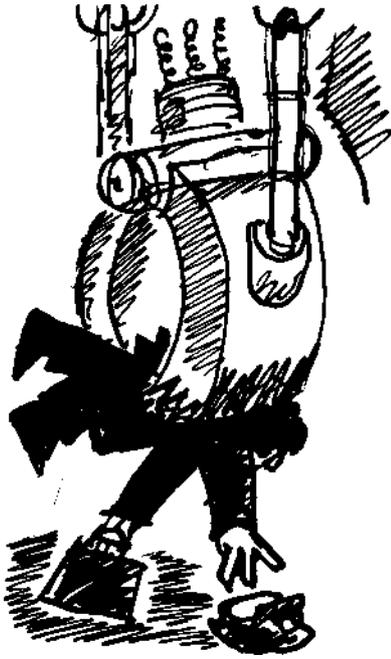
слухом и мгновенной реакцией на вибрацию, неизбежную у любого прицельного механизма. Ничего, если мои подозрения подтвердятся, они еще раскаются в своих гнусных действиях! А временное преимущество этим жалким человечкам не поможет.

Конечно, их привело в панику мое черное одеянье. Все мы, налоговые агенты, носим эту униформу в силу традиций, восходящих буквально к доисторическим временам. Право же, чем скорее ее отменят, тем безопаснее будет наша нелегкая работа.

Так вот, они обнаружили меня, едва я слез с роботомобиля. Воздух сразу же заколебался от звуковых волн, производимых

действующими электронными механизмами. И это заставило меня, не теряя времени даром, искать надежного убежища. Я нашел его в старом кратере, который образовался после мощного параболического удара. Мгновение спустя все вокруг уже сотрясало от разрывов. Обстрел зоны продолжался десять минут. Потом людям все же пришлось сделать короткую передышку. Я на радостях поздравлял себя с быстротой контрманевра. Стремительно нырнув в жерло кратера, я ускользнул от наблюдения — теперь их разведывательные приборы практически бессильны. Чтобы попасть в меня, им пришлось бы

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

несколько часов подряд вести заградительный огонь. Но пока не существует протонного оружия, способного беспрерывно вести огонь больше двадцати минут. Мне следует лишь набраться терпения и молить бога, чтобы в меня не угодил случайный снаряд. Ну, а потом, когда они вынуждены будут прибегнуть к резервным батареям, я смогу стремительным рывком продолжить атаку.

Люди оставили меня в покое всего на восемьдесят секунд. В этот весьма короткий промежуток времени я тщательно обдумал дальнейший план действий. Воспользовавшись затишьем, я осторожно высунулся и осмотрел поле боя — до проволочных заграждений оставалось еще триста метров. Не успел я снова плюхнуться на дно кратера, как тишину прорезал свист снаряда.

Возможно, кое у кого возникнет вопрос, почему я не рассчитался по заслугам с этими гнусными налогоплательщиками? Все объясняется очень просто.

Мы — налоговые агенты, или сокращенно НА, согласно правилам об охране жизни налогоплательщиков, имеем в своем распоряжении единственное оружие — мощную бризантную

бомбу, но лишь одну, и применять ее разрешено только в критический момент. А такой момент пока не наступил.

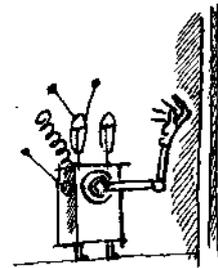
Я подождал еще минут десять и, наконец, решился. Если они все же засекут меня радаром, тем хуже. Разумеется, для них. Ведь прежде чем они попадут в цель, раскаленные стволы орудий вообще расплавятся. В ста метрах от меня после разрыва снаряда образовалась длинная траншея. Туда-то по остывающей лаве я и бросился, когда высь взметнулось новое облако дыма и пыли. Наконец я почувствовал себя в полной безопасности — вероятность повторного попадания снаряда в то же самое место минимальна. А радиоактивные осадки мне не страшны — я к ним абсолютно невосприимчив. Нет, я очень удачно выбрал момент для нового броска. Своим тончайшим слухом я уловил изменение в интенсивности вибраций. Несколько перегревшихся батарей прекратили огонь.

Значит, можно продвинуться еще дальше. Стоило очередному снаряду разорваться почти рядом, как я выскакивал из своего убежища и, размахивая руками, в тучах пыли устремлялся вперед под беспорядочным огнем врага. До проволочных заграждений оставалось не больше тридцати метров, когда стрельба внезапно стихла.

Я понял, что радары снова меня засекали. Послышался отвратительный вой ракеты «земля — воздух». Я подбежал к заграждению и за какой-то миг до взрыва упал в слой лавы. Меня буквально засыпало землей и жидкой лавой, и все-таки я вздохнул с облегчением — они не решились применить атомную боеголовку; боялись повредить первую линию обороны, что открыло бы путь другим налоговым агентам, засевшим в засаде. (Обычно мы действуем вдвоем.) Но успокаиваться рано — эти налогоплательщики, когда их прижмешь к стене, способны на самые подлые уловки. Не опасаясь нового обстрела, я поднялся во весь рост, ведь моя лучшая защита — близость к проволочному заграждению. Отныне мне предстояло выполнить наиболее сложную часть задания; теперь меня ждали не слепые залпы, а ловушки, коварные, смертоносные ловушки.

Мои сенсорные органы стали

прощупывать все вокруг. Я уловил, что через проволочное заграждение пропущен ток в две тысячи вольт — достаточно одного прикосновения, и я запылал бы, словно факел. У меня не было иного выхода, кроме как перепрыгнуть через проволоку. Пятиметровая высота великовата даже для меня, а тут еще нужно приземлиться в строго определенном месте, где нет ни мин, ни магнитных полей. Прыгнул я удачно и очутился на вражеской территории. Теперь самое трудное — отыскать нужный мне дом. Только налоговый агент знает, насколько это сложно. Даже самый глупый из на-

логоплательщиков понимает, что весьма полезно построить в своей оборонительной зоне по крайней мере два-три ложных дома и заминировать подступы к ним — совсем неплохо, когда неосмотрительный агент прямого взлетает в воздух. Я уже не говорю о том, что в одном из таких ложных домов вас может любезно принять мнимый налогоплательщик. В этом случае платежная квитанция теряет всякую силу, и беднягу агента ждут насмешки коллег и неприятности по службе. Да, в этих домах с нами, агентами фиска, борются с помощью дьявольских уловок, но не гнушаются и самого примитивного обмана. Мне, к счастью, всегда удавалось выйти из всех передряг целым и невредимым.

Однажды, помнится, именно меня послали вновь вручить счет, который мой коллега по ошибке дал подписать мнимому налогоплательщику. Многим из самых крупных должников благодаря всевозможным ухищрениям удается избежать уплаты налога по истечении срока давности. Но государство не желает

терпеть убытки. И в тех редких случаях, когда удается взыскать налог, оно отыгрывается за все свои поражения сразу. Оно взыскивает с проигравшего схватку такую сумму, что аж дух захватывает. К примеру, сейчас мне приказано вручить счет на общую сумму в восемнадцать миллионов кредиток.

«Наносить удары не часто, но зато прямо в солнечное сплетение» — таково золотое правило налогового управления.

В микроприбор я обнаружил два дома на склоне холма. Присмотрелся... Конечно же, это фальшивые дома. Выглядят они как настоящие, но меня не обманешь — нет характерных признаков человека.

А что еще подстерегает меня за холмом? Пришлось волея-неволей взбираться на его вершину. Само собой разумеется, я хорошенько смотрел, куда ступить. Эти хитрецы налогоплательщики установили всюду, где можно, минные и статические поля, мощные электроразрядники...

О черт!.. Еще миг, и я бы, как последний дурак, угодил в медвежью ловушку. Отскочив в сторону, я подумал: «Неужели они отважатся на фронтальную атаку? Иной раз в отчаянье они идут и на это».

Стоп, дальше пути нет. Впереди отлично замаскированная автоматическая батарея. Если меня засекут ее радары, я, как говорится, здорово погорю. Чуть поодаль я заметил распростертое тело менее осторожного налогового агента. Даже не тело, а его разорванные части. О боже, какая ужасная картина!

Я бросился назад что было сил.

Очувтившись вне зоны прицельного огня, я остановился, чтобы собраться с мыслями. И пришел к выводу, что настало время взять да и выложить сразу все карты на стол. Иной раз в такой игре полезно притвориться безумным.

И вот совершенно неожиданно для врага я выскочил на открытое место. Мне понадобилось всего три секунды, чтобы одолеть холм; и все же я рисковал очень многим. За холмом стоял дом, вероятно, настоящий — каждый кирпич в нем говорил о присутствии человека. И это, конечно, могло быть хитрым трюком. Но я полагался на свои сенсоризаторы и решил идти на штурм.

Я огляделся вокруг и вскоре обнаружил вражескую установку — она может преградить мне дорогу. Самое время применить бризантную бомбу! Пока брошенная мною бомба вычерчивала свою замысловатую траекторию, я молниеносно сообразил, каким путем следует бежать. Точно в миг взрыва я бросился в атаку.

Двадцать метров яростного бега — и... бросок на землю; первое, с чем знакомят любого налогового агента, — это элементарные правила штурма укрепленной полосы. Прежде чем совершить последний рывок, я вытащил из портфеля счет. Теперь я бежал зигзагом, осыпаясь градом снарядов. Право же, я мчался со скоростью не меньше семидесяти километров в час. При такой скорости сразу остановиться просто невозможно. Я был уже в пяти метрах от двери, постучав в которую тут же становился неуязвимым (таков строжайший закон). И в то же

мгновение я понял, что угодил в ловушку. Все было продумано до мельчайших подробностей. Моя рука, протянувшаяся к звонку, пробила пластиковую и цементную стенку. Нет, дом был вполне крепкий, а я отнюдь не обладал гигантской силой. Просто настоящая стена была на метр позади ложной, а это-то я и не уловил.

Но меня уже ничто не могло удержать, и я со всего размаха налетел... на тонкую проволоку. Конечно, я споткнулся и упал. И тут же двое клещей сжали меня в тиски.

Последнее, что я услышал, был треск моей разрываемой клещами оболочки.

Хозяин дома вытер пот, обильно стекавший со лба.

— Да, тяжело нам с тобой пришлось, дорогая. Если б не ложная стена, этот проклятый агент прорвался бы прямо сюда.

Женщина с усталым лицом безуспешно пыталась унять нервную дрожь.

— Он чуть было нас не перехитрил, — сказала она.

— Они их делают все лучше и лучше, этих чертовых роботов. Подумать только, к самому дому подобрался!

— Спасибо за комплимент, — крикнул я из-за двери.

Как жаль, что я не видел, какие у них были в тот момент лица! Потом-то они сумеют взять себя в руки.

Я уверенно постучал костяшками пальцев в дверь. Затем высвободился от остатков разбитой металлической обшивки большого полуавтоматического робота, которая сослужила мне хорошую службу, и с иронией спросил:

— Ну, скоро откроете?

Поглядев с высоты своих тридцати сантиметров на целые и невредимые миниатюрные транзисторы и стальные клапаны, я удовлетворенно хмыкнул.

Мои мнемонические центры излучали волны радости.

Я победил людей, снова их победил!

Перевел с итальянского
ЛЕВ ВЕРШИННИН

«В лета 6838 Шелога посадник с псковичи и изборяны поставиша город Изборск на горе на Жеравии; того же лета и стену камену с плитоу учиниша и ровы изрыта под городом...»

(Из Псковской летописи)

ЭКСПЕДИЦИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

ГОРОД НА ЖУРАВЛИНОЙ ГОРЕ

Он стоит в 33 километрах к западу от Пскова — «Изборск на Словенских ключах». Экскурсионные автобусы обычно приезжают к нему во второй половине дня, когда солнце еще бесцветно, — и Изборск встречает людей бесстрастно замершей серой птицей, сонно раскинувшей свои крылья по выгоревшей пыльной траве. Древний город кажется отстраненным от человеческих забот — одинокий, последний из некогда гордой стаи псковских порубежных крепостей... Невольно вспоминаются остатки булыжной кладки Гдовской стены, перевитой корнями молодых деревьев, еле заметная поросшая травой осыпь фундаментов давно разрушенной крепости в Острове, опустевшие валы Опочки, Велья, Ворнича...

Изборская крепость маленькая, простая, бесхитростная — в ней нет подземных галерей и зловещих склепов, каменных мешков и таинственного назначения переходов, и стоит она открыто и доступно — словно земля приподняла ее на ладони, — и кажется, что ее можно осмотреть и понять за час, полтора...

Изборск — один из древнейших городов Руси, «еще бо граду Пскова не суще, но бяше тогда начальный град во стране той, завомый Избо-

реск», — пишут летописи, и они же приписывают основание Изборска брату легендарного Рюрика — Трувору, и поэтому городище рядом с нынешней крепостью, на котором до XIV века стоял Изборск, зовется в просторечии Труворовом. Татищев и Карамзин, заинтересовавшись тайной происхождения этого города, собрав все доступные им письменные источники, Предположили, что основателем Изборска был первый русский князь Словен, поэтому в летописях Изборск называется еще и Словенском (от этого происходит и название ключей-водопадов, что до сих пор бьют из-под скалы над городищенским озером — Словенские или Славянские). А после смерти Словена город отошел к его сыну Избору... Однако вообще-то истинные истоки слова «Изборск» не выяснены до сих пор — одни считают его происходящим от корня «бор», то есть Изборск — это «город, вышедший из леса»; другие высказывают предположение, что в основе этого названия лежит слово «сбор», «сборище». И по-видимому, правы последние, так как Изборск с самого начала стоял на торговом пути из Руси в Западную Европу и был долгое время передовым сторожевым пунктом, местом сбора русских ратей.

Вся история древнего Изборска, начиная

«Вышка» — самая высокая башня каменного Изборска 1330 года. И может быть, поэтому строители крепости, — как всегда отмечают самого сильного воина, — украсили ее традиционным для псковской архитектуры узором.

Спрятанная за восточной стеной башня «Луковка» осталась с тех времен, когда город на Жеравней горе имел деревянные стены и единственная его каменная башня выполняла, по-видимому, роль дозорного. И когда крепость стала целиком каменной, заняла всю вершину горы, «Луковка» оказалась внутри ее стен.

с XIII века, связана с борьбой русского народа с Ливонским орденом, маленький город на Труворовом холме почти столетие первым встречал вражеские рати и не раз выгорал дотла, но каждый раз там, где после кровавых осад оставались «только дым и земля и пепел», снова стучали топоры и поднимались дома и деревянные крепостные стены. И чтобы сделать Изборск недоступным вражескому мечу, в 1303 году, как коротко повествует летописец, «Изборск поставлен бысть на новом месте» — «на горе на Жеравии», но была ли тогда же там построена крепость, — неизвестно. По-видимому, все же какие-то деревянные укрепления в это время на Жеравьевой горе поставлены были. На это косвенно указывает один эпизод, рассказанный той же летописью, В 1323 году немецкие рыцари подошли на «кораблех, в лодьях и на конех» к Пскову со стенобитными и осадными орудиями и другим «многим замышлением». Осада длилась 18 дней, И «притужно бяше вельми Пскову», В это время изборский князь Остафий, прослышав про нападение на «большого брата», поднял «изборян, ове на коне, овых пеищев» и пришел на помощь псковичам. Ливонцы бежали. Вряд ли изборский князь оставил бы город без своей дружины, если бы не был уверен в надежности его стен,

В 1330 году Изборск стал каменным, неприступным — стараниями псковского посадника Шелого-строителя и трудами псковичей и изборян — и была «стена камня с плитою учиниша» в удивительно короткий срок, за год. И отныне осады и сражения, что отсчитывали летописные годы Изборска, заканчивались победой изборян.

...В 1341 году ливонцы десять дней осаждали город, обнаружили даже тайник — вылаз к реке — и «воду отьяши от изборян». История средневековых войн почти не знает случаев, когда крепость, лишенная воды, продолжала бы оборону, Изборск не сдался.

...В 1349 году рыцари снова подошли под стены города и «псковичи и изборяны выидоша противу» них и «бысть сеча» и захватчики снова вынуждены были отступить от «Железного города», как назвал Изборск немецкий поэт Петр Зухенвирт, участник этого сражения,

...В 1367 году ливонцы снова вторглись в псковские земли «жгуще и пленяюще псковские волости», но к Изборску даже не решились подступить,

...В 1368 году, собрав рать, «в силе великой», «со многим запасом замышлений своих с пороки великими и грады и с заворы» ливонская рать подступила к Изборску и «стояше 18 дней, пороки шибаячи во град, сами о стену толкуще»,

...В 1480 году к стенам Изборска снова подошел сам магистр Ливонского ордена «и начаша стрелы огненные пуцати на град.. и многие дресева приметавше к стене зажегоша; и бе притужно вельми суцим в граде». Но Изборск выстоял и на этот раз, и ливонцы снова вынуждены были уйти «взярявся и попухнев лицом», «скрежеща своими многоядными зубы».

Но когда покажется, что пройдена та дорога истории, что оканчивается на вершине Жеравьевой горы старыми и одинокими в своем сонном покое каменными стенами, все явственней сквозь шорохи затихающего дня начнет пробиваться шум Славянских ключей, четкие тени деревьев

будут все ближе и ближе подползать к краю обрыва, а затем упадут в него, слегка потемнеет и подернется легкой рябью озеро, легкие блики, как светлые узкие рыбы, поднимутся из его глубины — и в это мгновение косые лучи солнца, словно брызги живой воды, чуть тронут серые камни Изборска.

И стены вдруг покажутся выше, чем были час назад, словно расправилось оперенье просыпающейся птицы, мягкие тени очертят проемы башенных бойниц, будто приоткроются глаза ее...

И тогда надо коснуться светлых камней крепости — они будут теплыми. Пройти западной стеной, плавной дугой охватывающей четыре башни, и тихо проговорить их названия, ласковые, как деревенские прозвища: Плоскушка, Вышка, Рябиновка, Темнушка. Затем узкой тропинкой, огибающей восточную стену, дойти до угловой башни и там остановиться — с узкого уступа над обрывом откроется необозримый простор, словно созданный для того, чтобы было где развернуть своих коней былинным богатырям, озеро, уходящее к красным от глины откосам дальнего берега, и дорога по этому полю к горизонту, огибающая огромные валуны, белеющие под спокойным псковским солнцем, как высушенные тысячелетием лошадиные черепа...

И в это мгновение Изборск вспыхнет розовыми закатными лучами и неожиданно всплывет в памяти где-то мимолетно слышанное, что Жеравья гора в переводе с древнерусского означает Журавлиная, и обернется Изборск розовым журавлем, взлетевшим в бескрайнее небо над светлой-светлой и красно украшенной землей...

Когда гасло солнце, мы спускались на край поселка, обступившего крепость. Там, в небольшом, по-крестьянски деловито заставленном хозяйственной утварью дворике, сидя на приготовленных для чего-то впрок ошкуренных бревнах, мы пили теплое густое молоко, опасливо косясь на добродушного, видимо, характера, но свирепого своим обликом хряка, вольно, как собака, бегающего по двору. Хозяева дома приехали сюда совсем недавно. И когда мы однажды спросили, что заставило их выбрать именно Изборск, хозяйка ответила:

— Красиво жить здесь.

Мы не спросили — почему красиво? — мы вспомнили слова, произнесенные семь столетий назад: «сказати о сем не можно и недомысленно».

...Можно долго и восторженно описывать древние храмы и дворцы, следуя взгляду, что охотно задерживается на шпилях и куполах, вырезных арках и торжественных порталах, переплетах витражей и неожиданно возникающих в каменных нишах скульптурах. А здесь были стены, все украшение которых составляли неровные тени и грубой кладки массивные башни, стоящие в кажущемся беспорядке, с подслеповатыми бойницами... Но представить себе, что может здесь стоять что-то иное, было так же невозможно, как «недомысленно» отделить ключевую воду от прохлады земли, утреннюю росу от свежести трав и журавлиную стаю от небесной синевы...

Строители Изборска меньше всего заботились о красоте — они думали о защите своей земли — и создали то, что стало неотделимо от красоты ее.

Изборск строился из местного камня — это было удобно и выгодно: росли стены и одновременно углублялся крепостной ров. И теперь обнажившаяся в разрывах дерна скала белела, как бесконечное основание его стен. И казалось, уничтожь эти стены, — они будут вырастать снова и снова, ибо корни их уходят в землю, которая вечна.

Выбор места для крепости в те времена был поистине всенародным и священным делом. В летописях приводятся описания торжеств на «стенном месте», «где граду быти» — ибо крепости ставились главным образом для защиты жителей близлежащих сел и посадов. Даже термин был «осадный двор» — участок в крепости, специально предназначенный для тех, кто будет искать спасения за ее стенами. И строители, чтобы увеличить пространство внутри крепости, чтобы как можно больше людей могла принять она под свою защиту, слегка изогнули стены Изборска. И поэтому они кажутся сейчас крыльями птицы, что с первыми лучами заходящего солнца взлетает над своей землей.

И здесь, у этих стен, вдруг стала нам почеловечески понятна странная ошибка, вкравшаяся в бесстрастное и пунктуальное повествование одного древнего хрониста, посетившего эти места.

«Земля Псковская имеет тридцать каменных замков по направлению к Ливонии», — писал в начале XVI века в своем историко-географическом описании Восточной Европы польский путешественник Матвей Меховский. Псковские рубежи в то время охраняло не тридцать крепостей, их было почти в три раза меньше, и не все они были каменными... Но каждая из них была много выше того понятия «замок», к которому примеривал их странствующий Матвей. Для Меховского «замок» — это замок западноевропейского феодала, настороженно и недобро оглядывающий мир стрелчатыми бойницами и отчужденный от его забот. А здесь перед Меховским вставали крепкие дома, рожденные этими заботами. Они стояли широко и вольно — и крылья их стен готовы были принять под свою защиту людей своей земли. И ставили эти стены всем миром и защищали всем миром, и так, как не видел и не мог видеть Матвей Меховский нигде: «Братья мужи псковичи! Не посралим отец своих и дедов. Кто стар — то отец, кто млад — то брат, се же братья надлежит нам живот и смерть потягнем... за свое отечество...» И может быть, смутно угадывая ту силу, что поставила эти дома — могучее и безыскусное желание мирных людей жить спокойно в своих пределах, «не преступая чужия части», как сказано в одной летописной заповеди, — Меховский возвеличил число псковских крепостей, чтобы хотя бы так сравнить их с тем, что понятно для него и для тех, для кого он писал свой трактат... Для тех, чьи лишенные плоти и крови железные оболочки, светящиеся недобрым светом, мы видим в залах исторических музеев. Для тех, кто возводил свои замки на чужих землях.

...В сорока километрах к западу от Изборска гигантскими красными зубьями торчат над обрывом развалины Ливонского замка Нейгаузена — Нового городка, как называли его псковские летописи. Его поставили через два года после того, как вырос каменный Изборск, для того, чтобы жители Жувальной горы не знали покоя. «А Немцы тоя зими приехавши со всею силою,

поставиша Новый городок на реке Пивже, на Псковской земли», чтобы было где ливонцам скапливать силы для неожиданных разбойных рейдов к Изборску и дальше к Пскову... С тех пор прошло более полутысячелетия. Складки и провалы кроваво-кирпичных стен занесены землей, поросли мелким кустарником. Но и сейчас легко представить этот замок таким, каким он стоял когда-то, — словно приподнятый над обрывом, изготовленный к броску, как копьё, в тот дом, что поставили псковичи и изборяне на горе на Жеравьи...

И может быть, Меховский, пораженный необычной для него мудрой и простой красотой Изборска, снова и снова приходил к нему и, сравнивая, понял, наконец, то, что разделило невидимой границей ливонские замки и псковские крепости, — то, что всегда разделяет копьё, выкованное для разбоя, и щит, созданный для обороны, и сказал поэтому, заканчивая описание псковских крепостей, что таких он не видел нигде.

В последний вечер мы были гостями Павла Дмитриевича Мельникова — художника-самоучки, инвалида, живущего ныне сапожным ремеслом. Мы сидели в тесной и чистой горнице, завешанной, заставленной картинами, набросками, рисунками. На них был только Изборск... То светящийся в лучах вечернего солнца — и казалось, что за стенами и башнями его нет ничего до края земли, кроме закатного света; то сиреневый в спокойных зимних сумерках; то серый, проглядывающий сквозь голые, весенние прутья деревьев. То одинокий, как бывает одиноком крестьянский дом в полдень страдной поры, то оживший своими хозяевами, присевшими отдохнуть в тени его стен после трудного дня.

...Когда-то учитель приходской школы заметил у одного из своих учеников Паши Мельникова любовь и способности к рисованию. Он подарил ему альбом и карандаши и сказал — нарисуй Изборск. С тех пор прошли десятилетия. С тех пор Мельников рисует Изборск. Только Изборск.

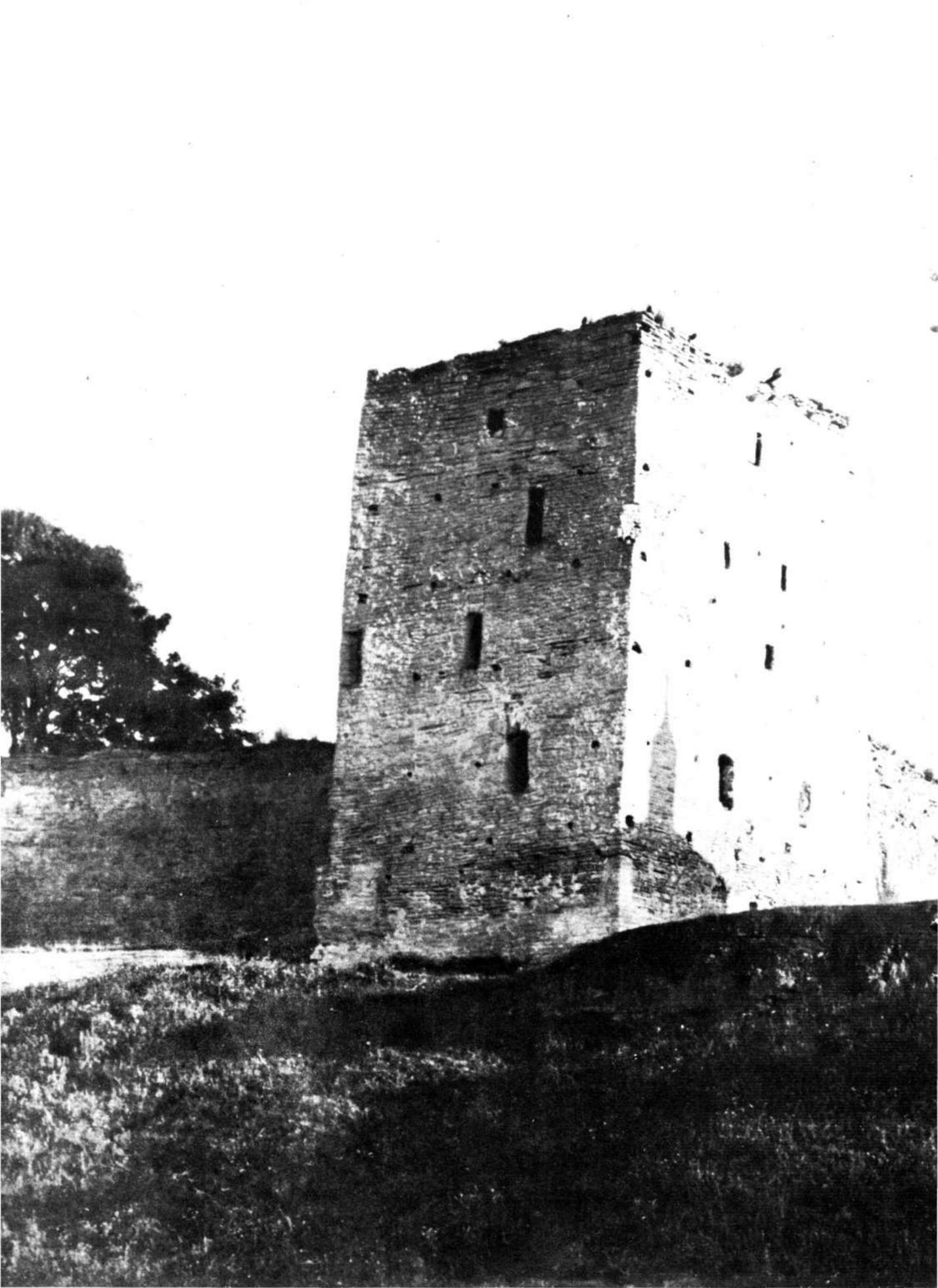
И жена художника, прислонившись к косяку, сложив под фартуком руки, с гордостью смотрела на своего мужика, одержимого Изборском, занятого необходимым делом — не для славы и достатка, а для души своей.

А когда солнце уже начало склоняться за Жеравью гору, Мельников повел нас на край богатирского поля к маленькой заброшенной придорожной часовенке, обветшавшей, заколоченной крест-накрест, поросшей до рубленных ставней диким горохом, лопухами и крапивой...

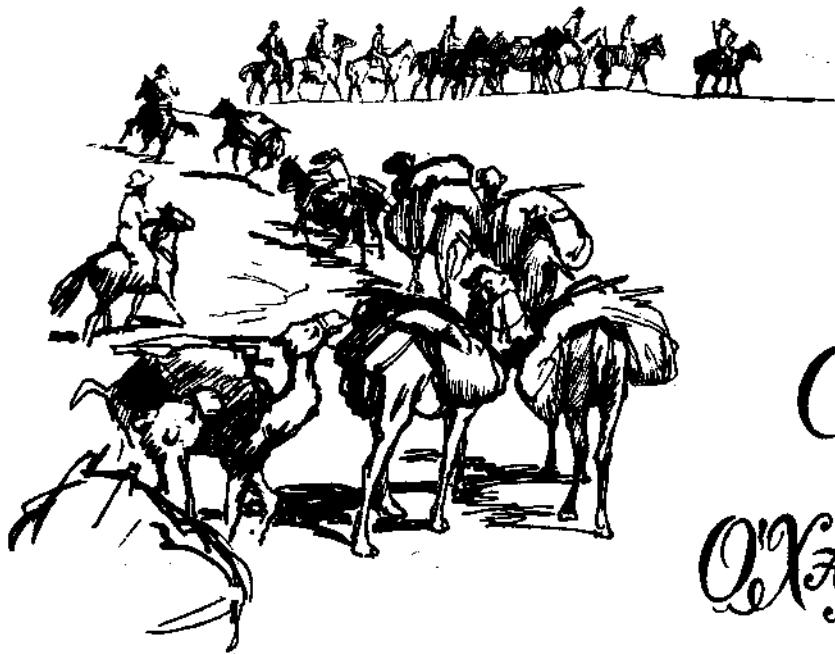
— Я хочу когда-нибудь нарисовать Изборск отсюда, — сказал Мельников.

...На краю земли, еле видимым пятном светился Изборск — он словно летел к закатной черте, как одинокий розовый журавль, отставший от своей стаи, растаявшей во времени, как в вечернем небе...

Восточная и северная стены Изборска не имели башен — здесь, над крутыми откосами и каменным неприступным обрывом, они были не нужны. А западный склон Жеравей горы был слишком малым и пологим, и потому-то и встали именно здесь все башни каменного Изборска 1330 года. ►

СЕМЬ ЧАСОВ О'Хара Берка

Трансавстралийский телеграф был пока лишь тонкой карандашной линией, нанесенной на географическую карту наугад. Линия начиналась в Мельбурне и пересекала карту с юга на север, от одного побережья к другому — сквозь огромное белое пятно, занимавшее почти весь центр Австралийского материка.

...Лишь контуры австралийских берегов и прилегающих к ним областей были тогда, по сути дела, нанесены на карту мира. Центральное белое пятно только-только стало обретать разноцветную окраску. Армейский офицер Чарльз Стерт в 1828 году во главе правительственной экспедиции открыл реку Дарлинг. В 1840 году Эдуард Джон Эйр открыл большое озеро, которое назвал своим именем. В 1844 году тот же Чарльз Стерт, выйдя из Аделаиды, одного из городов, возникших на южном австралийском побережье, сделал целый ряд важнейших географических открытий, проникнув в глубь материка так далеко, как еще никто до него...

И никому до сих пор не удавалось пройти сквозь весь материк — от одного берега к другому.

Но чтобы проложить трассу телеграфа точно, учтя все особенности топографии неисследованных районов, кто-то должен был совершить такой переход.

...Проект будущей экспедиции был объявлен в декабре 1859 года. Прошло несколько недель, и Географическое общество, основанное в Мельбурне, столице только-только официально провозглашенной английской колонии Виктории, определило сумму, которую следовало выделить на снаряжение экспедиции. Уже составлялся список экспедиционного отряда, и план путешествия уточнялся в мельчайших деталях.

И все это время, изо дня в день, в Географическое общество приходил сорокалетний ирландец Роберт О'Хара Берк, уже седьмой год занимавший один из незначительных постов в колониальном правительстве, и предлагал свои услуги в качестве начальника будущей экспедиции.

Вынужденный в молодости, подобно тысячам своих соотечественников, покинуть родину в поисках лучшей доли, Берк служил, сначала в австрийских войсках, а затем исколесил полсвета, ведя жизнь, полную невзгод и лишений, пока не попал, наконец, в Австралию. Теперь Берк мог стать первым путешественником, пересекшим весь материк...

И Берк своего добился — его назначили начальником экспедиции.

Немедленно он начал деятельную подготовку. Закупились продукты и оружие. Из Афганистана в Мельбурн была доставлена партия верблюдов. До Берка их не использовал ни один из путешественников, разведывающих внутренние области континента, но идея ирландца была с восторгом одобрена самыми бывалыми исследователями. Австралия — пустынная страна. На пути экспедиции, задавшейся целью пересечь материк, лежали раскаленные каменные равнины, реки, высыхающие в жаркое время почти до дна. Здесь не очень привычно чувствовали себя европейские лошади, но для верблюдов такие условия были родной стихией.

20 августа 1860 года двенадцать человек и караван из двадцати пяти лошадей и двадцати пяти верблюдов, несущих на себе запас продовольствия на полтора года, покинув Мельбурн, начали свой путь на север. Роберт Берк, предусмотревший, казалось, каждую мелочь, был уверен в успехе...

Как позже сообщили в Мельбурнское географическое общество жители небольшого поселка Менинди на реке Дарлинг, благополучно пройдя первые десятки миль и сделав в поселке короткую остановку, экспедиция Роберта Берка продолжила свой путь в глубь континента...

Прошло около года. О ходе экспедиции никто ничего не знал. Ожидать возвращения отряда было еще рано.

И вдруг в Мельбурн вернулся Джордж Браге, ближайший помощник Роберта Берка. Вместе

с ним вернулась большая часть экспедиционного отряда, почти все лошади и верблюды, составлявшие тот караван, что вышел из столицы в конце прошлого года. Браге принес печальную весть — Берк и еще трое участников экспедиции пропали без вести где-то на севере Австралии. Необходимо было срочно организовывать спасательную экспедицию...

О том, что было с отрядом Берка после того, как он вышел из поселка Менинди, стало известно со слов Джорджа Браге.

Продвигаясь все дальше и дальше в глубь материка — то по великолепным, обильно орошае-

мым дождями австралийским лугам, то по безводным каменистым пустыням, — 20 ноября 1860 года, после утомительного трехмесячного пути, Берк добрался, наконец, до реки Куперс-Крик.

Здесь была сделана короткая остановка, но и во время отдыха Берк совершил несколько вылазок, отыскивая наиболее подходящее направление для дальнейшего пути на север. Затем отряд вновь отправился в путь... К концу года Роберт Берк прошел половину расстояния до северного побережья. Теперь он находился в самом центре Австралии, на равном расстоянии от Мельбурна и от залива Карпентария — цели путешествия. В этом месте, как было намечено еще в Мельбурне, был устроен сторожевой пост. По имени одного из участников похода, Вильяма Джона Уилса, он был назван фортом Уилса.

Оставив здесь почти весь отряд во главе с Джорджем Браге, оставив большую часть провианта, в начале января 1861 года Роберт Берк отправился дальше лишь с тремя спутниками — Кингом, Греем и Уилсом — и запасом продоволь-

ствия, рассчитанным на три месяца. Налегке добравшись до побережья (опыт показал, что многочисленный отряд, обремененный большим караваном, двигался слишком медленно), уточнив на карте трассу будущего телеграфа, Берк должен был вернуться в форт Уилса.

...Но проходили дни, недели, месяцы. Прошло три месяца. У Берка и его спутников должен был кончиться запас продовольствия, и в выжженной солнцем, раскаленной каменистой пустыне вряд ли можно было рассчитывать на его пополнение. Прошел еще один месяц...

И Браге отдал приказ — оставить форт Уилса и отправиться в обратный путь. Перед уходом «на всякий случай», как он объяснял много позже, Браге, почти без всякой надежды, решил все-таки оставить на складе небольшой продовольственный запас. На стол он положил записку, адресованную Роберту Берку...

Мельбурнское географическое общество снарядило одну за другой четыре спасательные экспедиции на поиски Роберта Берка и его спутников. Через короткие промежутки времени поисковые отряды вышли из Мельбурна, направляясь на север. Они исследовали значительную часть австралийской территории, не обнаружив никаких следов путешественников.

И лишь в сентябре 1861 года один из отрядов, возглавляемый капитаном Хауиттом, обследуя район реки Куперс-Крик, случайно наткнулся на стоянку

какого-то племени аборигенов.

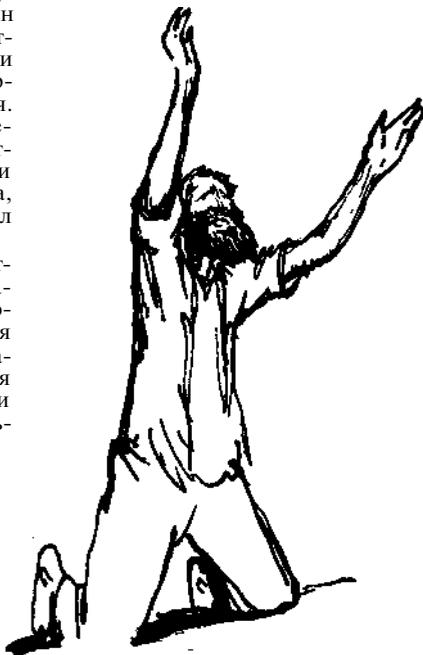
При виде вооруженных всадников аборигены, не раз, должно быть, испытывавшие на себе действие огнестрельного оружия, поспешно снялись с места и скрылись в прибрежных зарослях. Остался только один человек. Опустившись на колени, он протягивал к европейцам руки. По его грязному и заросшему лицу катились слезы.

Это был Кинг — единственный оставшийся в живых участник похода от форта Уилса к северному побережью. Полгода Кинг кочевал с коренными австралийцами, спасшими его от голодной смерти. Он сохранил экспедиционный дневник. И тогда были прочитаны последние страницы истории путешествия Роберта Берка.

...Выйдя из форта Уилса, Берк, Грей, Уилс и Кинг добрались до реки Эйр-Крик. Строго придерживаясь сто сорокового меридиана, путешественники направились дальше на север.

7 января 1861 года они пересекли Южный тропик. Стояла невыносимая жара — лошади и даже верблюды в изнеможе-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

нии ложились на землю, их приходилось тащить вперед силой. Все-таки исследователи добрались, наконец, до верхнего течения реки Флиндерс, впадающей в залив Карпентария.

Теперь океан был уже близко — появились болота с солоноватой водой. Но вскоре животные остановились, и с ними ничего нельзя было поделаться. Тогда, оставив с верблюдами Кинга и Грея, Берк и Уилс двинулись дальше на север — пешком.

11 февраля 1861 года они были, наконец, у цели путешествия — на болотистом берегу, заливаемом во время приливов океанской водой.

Теперь им предстоял обратный путь.

Изнуренные жаждой, голодом и жарой, едва передвигая ноги, Берк и Уилс дошли до Грея и Кинга. Отсюда, по уже знакомой дороге, маленький отряд направился к форту Уилса.

В апреле их осталось трое. Скончался Грей. (Это задержало остальных на двадцать два часа, и, как оказалось потом, двоим из них это время стоило жизни.)

Пали четыре верблюда. Но люди упрямо шли к форту Уилса — там была пища, вода, и самое главное, там ждали их товарищи.

Ограда форта показалась на горизонте 21 апреля 1861 года. Собрав последние силы, Берк и его спутники дотращились до ворот. В форте Уилса не было никого. На столе лежала записка.

Браге ушел отсюда семь часов назад...

Немного подкрепившись и отдохнув, трое путешественников вышли за ограду форта. Догнать Браге без лошадей, лишь с двумя верблюдами, почти без продовольствия, было невозможно. Поэтому отряд свернул на запад, по течению реки Куперс-Крик, направляясь к поселениям европейцев, расположенным у подножия хребта Флиндерс, — путь до них был короче, чем до ближнего из южных поселков. Но вот иссякли запасы продовольствия, взятые в форте Уилса, — остался только неприкосновенный запас. Путешественники питались теперь лишь съедобными листьями водяного растения нарду. Отдалиться от реки Куперс-Крик они не могли: в болотистой пойме реки утонул верблюд с флягами для воды, и воду нести было не в чем. Вскоре, во время одного из ночлегов, от случайной искры незатушенного костра вспыхнул шалаш, выстроенный путешественниками, и в огне погибли последние запасы еды, которые еще хранились на самый крайний случай.

Потом наступила развязка. Путешественники уже не могли идти — они ползли по раскаленной земле: впереди Кинг, за ним Берк и в сотне метров сзади — Уилс. Вскоре Уилс не мог даже ползти, а у Берка уже не хватало сил вернуться к нему. Роберт О'Хара Берк умер через несколько часов после Уилса.

Собрав последние силы, Кинг дополз до Берка, чтобы взять у него пистолет и дневник. Кинг так и лежал рядом с телом Берка, когда его, полуживого, подобрало племя австралийских аборигенов. Экспедиция Берка была окончена.

Расстояние, которое Роберт О'Хара Берк преодолел за полгода, современные пассажирские самолеты перекрывают всего за три с половиной часа...

В. АРКАДЬЕВ

РЕДКИЕ

В 1938 году сотрудники Московского зоологического музея получили посылку, которая произвела впечатление даже на выдавших виды специалистов.

Посылка была из Казахстана от зоолога В. А. Селевина и содержала всего-навсего верхнюю челюсть какого-то зверька. Для зоолога челюсть, а особенно зубы, все равно что паспорт незнакомца — по ним несложно определить вид, род, семейство, отряд животного. Но — странное дело! — находку диагностировать не удалось. Животное «не помещалось» ни в какие классификационные таблицы.

Меж тем Селевин сообщал, что кость была найдена в погадках хищных птиц. А погадка — простите за малоаппетитную подробность — это отрывок, часто содержащая неперевавленную

Этот «узник эволюции» — лягушка-крестовка — обитает только на Кавказе.

шерсть, перья и кости съеденных животных. Значит, зверек вовсе не был ископаемым существом!

Совершенно неизвестное науке современное животное — уже одно это представляло величайший интерес. Но дальше — больше: у животного была вообще ни с чем не сообразная челюсть! Общее расположение зубов указывало на его принадлежность к грызунам, но коренные зубы были заострены, как у хищников, чего у грызунов никогда не наблюдалось.

После долгих споров было, наконец, решено, что это все-таки грызун, который питается мягкими частями растений.

Оставалось найти неизвестное животное.

Задача эта казалась простой, ибо то были годы интенсивного истребления и отлова грызунов — только так можно было покончить с угрозой чумы и некоторых других опасных заболеваний, перенос-

И РЕДЧАЙШИЕ

ПЕРЕШКОЛЬНИК,
зоолог

чиками которых они являлись. Тысячи капканов, приманок, массовое обследование нор — неизвестный зверек не мог не попасться.

Но он не попадался. И найти его помог чистый случай: однажды ночью в пустыне Бетпак-Дала зоологи В. С. Бажанов и В. А. Белослюдов поймали зверька голыми руками...

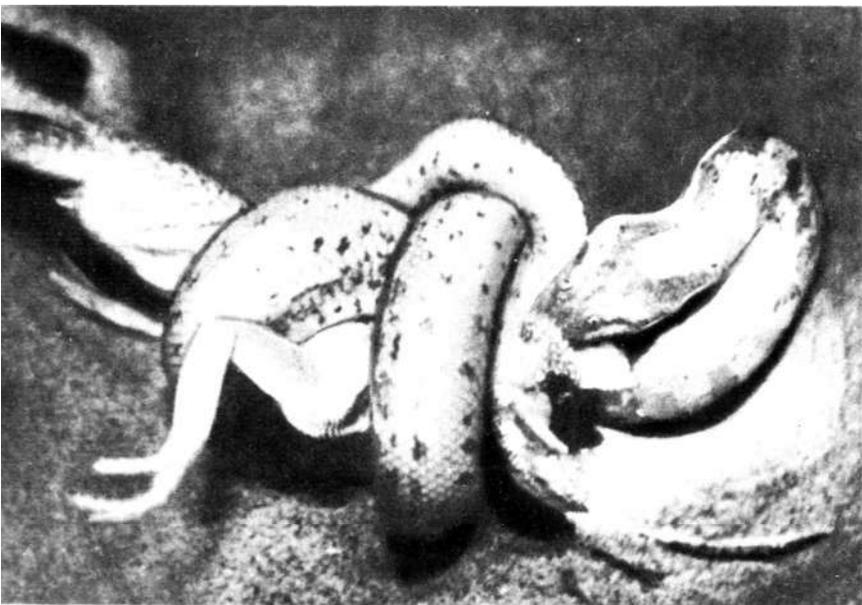
И вот тут зоологи ахнули. Было поймано не просто неизвестное науке животное: был открыт новый вид, род и семейство! Маленький мышеподобный зверек с короткой густой шерстью, названный «селевинией бетпакдалензис», питался не растениями, как все грызуны, а мягкими частями насекомых. Поэтому он и не попадался в обычные ловушки.

Образ жизни селевиний до сих пор еще во многом загадка, хотя за минувшие тридцать лет их

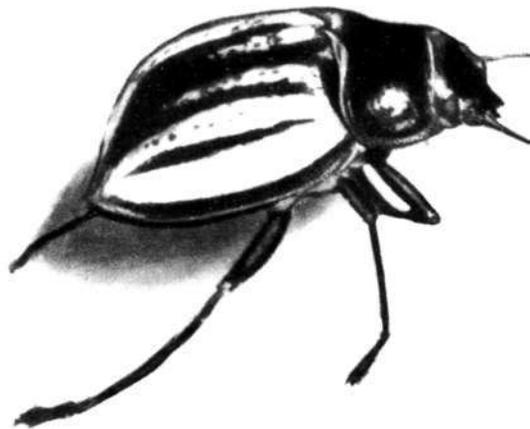
Такие животные, чье местообитание строго локализовано, называются эндемиками.

Это интереснейшие представители животного мира. Не только потому, что, как правило, они «редкие и редчайшие». Не знаю, как вас, но меня часто поражают эти существа, которые посреди огромной планеты живут на крохотном пятнышке, словно в добровольной ссылке. Узники эволюции — пожалуй, так их можно назвать.

Есть эндемики, которые пользуются широкой известностью и популярностью: это эндемики Австралии — утконос, коала, кенгуру и другие сумчатые. Видимо, Австралия отделилась от других континентов в ту далекую геологическую эпоху, когда на земле преобладали сумчатые животные. Потом эволюция их смела: они уцелели лишь в изолированной Австралии. Но чаще средой обитания эндемика,

*Успешная охота песчаного
ка — «змеи о двух головах».*

*«Стенодромус каспиус» — жук,
разучившийся летать.*

ловили не раз и даже короткое время держали в неволе. Уж слишком это необычное семейство! Линяют они скорей как пресмыкающиеся: кожа вместе с шерстью отслаивается небольшими лоскутками, под которыми обнажается новая, уже отросшая шерсть. Или другой пример. Как-то один зоолог нашел мертвую селевинию. Он принес ее домой, и вдруг «мертвое» животное ожило! Выяснилось, что селевиния уже при температуре +3—5 градусов легко погружается в кратковременную спячку, сходную с анабиозом. Любопытное и пока еще недостаточно изученное свойство замедления всех жизненных процессов, представляющее большую ценность для медицины.

И вот еще особенность: селевиния встречается только в северном Прибалхашье и в пустыне Бетпак-Дала. И более нигде. Но даже там она селится лишь на участках, поросших боялычем, и в солонцах среди кустиков солянки.

как в случае с селевинией, может быть клочок пустыни, маленький остров, склон хребта.

Много ли эндемиков на территории нашей страны? Около тридцати видов млекопитающих, двадцать шесть видов птиц, более десятка земноводных и пресмыкающихся обитают только у нас, и нигде более. Они достойны внимания не меньше, чем прославленные эндемики Австралии. Помимо своей научной ценности — это жители нашей земли, часто украшение ее, и от нас зависит, будут ли они процветать или мы по незнанию, сами того не желая, смахнем их с карты мира навсегда.

...По раскаленным барханам Каракумов быстро и плавно бежит какая-то взъерошенная птица. Ее «непричесанные» перья — словно наглядное пособие к теме: «Приспособление животных к среде обитания». Действительно, в жару растопыренные перья этой птицы (саксаульной сойки) защищают ее от перегрева, а зимой — от холода. В за-

росях саксаула она строит весьма оригинальные гнезда — с крышей из веток. Чем не примитивная хижина?

Там же в песках живет еще один наш южный эндемик — «змея о двух головах». Да, да, у песчаного удавчика что голова, что хвост — совершенно одинаковы по форме! Такого несусветного страшилища легко испугаться, хотя для человека он нисколько не опасен: удавчик не ядовитая змея. Одинаковая форма головы и хвоста, очевидно, благоприятствует скольжению по песку. Но верна ли эта гипотеза на самом деле — сказать трудно: удавчик не принадлежит к числу хорошо изученных животных. Жаль. Бьёт может, изучение двухголовости и связанного с этим способа передвижения подскажет какой-нибудь новый принцип движителя, наиболее пригодный для преодоления песков?

Закономерен вопрос: каким образом тот или иной вид становится «пленником» строго определенной и ограниченной в пространстве среды обитания? Кое-что станет понятно на примере такого эндемика наших пустынь, как жук-чернотелка «стендромус каспиус».

Насекомым очень трудно осваивать пустыню, так как южное горячее солнце способно высушить тело насекомого всего за несколько секунд! Но «природа не терпит пустоты». Да, условия существования в песчаной пустыне очень тяжелы для насекомого. Зато и соперников в добычании пищи мало! Так что есть резон завоевать необитаемую территорию. Но за это надо расплачиваться. И жук-чернотелка поплатился утратой способности к полету. Толстый сросшийся хитиновый покров такого жука, словно панцирь, защищает от чрезмерного испарения не только спину, но и нежные ткани брюшка. А с такой защитой уже не летаешь! И жук-чернотелка стал пленником своей среды обитания — он слишком хорошо к ней приспособился.

Обилие эндемиков в пустынях Средней Азии объясняется глубокой древностью этих песков, их обособленностью от «великого пояса» пустынь, который тянется от берегов Атлантики и практически до Инда. Сейчас, когда идет энергичное освоение безлюдных просторов Каракумов и Кызылкума, островки эндемизма сокращаются там, словно шагреньевая кожа. Ведь, повторяю, эндемики слишком хорошо приспособились к одной строго определенной среде! Гигантские оросительные каналы, подобно Каракумскому, изменяют ее, тесня животных. Видимо, уже сейчас надо думать о создании в будущем особых «реликтовых заповедников», где под охраной закона находились бы уникальные виды змей, насекомых и других существ.

То же самое явление, хотя и вызванное другими причинами, наблюдается в тысячах километров к северу — в междуречье Яны, Индигирки и низовьях Оби. Там живет одна из красивейших птиц мира: белый журавль, или стерх. Длинный красный клюв, красная маска вокруг глаз, черная фрачная полоса, образованная концами крыльев на общем белом фоне, — тот, кто видел стерха, говорит, что это незабываемое зрелище. Но видели его немногие: это очень осторожная птица, которая подпускает человека не ближе чем на триста метров.

По сведениям известного натуралиста Палласа, в XVIII веке стерх обитал на значительно больших территориях. Но, очевидно, потепление климата осушило часть тундровых озер и болот (любимых гнездовых стерха), и белый журавль стал ныне не

только редкостным, но и исчезающим эндемиком. Благороднейшая задача — не дать стерху исчезнуть с лица земли окончательно. Без него природа станет беднее и скучнее. Точно так же, как и без розовой чайки, красотой соперничающей со стерхом и обитающей примерно в тех же районах.

Меньше всего эндемиков в европейской части СССР. И дело тут не только в том, что здесь меньше осталось девственной природы. Тут в пору сказать об общебиологической природе эндемизма.

Многие из эндемиков — это осколки минувших эпох. Это представители той фауны (не обязательно очень древней), которая в прошлом имела подчас широчайшее распространение, но которая затем была подавлена, оттеснена новыми, более приспособленными формами жизни. Оттеснена в своеобразные природные крепости, где и сохранилась до наших дней.

Естественно, что там, где природных крепостей мало, там мало и эндемиков. Так, например, их мало в океане, ибо для океана, вообще для водной среды, характерны устойчивые, постепенно меняющиеся природные условия. Единственное исключение — Байкал. Этот осколок древних бассейнов уже многие миллионы лет отсечен горами от других водоемов, и поэтому эндемиков там почти столько же, сколько видов животных. Но это особый случай. Крупные водоемы, как правило, столь тесно связаны друг с другом, что для морских и озерных животных более характерно обитание на огромных территориях. Конечно, это не значит, что в океанах вовсе нет эндемизма. Естественный отбор работает и там; одни виды уступают место другим, более приспособленным; какие-то животные неизбежно превращаются в изгнанников. Но путей отступления здесь мало; как правило, выход один — уйти в глубину. Ярким тому примером является существо более древнее, чем динозавры, — это кистеперая рыба, латимерия, и по сей день живущая в глубинах у Коморских островов.

Столь древних, ничуть не изменившихся реликтов на суше нет — здесь условия меняются слишком часто и бурно. Зато природных крепостей здесь куда больше. Но не везде — на равнинах тоже господствуют сходные, плавно меняющиеся природные условия. И вот парадокс: на равнинах наиболее удобным убежищем для «отступающих» оказывается... вода. Это надежное укрытие для тех, кого условия естественного отбора вынудили стать эндемиком.

Об одном таком эндемике наших широт вы, вероятно, слышали. Это выхухоль. Когда-то этот зверек населял почти всю территорию Европы; теперь он сохранился только в бассейнах Волги, Дона, Урала и, возможно, Днепра.

К воде выхухоль приспособилась блестяще. Обтекаемое туловище, перепончатые лапы, ремнеобразный голый хвост — все это позволяет выхухоли за одну минуту проплывать тридцать метров. Интересно, что на дне водоема она прокладывает «мукусные тропинки», идущие от входа в нору. По этим «тропинкам» охотно движутся привлеченные запахом моллюски, личинки насекомых, пиявки, мелкая рыба — любимая пища выхухоли...

Полное исчезновение выхухоли может обернуться прямым экономическим убытком, так как обитание в воде придало ее меху исключительные свойства: всегда и при всех условиях в нем стойко сохраняется «воздушная подушка»; он не намокает;

ему присуща завидная прочность. Не удивительно, что в начале века добывалось более пятидесяти тысяч шкурок выхухоли ежегодно. Сейчас предпринимаются попытки по размножению и расселению выхухоли, что нельзя не признать своевременным: загрязнение водоемов сказывается на ней губительно.

Зоологи нашей страны проделали немалую работу по созданию условий, крайне благоприятно сказавшихся на численности таких животных, как соболь, лось, бобр. Точно так же надо поторопиться и с выхухолью.

Путешественники, посещавшие необитаемые районы, неизменно отмечали доверчивость птиц. Потом эта доверчивость быстро исчезала. Но не всегда! В дальневосточной тайге и по сей день живет эндемик — дикуша, которая не боится человека. В воспоминаниях В. К. Арсеньева есть место, где Дерсу знакомит его с повадками дикуши. Дерсу обстрелял длинную палку, сделал на конце петлю и легко поймал ею одну из птиц. Остальные лишь взлетели на нижнюю ветку ближайшего дерева! Сейчас дикуш, к сожалению, осталось очень мало. Но повадки свои она не изменила.

В дальневосточной тайге, в лесах побережья Охотского моря эндемиков немало. Но подлинными «заповедниками» эндемизма — это, конечно, горы. Издревле известен семиреченский лягушкозуб — земноводное, обитающее в горах Джунгарского Ала-Тау. Длинные гроздья икры лягушкозуба производят ошеломляющее впечатление. Они, словно ледяные сосульки, свисают с камней там, где поток ревет и бурлит, где он бьет их об острые камни. Такой способ прикрепления икры кажется самоубийственным. Но мудр инстинкт! Нежные икринки, заключенные в мешочек из прозрачной, но прочной слизи, нисколько не страдают от ударов. Но зато, на стремнине в воде больше всего кислорода и икринки лучше дышат. Впрочем, прославился лягушкозуб не этим: в прошлом из него делали лекарство от малярии.

В горах нашей Родины, да и всего земного шара, гораздо чаще встречаются эндемики совсем иного рода...

Окруженные ущельями пики высятся наподобие башен цитадели. Но для животных горы становятся крепостями не в переносном, а в буквальном значении этого слова. Резкая расчлененность рельефа, разнообразие температур, влажности, растительности образуют здесь прихотливую мозаику природных условий и воздвигают подчас непреодолимые барьеры. Откуда бы ни взялись переселенцы, сколь бы многочислен ни был вид, в горах он дробится, точно волна, хлынувшая на скалы. Изолированные «брызги» жизни неизбежно начинают меняться под влиянием разнотипных условий — каждая по-своему. Естественная радиация в горах, более сильная, чем на равнине, быстро расшатывает наследственность. Прежние формы жизни становятся пластичными — в горах более бурно идет образование новых видов.

Вот почему горы — это не столько «заповедник реликтов», как пустыня, тундра или тайга, сколько кузница новых форм жизни, важнейший, так сказать, испытательный полигон эволюции сухопутных животных...

Заманчиво было бы рассказать о тех редких и редчайших животных гор, которые являются провозвестниками фауны будущего. Но это невыполнимая задача, поскольку эволюция оперирует миллионлетиями и раньше времени явно не обнару-

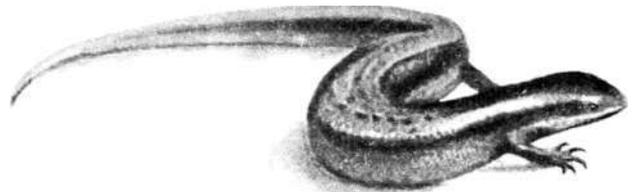
живает новых «лидеров». Потому я расскажу лишь о тех горных эндемиках, которые особенно поражали меня при встрече с ними.

Когда на альпийских горах Тянь-Шаня я впервые увидел серого аполлона, мне показалось, что это птица... До четырнадцати сантиметров размах крыльев! Сила этой бабочки столь велика, что она успешно борется даже со шквальным ветром, внезапно налетающим с ледников. Между прочим, суровость и переменчивость природных условий гор, видимо, способствует тому, что некоторые новообразующиеся виды, бывшие поначалу эндемиками, постепенно, как это не раз бывало в истории эволюции, распространяются на огромные территории. Они слишком хорошо закалились в горной «колыбели»!

Внимания достойна и темно-бронзовая ящерица — алайский гологлаз. Высокие горы противопоказаны пресмыкающимся, так как резкие перепады температур губительны для этих холоднокровных существ. Гологлаз — единственное пресмыкающееся больших высот. И что уж совсем необычно для пресмыкающихся, гологлаз — живородящее существо. Его детеныши, величиной в 3—4 сантиметра, сразу готовы к нелегкой жизни, в горах. Такое исключение из правил удивительно, хотя и объяснимо. «Нормальные» пресмыкающиеся кладут яйца и, как правило, даже не очень-то за ними присматривают (чаще совсем не присматривают). Этот способ размножения более или менее оправдан в ровном климате. Но не в горах с коротким и переменчивым летом. Некогда природа словно поставила перед гологлазом дилемму: надо было или отказаться от новой среды обитания, в которую его теснила обострившаяся борьба за существование (такой отказ скорей всего сулил гибель), или избавиться от важнейшей черты наследственности. Второй выход был бы сравнительно прост для молодых изменчивых форм жизни. Но пресмыкающиеся — очень древние существа, давно пережившие свой расцвет и уступившие первенство млекопитающим, именно потому, что они заостренились в своем развитии. И все же в гологлазе «любовь к жизни» победила консерватизм древней наследственности.

Подобные проявления пластичности сложных форм жизни наводят на мысль, что однажды начавшаяся эволюция может успешно действовать даже в условиях, с нашей земной точки зрения для этого совершенно неподходящих. В условиях Марса, например...

Первоисточник всех наших знаний о живой природе — сегодняшних, завтрашних и послезавтрашних — сама живая природа. В каждом виде, словно в библиотечных томах, записаны, верней зашифрованы, сведения, многие из которых нам пока недоступны. Есть виды многочисленные и распространенные — утеря этих «томов» нам пока не грозит. Но исчезновение любого эндемика — это уже ничем не восполнимый пробел. Лишившись того или иного вида, мы, быть может, лишаемся именно тех сведений о природе, которых мы больше нигде не найдем, сколь бы важными они ни были.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ЛЕТИТ

Из книги воспоминаний

Трепет приближения новой крылатой эры ощущался еще до того, как петербуржцы впервые увидели полет человека. В витринах магазинов, в писчебумажных лавчонках начали появляться открытки, изображающие полеты первых аэропланов за границей. В газетах замелькали имена авиаторов и изобретателей, теоретиков и практиков полета. Появились портреты интеллигентного француза в котелке — это был инженер Луи Блерио. Два американца смотрели на меня со страниц «Огонька» и других иллюстрированных журна-

лов: Вильбур Райт походил на типичного пресвитерианского пастора — сухое лицо фанатика, впитавшее в себя даже что-то от индейцев, какими мы их представляли себе по Куперу и Майн Риду; Орвиль был совершенно непохож на брата: черноусый южанин — не то француз, не то итальянец.

Прославился маленький бразилец Сантос-Дюмон, построивший во Франции аэроплан-лилипутик, способный подняться в воздух только своего, весящего чуть ли не сорок кило, строителя: смелый конструктор сидел на этой «Демуазелль» («Стрекозе») у самой земли, между колесами хрупкого шасси. Журналы веселились: «первую вспышку в цилиндрах своего доморощенного мотора Сантос будто бы вызывал, поднося к нему тлеющий фитиль, привязанный к каблуку собственного ботинка». Впрочем, не верить было трудно: еще один француз, сотрудник Вуазенов и Фарманов, художник — кто только не шел в авиацию! — Делегранж сам писал по поводу одной из своих машин, что отдельные части в ней держались только «логикой размышления».

В эти первые годы газеты еще ничего не писали о русских летчиках, и я ничего не слышал ни о Ефимове, ни о Попове, ни о Рудневе или Мациевиче. Но я уже всюду ловил брошюры и книжки, посвященные летному делу, знал наизусть и статьи Вейгелина и переводные писания капитана Фербера. Немцы умели рекламировать свое: их «цепелины» наводнили рынок открыток; отовсюду смотрели на вас сигарообразные тела огромных воздушных кораблей, и рядом с ними до предела немецкое, седоусое и седоволосое розовое лицо самого графа Цепелина, которого так легко было спутать на плохих клише не то с Бисмарком, не то с Мольтке, с любым из «великих немцев» прусского периода Германии.

Среди других имен дошло до меня и имя Губерта (то есть Юбера) Латама. Про него писали: аристократ, прославленный охотник на львов, увлекся авиацией, связался с фирмой Левавассер, строящей монопланы «Антуанетт», и вот теперь ставит рекорд за рекордом.

Горбоносый шуплый француз в пестром плоском «кепи» — тогда они впервые появились у нас, эти будущие самые обыкновенные кепки, и я не отстал от матери, пока мне не купили такую «авиаторскую фуражку», — пленил мое сердце, стал почему-то моим фаворитом (ну, как же! Охотник на львов!). И когда я увидел где-то на городской стене первую афишу, извещающую петербуржцев, что на Комендантском Скаковом поле 21 апреля сего 1910 года в 11 часов утра знаменитый французский авиатор Губерт Латам продемонстрирует желающим свое удивительное и героическое искусство, всем окружающим стало сразу же ясно, что удерживать меня нельзя. Не пустить меня на этот полет значило бы буквально убить меня. Пустить же — означало поехать туда со мной: по всем признакам, дело пахло сенсацией, и позволить десятилетнему толстому мальчишке-школьнику отправиться одному туда, где может собраться невеста сколько народа, мама никогда не рискнула бы.

И вот свершилось. Было заранее известно: полет состоится только при ясной погоде. Я дрожал всю ночь, проснулся чуть ли не до солнечного восхода. День — весенний день, радостный, чистый — выдался лучше не надо.

Мы ехали со своей Выборгской по Каменноостровскому, но я ничего не запомнил из этой поездки

ки, кроме одного: у Строганова моста были — я знал об этом — водружены высокие разубранные мачты: если полет состоится, на них должны быть подняты флаги; нет — флаги будут приспущены. Почему? Мало ли, например — из-за ветра.

Чуть живой от волнения, я вылетел пулей на переднюю площадку вагона: флаги на обеих мачтах слегка полоскали в легком ветерке, а по мосту в сторону Новой Деревни текла никогда еще мною не виданная до этого дня толпа.

Поразительно, как глубоко в память врезаются, какими не вытравимыми ничем последующим бывают детские впечатления. Сколько бы я ни прожил, никогда не забуду этого дня. Не забуду светлого весеннего солнца над бесконечно широким и зеленым Скаковым полем, не забуду высоких, многоярусных, увенчанных веселыми флагами, кипящих морем голов трибун на юго-западном краю поля и мальчишек (да и взрослых людей), гроздьями повисших на еще не одетых листом березах за забором. Не забуду меди нескольких оркестров, вразнобой игравших тут «На сопках Маньчжурии», там «Кекуок», в третьем месте «Варга» или «Осенний сад», и краснолицых капельмейстеров в офицерских шинелях, управлявших этими оркестрами... И синей каймы деревьев Удельнинского парка на северо-восточной границе поля, идомишек деревни Коломяги еще дальше и левее. И прежде всего, главное всего, маленького светло-желтого, кремового цвета самолетика, окруженного горсточкой хлопотливо возящихся с ним человечков, да на некотором расстоянии зеленовато-серых солдат, оцепивших его редким кольцом.

Самолет стоял прямо перед нами, но довольно далеко; только в мамин бинокль можно было видеть, как ползают под ним и по нему черненькие фигурки, как кто-то садится, как в ванночку, в его пилотскую «гондолу», что-то делает в ней: крутит колесико штурвала, укрепленное на левом борту, опять выскакивает, опять садится... Время от времени одна из фигурок подходила к пропеллеру, поблескивающему на носу полотняной воздушной лодочки. Пропеллер (слово «винт» тогда никем не употреблялось, я и не знал его) вздрагивал, судорожно раскачивался, сливался вдруг в прозрачный круг и снова останавливался, делая два-три таких же спазматических движения, — как маятник, качающийся с упором, с надсадом... Над машиной поднималось легкое облачко сизоватого дыма, до нас доносился запах — странный, пресный, не поймешь, то ли тошный, то ли чем-то очень приятный — запах горелого касторового масла. Вокруг, принявшись, морщили носы дамы в огромных шляпах, почтенные люди в котелках и в офицерских фуражках пожимали плечами: «Н-да-с, душок... Крылатые люди-то и припахивают какой-то сатанинской гарью! Ну, что же, полетит он или не полетит?»

И вероятно, только в носках таких XX века мальчишек, как я, этот сладко-пресный касторочный смрад отлагался уже нотой будущих воспоминаний: стоит только мне услышать или произнести слово «авиация», и запах этот и теперь возникает во мне, неотразимый и неотвратимый, притягательный, тревожный. Запах марсианского мира техники, каким он явился мне тогда, в тот незабвенный день моего детства.

Прошел полдень. Заполненные до отказа трибуны гудели, как целая пасака титанических ульев. Раз-

носчики лимонада, булочки с корзинами, поскрипывающими за плечом или без всякой поддержки в волшебном равновесии установленными на специальных кожаных бубликообразных подушечках на головах, поверх картузов, торговцы мелким кондитерским товаром собирали обильный урожай. Мама скормила нам с братом невзвест сколько шоколадок «Гала-Петер»; несколько раз она уже порывалась сказать: «Ну, дети, довольно», но, посмотрев на меня, замолкала.

Да, надо сказать, трибуны и не пусты. Может быть, кто-то уходил, но появлялись новые. Шумела, посвистывала, изошрялась в добродушных насмешках та публика, на заборах и деревьях... Где-то сломился сук, где-то затрещал забор. Туда рысью пробежал околоточный с несколькими городовыми: «Вот эти уже полетели. Гляди: разбег берут!»

А уйти было и немислимо, потому что желтая полотняная птичка «Антуанетт» (это был очень неудачный по конструкции, но очень изящного очертания аэроплан, похожий в полете — у меня было несколько цветных открыток с ним — на какого-то птеродактиля, с остроугольными, причудливой формы крыльями и хвостовым оперением), эта птичка не оставалась ни минуты спокойной.

Два или три раза Латам в своей «фирменной» мягкой шахматной кепке садился на пилотское место, давал газ... Под нарастающий гул трибун «птеродактиль» все быстрее и быстрее пускался бежать туда, к Коломьягам... Вот сейчас, вот чуть-чуть...

Стоп. Покачиваясь, машина (эти полотняные штучки трудно было и тогда назвать машинами, а уж особенно с нашим теперешним представлением о машинах) останавливалась. Солдаты, стоявшие у начала пробега в таких позах, что, казалось, каждый из них сам готов был взлететь, кто впробежку, кто с лентой, шли туда, где она замерла; ее разворачивали, волокли обратно, и было видно, как сам Латам и французы-механики сначала болели душой за свой «аппарат» и как потом они уверились, что руки русских людей, хоть тебе рассолдат-солдат, могут и не такую вещь доставить куда угодно в полной нерушимости. Уже спокойно, не вмешиваясь, они шли по траве за своей «Антуанетт». И опять все началось заново... До позднего вечера «Антуанетт» все фыркала, облачка дыма все голубели, а бесчисленное множество народа — от студентов до подмастерьев, от светских дам до беловшеек — ворчал, поругивалось, острило над французом, над самим собой, над авиацией и техникой, вспоминало, кто пограмотней, горбуновское пресловутое «от хорошей жизни не полетишь» и не расходилось.

И вот солнце пошло к закату. В Удельнинском парке под его лучами выделились красные стволы сосен. Налево, к Лахте, над травой болот начал тянуться чуть заметный туманчик. И вдруг желтый беспомощный аэроплан заревел по-новому, мужественным, решительным рычанием. Как и во все предыдущие разы, он, подпрыгивая на неровностях почвы, побежал туда, на запад, в сторону заката. Дальше, дальше... И между его колесиками и травой образовался узенький зазор, он расширился, под машиной открылись холмы у Коломьяг... Единый вздох вырвался у нас всех: «Летит, батюшки, летит!», «Ма шэр, иль воль, иль воль, донк!», «Мама, мама, ну смотри же, полетел!»

Это продолжалось считанные секунды, не боль-

ше одной или двух минут. Силы природы возобладали над силами человеческого гения; возобладали пока что. Латам поднялся не знаю на какую высоту — может быть, метров на двадцать, пролетел наверняка не более ста или полутора сот метров (что я, метров! Саженой, конечно, какие же тогда метры) и вдруг, потеряв летучесть, но не присутствие духа, «планирующим спуском» (я-то ведь все это знал!) вернулся на землю. И как вам кажется, что тогда случилось?

Само поле было отделено от трибун и от ворот традиционной в те времена препоной: бело-красно-черным, как на караулах XIX века, как на Марсовом поле, шнуром, канатом, натянутым на такие же полосатенькие короткие столбики, за которыми похаживали взад-вперед в черных шинелях хорошо кормленные усатые городовые.

И вот в один миг ничего этого не стало: ни ограждения, ни городовых. Десятки тысяч людей с ревом неистового восторга, смяв всякую охрану, неслись по влажной весенней траве, захватив в свою воплящую, рукоплещущую массу и солдат стартовой команды, и горстку французов, и русских членов аэроклуба, и разнаряженных дам, и карманных воршишек, чистивших весь день кошельки у публики, и филеров, и разносчиков съестного, — туда, где торопливо, видя это приближение и еще не понимая, к чему оно, то выскакивал на крыло, то вновь вжимался в свою маленькую ванночку сам мосье Юбер Латам.

Я был тогда в общем довольно законопослушным мальчишкой; от меня не приходилось ожидать существенных нарушений установленного «от меня далеко не отходить!». Но тут все правила упразднились на корню. Я верещал несусветное и мчался вместе с другим сверстниками — самыми разными: и гимназистами, и учениками городских училищ, и «вовсе поулочными мальчишками», — опережая взрослых тяжеловесов. И мне до сих пор непонятно (может быть, теперь уже и понятно, я же тоже был отцом), как мама моя, женщина много выше среднего роста, настоящая «дама», с отличной фигурой, но скорее полная, чем худая, в тогдашней безмерно длинной юбке, с тогдашней шляпой, укрепленной на ее белокурой голове длиннейшими булавками, — как она, влача за ручку брата моего Всеволода, dospела до самолета почти одновременно со мной. Я все-таки считаю, что один материнский инстинкт не дал бы такого спортивного эффекта; проявилась и ее страстная любовь ко всему новому, невиданному...

Конечно, хотя мы, мальчишки, финишировали первыми — и я впервые увидел совсем близко от себя горбоносый профиль маленького Латама, растерянную, не без примеси страха, улыбку на его лице, — взрослые, пыхтя догнавшие нас, отнесли нас от авиатора. Они подхватили его на руки. Качать тогда не было принято, а то бы плохо ему пришлось; но вот нести на руках — это полагалось. Латама понесли на руках, и мы были бы безутешны, если бы студентам — политехникам, технологам, лесникам, военно-медицинским, да даже и голубым околышам — универсантам — не пришла в голову блестящая идея: нести на руках «и аэроплан». И тут я восторжествовал. Я так ухватился за изогнутый, светло-желтого дерева, напоминающий хок-

¹ Курьезно, что Латам, не додержавшись в воздухе 40 секунд до 2 минут, по контракту утратил право на признание полета состоявшимся и ничего за него не получил от аэроклуба.

кеиную клюшку костыль машины, что если все сто тысяч народа начали бы оттаскивать меня от нее, оборвались бы либо мои руки, либо хвостовое оперение «Антуанетт»...

Налево был, вылепленный темными вечерними массивами, как на одной из картин Левитана, лес, Удельнинский парк. Направо — пустые трибуны. Впереди, как победителя-спартанца на составленных в «черепашку» щитах, несли на плечах не совсем понимающего, за что ему такая честь в этот не вполне удачный день, львиного охотника. Сзади неспешно двигался аэроплан. Вокруг юлили чернявые французы-механики, но опять-таки они скоро махнули на все рукой. И я, счастливый, гордый толстый мальчишка, крепко держался за свой отвоенный костыль.

...Все развитие авиации потом прошло у меня на глазах. Я видел, как Ефимов ставил рекорды высоты и продолжительности полета. Я видел, как улетал в свой победный перелет Петербург — Москва Васильев. Много-много лет спустя я имел радость присутствовать при отлете в бесконечно длинный рейд одного из последних «цеппелинов» с Гуго Экснером в качестве командира. Я стоял в толпе, когда к Северному полюсу отправлялась в первый свой рейс экспедиция Амундсен — Нобиле и изящная «Норвегия», старшая сестра злополучной «Италии», разворачивалась в ленинградском небе.

Но никогда я не испытывал такой полноты счастья, такой гордости за человека, как в тот незабываемый день, когда Юбер Латам подпрыгнул на десяток метров над свежей травой поля за Новой Деревней и, пролетев сотни три шагов, снова опустился на траву.

Я счастлив, что через полвека после этого мне довелось испытать еще один такой же душевный толчок, когда на экране телевизора по красной ковровой дорожке к трибуне правительства шел совершенно неправдоподобным по четкости шагам неправдоподобно обаятельный, совсем юный офицер, и в комнате, где стоял телевизор, было слышно только, как, задыхаясь, стараются мужчины не всхлипать и уподобляться в голос ревущим от счастья и умиления, от гордости и восторга женщинам. Это было 14 апреля 1961 года.

На том же самом Скаковом поле, кажется, уже успевшем превратиться в Комендантский аэродром, был еще один вечер, которого не забудешь, теплый вечер осени 1910 года.

Шел «праздник авиации»; не в пример первым «авиационным неделям» его участниками были по преимуществу русские, отлично летавшие пилоты: военные и штатские. Михаил Ефимов, про которого летчики долго говорили, что «Миша Ефимов может и на письменном столе летать»; Попов — почему-то крепко державшийся за довольно неудачный и устарелый самолет братьев Райт (его запускали в воздух без колесного шасси, на своеобразных полозьях и при помощи примитивной катапульты); двое моряков — капитан Лев Макарович Мациевич и лейтенант или капитан-лейтенант Болеслав (кажется, так) Матеевич-Матеевич... Были и другие.

Мне было уже почти 11 лет; я ходил на «праздник» сам, не пропуская ни одного дня, и все с тем же энтузиазмом «нюхал свою касторку».

В тот тихий вечер летало несколько авиаторов; даже незадачливый поручик Горшков и тот под-

нялся несколько раз в воздух. Но героем дня был Лев Мациевич, ставший вообще за последнюю неделю любимцем публики.

Лев Макарович Мациевич летал на «фармане-IV», удивительном сооружении, состоявшем из двух скрепленных между собою тончайшими вертикальными стойками желтых перкалевых плоскостей: в полете они просвечивали, были видны их щупленькие «нервиюры» — ребрышки, как у бочков хорошо проявленной воблы. Между стойками по диагонали были натянуты многочисленные проволочные растяжки. Сзади за плоскостями, на очень жидкой ферме квадратного сечения, на ее конце были два горизонтальных киля и между ними два руля направления; руль высоты был вынесен далеко вперед на четырех сходящихся этаким крышей тонюсеньких кронштейнах — длинный, узкий прямоугольник, такой же транспарантный в полете, как и сами плоскости этой «этажерки».

Внизу имелось шасси, четыре стойки, поддерживающие две пары маленьких пневматических колес, между которыми, соединяя их со стойками, проходили изогнутые лыжи. Это все также было опутано многочисленными стальными расчалками.

На нижней плоскости, у самого ее переднего края (ни про какое «ребро атаки» мы тогда и не слыживали), было наложено плоское сиденье-седельце. Пилот садился на него, берясь рукой за рычаг горизонтального руля, похожий на ручку тормоза у современных троллейбусов или на рукоять перемены скоростей в старых машинах. Ноги он ставил на решетчатую подножку уже за пределами самолета, вне и ниже плоскости, на которой сидел: ногами он, так сказать, «педипулировал», двигая вертикальные рули, рули поворота. Снизу было страшно смотреть на маленькую фигурку, сидящую так, на краю холщовой, прозрачной поверхности, с ногами, спущенными в пространство, туда, где уже ничего не было, кроме незримого, подвижного, возмущаемого и ветром и поступательным движением аэроплана воздуха. В тридцатых годах я некоторое время занимался планеризмом: очень живо вспомнил я тогда героев, летавших на «фарманах»...

Мотор, пятидесяти- или стосильный звездообразный «Гном», бешено вращавшийся на ходу вместе с укрепленным на его валу пропеллером, был расположен у летчика за спиной. «Фарманисты» хвалили это расположение: перегоревшее масло с цилиндров летело в струе воздуха назад, а не плевалось пилоту в лицо, как было на монопланах «блерио». Но была, как выяснилось, в этой установке мотора сзади, как бы в клетке из тонких проволочных тросиков, натянутых тендерами, и большая коварная слабина.

Я уже сказал: в тот день Мациевич был в ударе. Он много летал один, ходил и на продолжительность и на высоту полета, вызволил каких-то почтенных людей в качестве пассажиров...

Летный день затянулся, и я, разумеется, все сидел и сидел на аэродроме, стараясь, как метеоролог, вернее, как пушкинский «рыбак и земледель», по никому из непосвященных не понятным приметам угадать — уже конец или будет еще что-нибудь...

Мотор мациевического «фармана» вновь заревел баском, уже когда солнце почти коснулось земли. Почерк этого пилота отличался от всех — он летал спокойно, уверенно, без каких-нибудь фокусов, «как по земле ехал». Машина его пошла на то, что в те времена считалось «высотой» — ведь тогда даже

среди авиаторов еще жило неразумное, инстинктивное представление, что чем ближе самолет к земле, тем меньше опасности; так, вероятно, — держи ближе к берегу — понимали искусство навигации древние мореплаватели.

«Фарман» то, загораясь бликами низкого солнца, гудел над Выборгской, то, становясь черным просвечивающим силуэтом, проектировался на чистом закате, на фоне розовых вечерних облачков над заливом. И внезапно, когда он был, вероятно, в полуверсте от земли, с ним что-то произошло...

Потом говорили, будто, переутомленный за день полета, Мациевич слишком рано откинулся спиной на скрещении от расчалок непосредственно за его сиденьем. Говорили, что просто один из проволочных тросов оказался с внутренней раковины, что «металл устал»... Через несколько дней по городу поползли — люди всегда люди! — и вовсе фантастические слухи: Лев Мациевич был-де втайне членом партии эсеров; с ним должен был в ближайшие дни лететь не кто иной, как граф Сергей Юльевич Витте; ЦК эсеров приказал капитану Мациевичу, жертвуя собой, вызвать катастрофу и погубить графа, а он, за последние годы разочаровавшись в идеях террора, решил уйти от исполнения приказа, решил покончить с собой накануне намеченного дня...

Вероятно, то простое объяснение, которое восходило к законам сопротивления материала, было наиболее правильным.

Одна из расчалок лопнула, и конец ее попал в работающий винт. Он разлетелся вдребезги; мотор был сорван с места. «Фарман» резко клюнул носом, и ничем не закрепленный на своем сиденье пилот выпал из машины...

На летном поле к этому времени было уже не так много зрителей; и все-таки полувздох, полувопль, вырвавшийся у них, был страшен... Я стоял у самого барьера и так, что для меня все произошло почти прямо на фоне солнца. Черный силуэт вдруг распался на несколько частей. Стремительно чиркнул в них тяжелый мотор, почти так же молниеносно, ужасно размахивая руками, пронеслась к земле чернильная человеческая фигурка... Исковерканный самолет, складываясь по пути, падал то «листом бумаги», то «штопором» гораздо медленнее, а еще отстав от него, совсем наверху какой-то непонятный маленький клочок, крутясь и кувыряясь, продолжал свое падение уже тогда, когда все остальное было на земле.

На этот раз солдаты аэродромной службы и полиция опередили, конечно, остальных. Туда, где упало тело летчика, бежали медики с носилками, скакала двуколка Красного Креста.

Поразительно, как по-разному заставляет действовать людей их подсознание. Где-то рядом со мной бежал в тот вечер к страшному месту мой будущий одноклассник, а в еще более отдаленном будущем инженер-авиастроитель Боря Янчевский. Он кинулся — уже тогда — не к месту, куда упал человек, а туда, где лежал, еще вздрагивая и потрескивая, разрушенный самолет. Оборванный толчком, тут же на траве валялся кусок проволоки, точнее — два куска проволоки, стянутых винтом — тендером. Никто не интересовался такой чепухой. Одиннадцатилетний мальчуган подобрал эту проволоку и эту двойную винтовую муфточку — тендер. Как-то, в тридцатых годах, он показал мне свою замечательную коллекцию — много десятков, если не сотен всевозможных тендеров; первым среди них

был тендер от «фармана» Мациевича. Такой коллекции не было больше ни у кого в стране, и какие-то конструкторские организации засылали к Б. А. Янчевскому своих доверенных с предложениями уступить им его собрание — нужное им до зарезу. Видимо, уже в то время, когда гимназист Янчевский представления не имел, что выйдет из него четверть века спустя, было, жило в нем что-то, что уже отлично предвидело его будущий путь, его интересы, дело его жизни... Он и должен был стать инженером.

А мне — по-моему, это тоже ясно, — как я тогда ни увлекался авиацией, паровозами, техникой, с каким упоением ни читал книги Рынина, Рюмина, Перельмана, мне всем душевным строем моим был предназначен другой путь (я тоже еще не подозревал об этом).

Звал даже не подошел к остаткам самолета. Подавленный до предела, совершенно не понимая, что же теперь будет и как надо себя вести — это была вообще первая в моей жизни смерть! — стоял я над неглубокой ямкой, выбитой посреди сырой равнины поля ударившимся о землю человеческим телом, пока кто-то из взрослых, видя мое лицо, не сказал сердито, что детям тут делать нечего.

Еле волоча ноги, я ушел. Но, видно, мне «было что тут делать», я тоже унес с собой и сохранил навсегда запах растоптанных множеством ног трав, мирный свет очень красного в тот день заката и рычание мотора в одном из ангаров, который, не смотря ни на что, гонял кто-то из механиков, и ту вечную память о первом героически погибшем на моих глазах человеке, что позволила мне сейчас написать эти строки...

Льва Макаровича хоронили торжественно. Я поднял весь свой класс, мы собрали деньги на венок, ездили к Эмилию Цинделю под «Пассажем» покупать его и возложили на еле видный из-под груды цветов гроб в морской церкви Спиридония в Адмиралтействе. Девочки — я учился в совместном училище — плакали, я, хоть и трудно мне было, крепился.

Но потом мама, видя, должно быть, что мне все-таки очень нелегко, взяла и повела меня на какое-то то ли собрание, то ли утренник памяти погибшего Героя, «Первой Жертвы Русской Авиации» — так неточно и нечисто писали о нем журналисты, как если бы «Русская Авиация» была чем-то вроде разъяренной тигрицы или землетрясения, побивающего свои жертвы.

Все было бы ничего, и я, вероятно, чинно высидел бы и речи, и некрологи, и музыкальное сопровождение. Но устройте нам пришло в голову начать церемониал гражданской панихиды с траурного марша, а музыканты вместо обычного, хорошо мне знакомого, так сказать, примелькавшегося Шопеновского марша вдруг обрушили на зал могучие, гордые и бесконечно трагические вступительные аккорды Бетховена. «Марчиа Фунебра, сулла морте д'ун эроэ...»

И вот этого я не вытерпел. Меня увели домой.

Ах, какая гениальная вещь этот бетховенский марш, как я всю жизнь слышу его при каждой высокой смерти и как всегда его звуки уничтожают все перед моими глазами и открывают Коломажское поле, лес на горизонте, низкое солнце и листом бумаги падающий к земле самолет...

А застал своего друга, Янека Дрогожа, известного специалиста по тропическому земледелию, в плачевном состоянии. Он сидел за столом небритый, мрачный. На складном стуле лежал карабин, на полу валялись высыпавшиеся из коробок патроны.

Чтобы навестить Янека, который руководил работами на недавно заложённой плантации капоковых деревьев, я проехал чуть ли не тысячу километров через джунгли и саванну. Не ожидал я такой встречи и теперь почувствовал тревогу. Дрогож, всегда веселый и добродушный, хлебосол и остро слов, в ответ на мое приветствие издал несколько нечленораздельных звуков.

— Малярия? — спросил я его сочувственно.

Дрогож уставился на меня воспалёнными глазами. Потом вскочил, зловеще рассмеялся и простонал:

— О боже! Нет у меня ни малярии, ни лихорадки! Я абсолютно здоров! Просто осточертело мне все! Хочу домой, в Польшу! Осточертело! Я не могу больше видеть этой Африки, этой плантации и этих обезьян! Понимаешь?! Обезьян... Обезьян... павианов!

— Янек, опомнись, дружище! — сказал я по возможности спокойнее.

Янек хотел было что-то ответить, но только махнул рукой и тяжело вздохнул. Потом встал, нахлобучил шлем, зачихнул в карман две коробки патронов, взял карабин и сказал:

— Пошли.

Мы вышли из дома, пересекли широкий двор и двинулись через плантацию. Я смотрел с восхищением на ровные ряды саженцев капоковых деревьев, перемежающихся рядами сочной кукурузы, и не мог удержаться от похвал в адрес моего друга.

Вдруг он резко остановился и вытянул руку.

— Смотри!

Я повернул голову — и глазам своим не поверил: неужто этот огромный «полигон для танковых учений» был когда-то ухоженной плантацией? Повсюду валялись вырванные с корнями, поломанные и растерзанные побеги кукурузы, а саженцы капоки напоминали жалкие культипки.

— Буря? — догадался я.

КАМИЛЬ ГИЖИЦКИЙ,
польский писатель

ОБОРОТЕНЬ

— Это работа павианов! — В голосе Янека явственно слышались трагические ноты. — И все это только малая толика того, что вытворяют здесь эти собачьеголовые бестии. Они появились на плантации всего два месяца назад, так что еще через полгода они не оставят здесь вообще ни стебелька!

— Но ведь у тебя, если мне не изменяет память, есть неплохой карабин?

— Карабин?.. А что от него толку?! Ты все еще ничего не понимаешь... Это не просто обезьяны, а хорошо организованная банда грабителей! Они плюют на мой карабин, на рабочих плантации, на все ловушки и западни, которые устанавливают самые

опытные охотники. Сорок рабочих, попавших в лапы павианов, стали калеками, девятнадцать тяжелораненых лежат в больнице...

— Взгляни вон на те сикоморы! — он ткнул рукой в сторону высоких, развесистых деревьев вдали. — Обезьяны устроили на них наблюдательные пункты. Увидев человека, они начинают истошно вопить. При первом сигнале тревоги стадо молниеносно убирается с плантации, сметая все на своем пути... Обезьяны следят за мной днем и ночью, знают о каждом моем шаге, они читают мои мысли...

— Друг мой, ты переутомился, и тебе в голову лезет всякая чертовщина! — мягко прервал я его.

— Я тебе еще не успел сказать,

что к этой банде присоединяются другие стада павианов. Теперь это целая орда! Предводительствует у них старый опытный самец, дьявольски хитрая и зловредная бес-тия.

На другой день я убедился в правоте слов моего друга: обезьяны-наблюдатели следили с сикомор за каждым движением человека, появившегося на плантации, и криками предупреждали об опасности своих собратьев, обжираться кукурузой. Если я выносил из дома карабин, наблюдатели исчезали, прежде чем я приблизился на опасное для них расстояние, если же я был не вооружен, они подпускали меня довольно близко. При первых же признаках опасности обезьяны выбегали из зарослей кукурузы и сбивались в одну кучу. Отступающую колонну возглавляли самки с детенышами, за ними бежала вприпрыжку молодежь, потом шли молодые пары, а замыкали шестые матерые самцы. И если одна из обезьян попадала в беду, ближайшие мгновенно спешили ей на выручку и пронзительными криками отгоняли врага. Когда же это не помогало, пускали в ход клыки и когти.

Вечером мы устроили на веранде большой совет. Положение было действительно безнадежное. Плантация как таковая фактически не существовала. Рабочие уходили: кому охота быть растерзанным обезьянами?! Необходимо было что-то срочно придумать...

Утром мы собрали оставшихся рабочих, вооружили их досками, толстыми колыями, молотками, гвоздями и все вместе отправились к небольшому холму в дальнем углу плантации. Вершина холма отлично просматривалась в бинокль с веранды дома Дрогожа и с павианьих постов на сикоморах. Рабочие соорудили на вершине круглую хижину, точно такую, как хижины местных жите-

лей, разве что поменьше да стены ее не были обмазаны глиной. Пол и потолок сделали из толстых досок, плотно пригнанных друг к другу. Крышу покрыли пальмовыми листьями.

Вскоре на ветвях ближайшей сикоморы появилось десятка полтора обезьян. Они следили за нами с любопытством и тревогой. За час до захода солнца домик был готов. В него внесли огромную кисть бананов и две корзины ароматных апельсинов и ананасов. Плоды сложили на полу посредине. Потом один из африканцев долго колдовал над дверью домика.

На рассвете, вооружившись биноклями, мы с Янеком уселись на веранде дома. Около девяти часов на сикоморах появились первые наблюдатели. А полчаса спустя заняли свои посты и наблюдатели на дереве, растущем у самого подножия холма.

В полдень на вершину холма взобрался павиан-разведчик. Осторожно приблизился он к домику и несколько раз обошел его, держась на безопасном расстоянии. Убедившись, что в хижине никого нет, павиан подкрался к двери и заглянул внутрь.

Вскоре показался второй разведчик, за ним третий, четвертый. Они тоже обошли хижину, некоторые стали даже просовывать руки между колыями, стараясь достать плоды. Дотянуться до них они так и не смогли и уселись перед дверью — очевидно, посовещаться.

Через некоторое время весь холм покрылся обезьянами. Павианы пытались вырвать или перегрызть колья, но ни один не решился воспользоваться дверью. То же самое произошло и в последующие два дня.

Четвертый день (начался, как обычно. Наблюдатели заняли посты на сикоморах, у домика появились обезьяны. Это были очень крупные самцы. Они медленно, с

достоинством обошли домик, еще раз попробовали силу своих мускулов на колыях и уселись напротив двери. Живо жестикулируя, стали держать совет.

Я с любопытством наблюдал в бинокль за обезьянами, как вдруг раздался взволнованный крик Дрогожа:

— Сто тысяч крокодилов!.. Ведь это он... он... Дьявол в образе обезьяны!

Я обернулся к Янеку, а он, не отрывая глаз от бинокля, дрожащим от волнения голосом быстро заговорил:

— Смотри, смотри! Видишь того огромного павиана с гривой?! Это он... Это предводитель банды! Я узнал его! Дай мне скорее карабин!

Я успокоил его и объяснил, что расстояние слишком велико, а гром выстрела только испугнет обезьян и вдребезги разобьет наши планы.

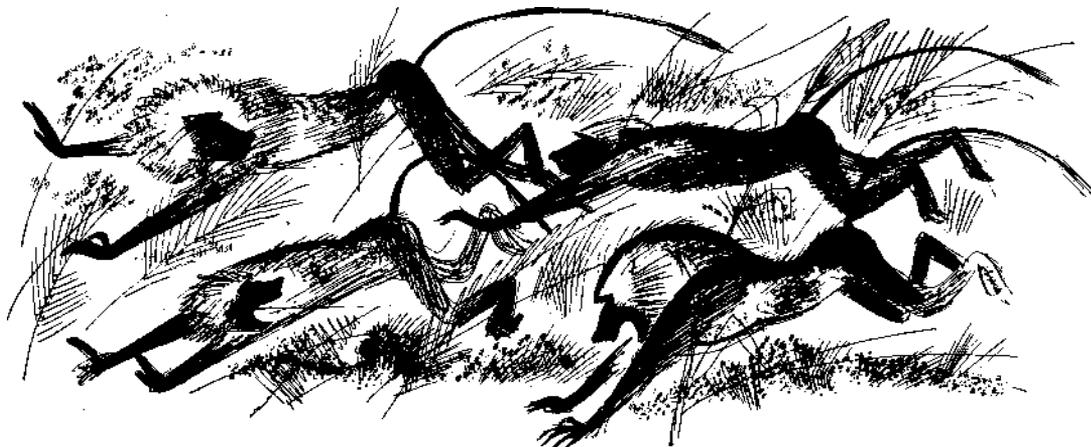
Между тем обезьяны продолжали совещаться. Самцы убеждали в чем-то своего предводителя: подсакивали к нему, размахивали лапами, некоторые даже рычали, скаля клыки. Вожак отмахивался от них, а наиболее надоедливых дупил по морде.

Неожиданно обезьяны смолкли и вытянули шеи. Старый самец встал на задние лапы, передними ухватился за дверной косяк и перешагнул через порог хижины. Обезьяны замерли. И вдруг, раздирая воздух истощенными воплями, они подпрыгнули, словно сработали стальные пружины, и в панике умчались с холма.

Мы окружили домик. На сей раз западня не подвела. Когда обезьяна потянула кисть бананов, пришел в движение хитроумный рычаг, и тяжелая дверь соскользнула по пазам вниз.

Старый разбойник бесновался. Он орал ужасным голосом, кидался на стены, грыз колья зубами. Мне показалось, что в приступе

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ярости он сейчас разнесет хижину.

Но африканцы не теряли времени даром. Скоро руки предводителя были приперты раздвоенными на концах палками, а затем привязаны к колям. Потом один из столбиков вырезали, и, когда бандит просунул голову в образовавшееся отверстие, старый опытный охотник умелым броском накиннул петлю на его челюсти.

Тут пришла очередь Дрогоя. Он откупорил большую банку яр-

время своих странствий по саванне павианы видывали немало удивительных созданий, но никогда им еще не приходилось встречать зверя, который так точно подражал бы их жестам, так великолепно имитировал их крики и у которого была бы такая ярко-красная морда, блестящая на солнце, как зеркало. Оцепенев от страха, обезьяны усталились на зверя. Но по мере того как он приближался к стае, их стала ох-

ко-красного лака и покрыл им длинную собачью морду предводителя. Когда лак высох, мы подняли вверх дверь хижины и перерезали веревки, которыми был связан пленник. На какую-то долю секунды павиан задержался в дверях, оскалил клыки, подпрыгнул и в несколько огромных прыжков преодолел расстояние между домиком и зарослями кукурузы. Его возмущенные вопли были слышны еще долго.

Зов старого главари обезьяны встретили радостным воплем и бросились ему навстречу. Они выбежали на широкую поляну, где обычно собирались перед набегом на плантацию, и вдруг остановились как вкопанные. На них мчалось какое-то немислимое чудовище с ярко-красной мордой. Во-

звывать тревога. Когда же чудовище оказалось шагах в пятидесяти от них, стая развернулась на сто восемьдесят градусов и в ужасе понеслась к скалам.

Вожак, удивленный таким приемом, бросился за ними, грозно крича. Узнав знакомый голос, павианы было остановились, но, как только оборотень опять приблизился к ним, обратились в бегство.

С тех пор павианы больше не появлялись на плантации, зато через некоторое время до нас стали доходить слухи, что где-то далеко-далеко, на границе саванны, замечено было многочисленное стадо собачьеголовых павианов, спасающихся бегством от огромного самца с сияющей на солнце ярко-красной мордой.

Перевел с польского Ю. СИЦКО

«И ВСЕ-ТАКИ ОНА

ПЛОСКАЯ!»

Примерно год назад нам уже приходилось писать об англичанине Самуэле Шентоне. Дело в том, что Шентон возглавляет Международное общество плоской Земли. Писали мы о нем, естественно, в «Пестром мире». После успешных полетов космических кораблей, после того как земляне впервые увидели фотографии своей планеты, злопамятливые корреспонденты вновь кинулись к Самуэлю Шентону. Что-то он скажет теперь. И он сказал...

Прежде всего: Земля для Шентона останется такой же плоской, как и раньше, а именно — плоской, как скворода. Что касается фотографий, то все они, по твердому убеждению Шентона, «фальсификация».

Правда, последние эксперименты в космосе принесли Шентону массу неприятностей: сотни бывших единомышленников оставили своего лидера. Настоящих борцов за идею оказалось не больше восьмидесяти. Шентон нашел утешение в философии: «Если их точку зрения способны поколебать такие мелочи, то они не нужны ни мне, ни делу всего общества», — сказал он собравшимся, открывая пресс-конференцию.

Затем Шентон ответил на вопросы корреспондентов, касающиеся его жизни и деятельности.

Сейчас Шентону уже семьдесят. Доказательством плоскообразности Земли занимается уже давно, точнее с 1929 года, когда он еще работал бухгалтером.

Тогда же, сорок лет назад, Шентон начал испытывать свой способ транспортировки грузов и пассажиров, вытекающий из идеи плоской Земли. Дело было так: Шентон нанял дирижабль, заполнил его разными грузами и поднял на несколько сот метров над Землей. Остальное должна была доделать сама Земля: ведь она плоская и к тому же вертится, так что через какое-то время (точнее, по расчетам Шентона, через пять часов) под дирижаблем должен уже быть не Лондон, а Нью-Йорк. Прошло пять часов, дирижабль опустился. Оказалось, опять Лондон. Неудача не смутила Шентона, и он сделал новое теоретическое открытие: Земля не только плоская, но и неподвижная.

— Неужто вы и впрямь верите в то, что Земля плоская? — спросили корреспонденты.

— Я рад, что вы задаете мне этот вопрос, и я отвечаю на него уверенным «да»! Эти космонавты большие хитрецы. Зачем-то им понадобилось, чтобы люди верили в то, что Земля круглая. Потому они так безбожно и фальсифицируют фотографии.

— Значит, по-вашему, все эти полеты космических ракет ничего не доказывают?

— Конечно. Ракеты просто летали вдоль края Земли, как вдоль края сквородаки.

— Но Луна-то хоть круглая?

— Луна, безусловно, круглая. Я этого никогда не отрицал. Земля же плоская. В середине ее расположен Северный полюс, а с противоположной стороны — Южный...

РИЧАРД ЛЕВЕЛЛИН

Песнь о гаучо

Биография ремесла

Есть профессии, что накладывают отпечаток не только на образ жизни человека, на его характер, но как бы формируют и обличья его облик. Иным уже невозможно представить себе, скажем, карпатского плотогона или венецианского гондольера, испанского матадора или лондонского клерка. Они живут в представлении людей такими, какими создала их традиция. Разумеется, старинное ремесло часто исчезает под давлением времени и прогресса, и тогда экзотический образ перекочевывает в легенды, предания, песни, сохранив при этом все свои экзотические атрибуты и аромат славных деяний дедов...

Рассказом о пастухе южноамериканской пампы — гаучо — мы открываем нашу новую рубрику.

ль гаучо!»

Неплохо звучит! Как шелчок хлыста. Как вскрик на полном скаку. И конечно же, это неспроста. Ведь пампа ему родная юдоль, а седельная лука — люлька.

Он наездник, каких поискать. Азартный игрок и драчун. Скотовод и умелый пастух. Колоритнейший шеголь. Верный друг и пылкий любовник. Не много ли для одного? Нисколько! Ведь он «эль гаучо».

По многим причинам люди уважают гаучо. Одна из них — «фасон». Рукоять его крепко прижата к бедру, как раз под правую руку. Обоюдоострый полуметровый клинок наведен, словно лезвие бритвы. Фасон неизменно за спиной гаучо. Но это вовсе не значит, что надо не надо, он станет размахивать им без всякой на то причины. Фасон покидает ножны лишь однажды, чтобы «поставить точку», положить конец спору. Угрозы ниже достоинства его хозяина. Ведь хозяин — «эль гаучо»!

Револьвер тоже привешен к поясу, но в расчет он не берется: «Это не для мужчин».

Все, что носит на себе гаучо — с головы до пят, — соткано и сшито женщинами его рода и племени. Да и что сам он сумел приспособить.

Его шляпу с широкими полями приняли б за свою конкистадоры. Только гаучо, оставив высокую тулью — так меньше жарит солнце, — круто загибает вниз задний край полей, чтобы прикрыть шею. А вот передний край вечно отогнут кверху: все равно ветер «памперо», будь он трижды неладен, задует его вверх и сложит в постоянную складку.

Чтобы песок не забрался за ворот, под шляпу поддевают что-то вроде шарфа вокруг головы и шеи. А в искусно расшитые женскими руками шаровары — «бомбачас» заправляют длинную рубаху. Есть еще и «чирипа» — длинный кусок материи, туго перехватывающий талию. И это еще не все: сверху надевается пояс тонкой и мягкой кожи, изукрашенный монетами и стянутый тяжелой серебряной пряжкой.

Нет, нет, мы не забыли о «пончо». Как же обойтись без большого квадратного куска материи с прорезью для головы посередине! Просто пончо гаучо надевают поверх всего. Спряденное из шерсти ламы, гуанако или овцы, пончо так разукрашено цветом и рисунками, что опытный глаз всегда определит, из каких мест прискакал его гордый владелец.

Пончо — это и одеяло, и плащ, и фамильный щит гаучо. В бою пончо — оружие, надежный партнер фасона. Снимается оно в мгновение ока и, оказавшись в левой руке, надежно прикрывает хозяина. Пока правая выхватывает фасон из ножен.

Но что ж мы все о гаучо! Не пора ли поговорить о надежном и верном его друге — о его коне.

Лучшее, самое дорогое седло, какое только способен сделать или достать гаучо, не сомневаясь, будет у его коня. И будет лучшей сыромятной кожи арапник и лассо, усыпанные серебряными нашлепками, звездочками и медальонами. Выходное стремя не грех выковать из чистого серебра. Лука выгибается собственными руками из дерева, а седло покрывается сверху овчиной. И тогда оно станет комфортабельнее тысячи кресел и куда как мягче подушки. Только в таком седле можно вынести дикую скачку.

По пятнадцать, а то и больше часов в сутки.

Жеребцы, которых гаучо берет в работу, в далеком прошлом привезены были испанскими пришельцами. Всадники погибали в боях, а кони уносились на просторы неизвестной им еще земли. Они одичали, со временем измельчали, привыкая к засухам и холоду. Копыта уменьшились вполовину, но, где уж они вопьются в землю, там конь стоит как вкопанный.

Сразу оговоримся, лошади не идут под седло. Если увидишь человека на кобыле, знай, что наверняка это последний бедняк. В карманах у него пусто, а на душе, поверьте, и того хуже.

Если гаучо надо объездить дикого жеребца, он не станет хвататься за кнут, хлыст или жалить скотину шпорами. Нет — только руками

и голосом. Руками осторожно будет он гладить кругом головы и шеи, по груди и вниз, к ногам жеребца. Нашептывая при этом что-то, рассказывая или тихо причитая. И так, пока жеребец не признает чужую власть над собой. Теперь он будет узнавать хозяина по прикосновению, голосу, едва заметному знаку.

Вот какие истории дошли до нас со времен давно прошедших войн. Когда гаучо попадал в плен, его привязывали руками и ногами к поперечине и заводили ее за спину. Потом его, недвижимого, бросали на землю.

Конь приходил спасать хозяина, перегрызал веревки, вставал на колени, да так, чтобы не причинить человеку боли, замирал, а потом потихоньку отходил от вражеских позиций, унося на себе хозяина.

Вам это может показаться сказкой, но разве

не правда удивляет нас больше всего? Так что не спешите сомневаться.

Скорбь о родственнике или друге почиталась среди гаучо непростительным малодушием. Но гибель своего коня гаучо оплакивал безутешно и так долго, пока доставало еще песо и вина.

Жил гаучо в одно и то же время скромно и бесшабашно. Что бы там ни говорили об образе жизни и переборе мяса в его рационе, пока гаучо оставался в пампе, здоровье не доставляло ему хлопот. Даже в семьдесят лет гаучо лихо держится в седле и выигрывает скачки. Ведь в скачки гаучо вкладывает не только умение, но и страсть, азарт. На полном галопе он может, подпрыгнув в седле, сорвать рукой колючку, подвешенное на четырехметровой высоте. Или бешеным аллюром проскакать между рядами невысоких, на уровне стремени вбитых колышек и сорвать все до единой развешанные шляпы.

Одного никогда не удавалось гаучо — стать исправным служащим. Закаленный, сильный, гаучо стибался, как травинка, едва чувствовал, что унылая и ежечелно одинаковая работа берет его в свой оборот. Ища спасения, он кидался к своему коню. (Поговаривают, что галоп был изобретен как раз, когда гаучо улелетывал от скучной работы.) Зато как скотовод, пастух или проводник гаучо не имеет себе равных.

Если удавалось за труды свои получить пару монет, гаучо непременно направлялся в ближайший «болиш». Можно определить болиш как погребок и как лавку, все подойдет. Но еще болиш был местом встречи старых приятелей,

центром новостей, игорным клубом, местом захватывающих петушиных боев и молодецких потасовок до первой крови. Хозяин ничему не перечил, он знал, что еще отыграется. Когда деньги у гаучо подходили к концу, держатель болиша отсчитывал монету, а с гаучо брал обязательство вернуть «на неделю» в десятикратном размере. И гаучо возвращал! Хотя бы ему пришлось ставить на кон все, что он заработал за год. Иного выхода ему не позволяло достоинство.

Увы, жизни не хватило великодушия гаучо. По иронии судьбы три главные добродетели гаучо: честность, искусство обращения с животными и знание дорог — и привели его род к упадку. Гаучо задушили плетеные изгороди, отделяющие владения, и те, кто их поставил.

Сыновья «эль гаучо» носят теперь кожаные курточки и береты. Сыновья ходят на службу. Случается, что и они поют старинные песни, а когда выпивают чуть больше обычного, рассказывают безликим канторским языком истории, чудом хранящие еще соль притчей гаучо. Фасон — скорее перочинный ножик — годится разве что для пробивания банок с консервированным супом «Кембелл». Даже болиш превратился в стандартный бар, торгующий кока-колой и жевательной резинкой.

Славный «эль гаучо»... Пусть потерял он все, чем обладал когда-то, все равно в памяти нашей он сама удаль, мужество и душевная широта, которая родни просторам его пампы.

Перевел с английского Б. ПИСЬМЕННЫЙ

ДОМ ПОПОЛАМ

ОЛЬГЕРД БУДРЕВИЧ,
польский писатель-путешественник

Табличка с надписью «Бельгийская провинция Антверпен» в Голландии... Два разных названия одного и того же поселения на доске указателей — Барле-Нассау и Барле-Хертог... Что случилось с географией? Не пьяны ли были дорожные работники? Может, здесь похозяиничали хулиганы? А может, что-нибудь творится со мной?

Нет, уважаемые читатели, здесь нет никаких ошибок и недоразумений. Мы находимся в одном из самых странных на земном шаре политико-административных образований. Городок в голландском Брабанте частично принадлежит Бельгии.

Граница в Барле про-

ходит вдоль улицы, пересекает бильярдный стол в трактире, идет даже поперек спальни. Стоящие рядом дома принадлежат разным государствам. Все городские учреждения дублированы и действуют независимо. Барле — это два наложившихся друг на друга города и государства.

О жизни в Барле-Нассау-Хертог всегда говорят с игривым прищуром глаз. Снят даже полнометражный фильм — конечно, комедия. Миллионы людей покатывались с хохота, глядя на жизнь в престранном городе. Но актеры этого фарса играют свои роли с неприступной серьезностью. С необыкновенным умением и величай-

шей последовательностью используют они уникальность ситуаций.

В Барле я прибыл на следующее утро после случившегося там скандала. В одном из бельгийских баров несколько парней начали вести себя слишком активно. Хозяин вызвал бельгийского полицейского. Тогда парни выбежали из бара и остановились на противоположной — голландской — стороне улицы. «Вызывайте голландскую полицию! Нам она больше нравится», — заявили они. Бельгийский блюститель порядка стоял на другой стороне улицы и в бессилой ярости стучал кулаком о ладонь.

Дочь мясника из Барле оказалась винов-

ницей столкновения автомобилей. Однако оказавшийся поблизости голландский полицейский не мог вмешаться — три колеса автомобиля стояли на бельгийской государственной территории.

Как видите, статьи международного права уважаются тут в полной мере. 3500 живущих здесь голландцев и 2500 бельгийцев великолепно ориентируются в политической географии своего города. Как и в бюрократических ухищрениях: жители Барле необычайно сведущи во всех законах, инструкциях и предписаниях обоих государств. Почтенные граждане обладают необыкновенным талантом

в поисках каждой административной трещины, в выборе выгодных им статей закона и игнорировании невыгодных.

С незапамятных времен Барле живет легальной и нелегальной контрабандой. Два соседних магазина торгуют одним и тем же товаром, но по разной цене и в разной валюте. Со всей Голландии приезжают сюда люди, чтобы купить в бельгийских магазинах сигареты или шоколад по ценам, которые чуть-чуть ниже цен в Бреде или Амстердаме. Теоретически тут действует запрещение перевозить в Голландию более двухсот бельгийских сигарет. Но на практике... Мне объяснили, что в городе, где бельгийский бургомистр, отправившись из дому на работу, не может не нарушить границы чужой страны, каждый житель в среднем три раза в сутки нарушает таможенные законы.

Барле имеет двух бургомистров и две ратуши, две национальные пожарные команды, две почты, две школы. Бельгийские дома получают ток, идущий с электростанции в Бельгии, голландские — из Голландии. Есть две церкви и два кладбища. Единственное исключение составляет водопровод — вода голландская, трубы бельгийские. Ах да, духовой оркестр также один — видно, на две капеллы не хватило музыкантов: дирижер — голландец, его заместитель — бельгиец.

Иногда случаются и конфликты. В таких случаях отцы города никогда не апеллируют к Брюсселю или Гааге. Идут в ресторан отеля «Ангел» (40 метров от ратуши голландской, 150 — от бельгийской) и там за кружкой пива ищут компромиссное решение. Все решается обычно ко всеобщему удовольствию, во всяком случае, уже на про-

тяжении ста с лишним лет в Барле поддерживается устойчивый мир.

Есть в Барле дома, где в квартирах наблюдается «особо оживленное движение через границу», а нарушение таможенных режимов — дело самое привычное. В такой ситуации находится семья Мартхийсен, живущая одновременно в двух государствах. Спальня их находится на бельгийской стороне, столовая на голландской. У них четверо детей, все они имеют голландское гражданство. «Когда они должны были родиться, мы переносили кровать из спальни в столовую». Почему они предпочитают голландское гражданство для своих детей? «Уж если родители голландцы, то пусть будут голландцами и дети». Телефон Мартхийсенов подключен к голландской сети, но висит на бельгийской стене.

Улицы в Барле имеют по одному названию, но нумерация домов двойная. Часто случается, что два стоящих рядом здания обозначены одним и тем же порядковым номером. Опознавательным знаком каждого дома являются национальные цвета на табличке с номером. Но семья Мартхийсен имеет на своем доме две таблички с двумя номерами, у них два разных адреса в разных государствах, и письма они получают от двух разных почтальонов.

Пора, однако, уже выяснить, что все это значит, когда началось и почему.

Началось где-то в конце XII века. Именно в это время появился в голландской истории Готфрид ван-Шотен, который стал вассалом герцога, правившего на территории нынешней Бельгии. Потом было еще множество юридических и наследственных осложнений. В 1843 году, ко-

гда была установлена граница между Бельгией и Голландией, никто уже не посмел делать изменения — так было многие столетия, пусть так будет и впредь.

Вот так и возник этот сумасшедший городок.

Во время войны Барле оказался исключительным местом: дело в том, что в Бельгии администрация осталась в руках бельгийцев, в то время как Голландия имела классический оккупационный режим. Барле стало убежищем для многих голландцев, разыскиваемых гестапо (в городе есть памятник расстрелянной немцами госпоже Верхоувен, матери восьмерых детей, которая переправила в Антверпен двести союзных летчиков, из них нескольких поляков).

Кажется, что каждый взрослый житель Барле-Нассау-Хертог мог бы получить диплом доктора права. Мог бы получить диплом и профессор закононарушения.

В Голландии существуют жесткие правила о времени открытия магазинов, в Бельгии же они могут работать 24 часа в сутки — в Барле все магазины придерживаются версии бельгийской. В Бельгии нельзя подавать в барах алкогольные напитки, в Голландии в этом нет никаких ограничений — в Барле все трактиры, числом 41, приняли голландское правило.

Что можно делать официально, то делается. Чего нельзя, то тоже делается.

Наверное, странно жить в месте, где государственная граница проходит через бильярдный стол и магазинные полки. Где можно лежать в кровати с ногами по одну и головой по другую сторону границы. Ну, совершенно как в кино!

Перевел с польского
В. МОГИЛЕВ

ГДЕ ВЫ, ТВЕРДОЛОБЫЕ!

Медные лбы, чугунные головы, свинцовые мозги — какой расцвет металлургии! — восклицал знаменитый сатирик-конец Аверченко. Нынче уж такого не сыщешь! По крайней мере так считает американский журнал «Тру». С горечью сетует он на то, что перевелись нынче крепкие головы: почитай, уж сорок лет как не проводятся состязания «Чей лоб тверже». А ведь в свое время этот спорт был весьма популярен в Америке. До сих пор старожилы с восторгом поминают Джорджа Деволла из Миссисипи, прозванного «Несокрушимый лоб». Взять, скажем, его знаменитый бой с цирковым атлетом, Билли Кероллом. Тот тоже был не лыком шит: пробивал лбом двери, лубовые бочки, при случае мог и перегородку свалить. Так вот тогда, сорок лет назад, на бой съехались болельщики со всего Диксиленда — южных штатов. Противники по сигналу ринулись навстречу друг другу. Удар! Однако оба лба устояли. Деволл весил на тридцать фунтов больше, зато у соперника опыт был куда богаче. Под рев толпы обладатели могучих лбов разошлись к исходным точкам. И тут вдруг Керолл поднял руку, призывая победителем Деволла!

Свой шаг он мотивировал тем, что боится выйти из формы и потерять работу в цирке, а вот вторых, у него что-то разболелась голова...

Следует продолжать молодецкие забавы отцов, ратует журнал «Тру», а то «может создаться впечатление, что у нас перевелись твердолобые».

КЛАДБИЩЕНСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Хиршель Торнтон из Атланты открыл первое в США (и, естественно, в мире) кладбище-«заезжайку» по типу кинотеатров-«заезжак», открытых площадок, где фильмы, как известно, смотрят, не вылезая из машины. «Клиенты смогут въехать на мое кладбище, печально притормозить у останков своих близких и двигаться дальше», — пояснил изобретательный Торнтон.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЭТОТ НЕПОБЕДИМЫЙ ОЧКАРИК СЕРГЕСОН

Диагноз молодого шведского жокея Курта Андерссона оказался точен: причина его постоянных неудач на ипподроме заключалась в том, что у его верного жеребца Сергесона испортилось зрение. Установив это плачевное обстоятельство, Андерссон соорудил для жеребца особые очки. Вместо обычной таблицы с буквами, по которым проверяют зрение, Андерссон воспользовался флажками, которыми размахивал, то отходя подальше, то подхватав поближе к жеребцу.

Добавим, что с тех пор как Сергесон стал носить очки, он не проиграл ни одного забега.

УТОПАЮЩАЯ РЫБКА

Британское королевское общество защиты животных наградило на днях человека, спасшего утопавшую золотую рыбку. В официальной записке, представленной обществу, говорилось, что «рыбка проглотила камешек. Хотя и не все об этом знают, но в таких случаях рыбы могут наглотаться слишком много воды и утонуть». Человек, спасший золотую рыбку, знал об этом и, вытащив рыбку из пруда, удалил у нее изо рта камень.

НА ВСЕ СЛУЧАИ

Гимнастика, которой занимаются парижанки, желающие сбросить лишний вес, включает сейчас элементы старинного французского бокса. Дамам приходится не жалеть, что называется, живота своего, если они не хотят заработать удар перчаткой или ногой от противницы. Клиентки нашли и другое применение новой гимнастике: приемы оригинального бокса вполне пригодны и для самозащиты на улицах.

В ЗАЩИТУ ОСЛОВ

Французское общество друзей осла опубликовало следующее воззвание: «Многие древние цивилизации не знали лошадей, однако осла всегда жили среди людей. Египетские фараоны давали за каждого осла пять рабов... Распространено мнение, что осел двуличное и злое животное. Нет ничего ошибочней такого заблуждения! Осел — существо жизнерадостное, быстро ориентирующееся в ситуации, отважное, ласковое, расторопное и полное фантазии. Пора покончить с необоснованным презрением к ослу...»

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1890 год

СТОЛОВАЯ ПОСУДА АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ

Газета «Курьер Биржи» передает, что столовая посуда английской королевы, сохраняемая в двух комнатах с железными предохранительными стенами, представляет собою ценность в 20 миллионов фунтов стерлингов. Тут же находится также золотая парадная посуда Георга IV на 130 персон, из которой особенно замечателен холодильник для шампанского, с внутренними хрустальными стенками, такой необыкновенной величины, что в нем свободно могут купаться двое мужчин. Также очень много посуды времен Елизаветы, великолепные вещи из Индии, Китая и Бирмы. К удивительным редкостям принадлежит чашка для кофе Карла XII Шведского, потом столовый прибор времен Георга III; павлин ценю в 40 тысяч фунтов стерлингов, туловище и хвост которого сделаны из массивного золота и осыпаны жемчугом, изумрудом, алмазами и рубинами, а затем в настоящую величину голова тигра с хрустальными глазами и золотым языком.

МИКРОБЫ НА МАРКАХ

Один итальянский профессор открыл недавно, что невидимый, но страшный враг человечества — микроб избрал себе новое местожительство к ужасу бедных смертных: почтовые марки, на которых, по словам почтенного профессора, микробы развиваются в огромном количестве, а поэтому профессор предупреждает об опасности языком смачивать марки при наклеивании их на конверты, так как таким путем микробы могут непосредственно попадать в организм и производить в нем свое разрушительное действие.

РУССКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПО ЧАСТИ ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ

„Курский Листок“ сообщает о любопытном событии, происшедшем в заштатном городе Курской губернии Золочеве. Один из обывателей этого города долгое время трудился над устройством снаряда, для того чтобы летать. Наконец ему удалось сделать крылья, которые он привязал к рукам, и, управляя ими, действительно поднялся на воздух и полетел, к удивлению и ужасу толпы, собравшей посмотреть на нового Икара. А золочевский Икар благополучно прилетел в деревню Ореховку, находящуюся в трех верстах от Золочева, и на крыльях же возвратился домой. Полет произвел такое впечатление на золочевцев, что они стали изобретателя воздушноплавателя считать антихристом, и мать потребовала, чтобы он уничтожил свой снаряд, грозя проклятием. Тогда бедный изобретатель со слезами съел собственноручно сделанные им крылья: долго горевал он после этого и ушел в монастырь. Как ни странен факт полета, но, по словам газеты, он совершился в действительности. В Золочеве много очевидцев этого факта, людей, заслуживающих полного доверия. Жив и изобретатель воздушноплавателей крыльев. Стоило бы разрыть остроумного изобретателя и склонить его снова сделать свою многообещающую попытку.

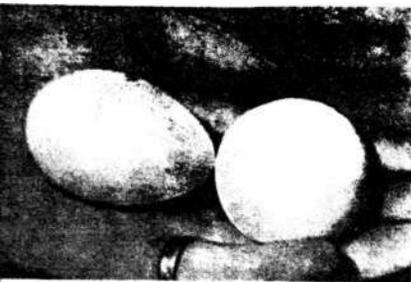
СЕРВИС СТОИТ ДЕНЕГ

Юхан Кнутфен, студент из Осло, тайком забрался в ящик под вагоном скорого поезда и поехал... Недалеко, правда. Полиция извлекла его из ящика на следующей же станции. Юхан заплатил штраф и дал обещание не путешествовать более таким образом.

Чего он, однако, совсем не ожидал, так это еще одной повестки о штрафе, которая пришла к нему на дом через неделю. Повестка лаконично сообщала: «Доплата за проезд под вагоном ПЕРВОГО класса».

СНЕСЛА КУРОЧКА ЯИЧКО...

...не простое, но и не золотое. Когда Энох Нильссон, фермер из Ветланды (Южная Швеция), обнаружил это яйцо в гнезде одной из своих несушек, он подумал, что с ним сыграл шутку кто-нибудь из соседних мальчишек: уж больно яйцо смахивало на бильярдный шар. Тем не менее он не стал испытывать его «на прочность» и на всякий случай припрятал. Приглашенный на экспертизу яйца ветеринар заявил, что в данном случае речь идет об очень редком экземпляре: шарообразное куриное яйцо встречается одно на миллиард.

АЛМАЗНЫЙ КРИЗИС В АМСТЕРДАМЕ

Как сообщают голландские газеты в Амстердаме разразился недавно алмазный кризис, оставивший тысячи семейств без куска хлеба. Как известно, шлифовка бриллиантов составляет главнейшую промышленность Амстердама занимающую более 10 тысяч человек. Вследствие колоссальной спекуляции лондонского дома Ротшильда, сосредоточившего в своих руках всю торговлю бриллиантами, поднявшего на них цены, многие из крупных амстердамских шлифовальных мастерских принуждены были закрыться, и теперь более 7 тысяч рабочих остались без работы. Ожидается закрытие и остальных мастерских. В амстердамских газетах печатаются воззвания к общественной благотворительности, так как нищета среди рабочих принимает с каждым днем все большие размеры.

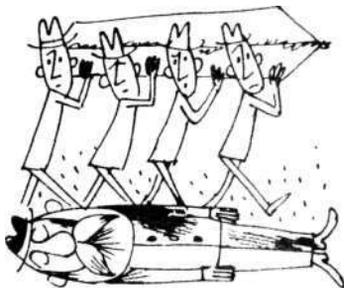
ЗВЕРСТВА ОТКУПИЩИКОВ

Газета «Македония» сообщает, что турецкие откупщики податей в Македонии забирают у несостоятельных платильщиков детей и продают их в случае неуплаты. Так, откупщик Хаджи-Абдур-Риза-бей увез 15-летнего мальчика какого-то крестьянина из села Бекмешта (Тыквешского округа). Отец мальчика должен был казне всего 30 фр. Мальчик был тотчас же продан, но вскоре выкуплен каким-то сострадательным болгаринном.

ПОСЛЕДСТВИЯ ХОББИ

Бармен из Нью-Йорка Джек Люне сумел совместить свое хобби — строительство игрушечных железных дорог — с основной работой (см. снимок). Миниатюрный поезд тянет за собой целый состав вагонов, грузящих закусками, заказанными посетителями бара.

Менее удачлив был испанец Хасинто Альварес. Хобби настолько завладело им, что стало единственным его занятием; ни на что иное времени уже не оставалось. Хасинто Альвареса недаром называли самым грустным человеком на свете: за свою жизнь он принял участие в восемнадцати тысячах похоронных процессий. Судьба пошла навстречу хоббисту: девяносто-восьмилетний любитель погребальных шествий встретил свою собственную смерть в то самое время, когда следовал за очередным траурным cortejem.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК ВОДОЛАЗУ

Как-то мы уже сообщали о том, что, стремясь привлечь побольше туристов, власти итальянского города Падья стали выпускать газету не на бумаге, а на пластмассе. Почин изобретательных по части туристских выдумок итальянцев подхвачен во Франции. «Голос водолаза» — так называется газета, раз в месяц выходящая в Гавре десятитысячным тиражом. Конечно, это много превышает число местных водолазов, которые теперь могут узнать о последних новостях на земле, не покидая своего рабочего места. Остальной тираж непромокаемого издания рассчитан на любителя чтения под дождем.

ДЕТЯМ НА РАДОСТЬ

Наконец-то на прилавках американских магазинов игрушек появилась маленькая игрушечная атомная бомбочка. Взрываясь, она дает вспышку и грибовидной формы дым. Бомба сделана в Японии...

ПЛОВЕЦ-ТЕОРЕТИК

В торжественной обстановке Брюссельский союз пловцов награждал за примерную двадцатипятилетнюю работу своего тренера железом почета. Затем юбиляру было предложено проплыть, держа желз, круг почета. Вот тогда и выяснилось, что знаменитый тренер не умеет плавать.

ЖЕРТВА НЕТОЧНОСТИ

„Если бы поезд пришел точно вовремя, по расписанию, тогда вышепоименованная корова, бежавшая навстречу паровозу, не пострадала бы». Так гласил приговор, вынесенный по делу, возбужденному против Управления железных дорог в Лильхаммере, Норвегия, владельцем этой коровы. Да и то верно, откуда было корове знать, что поезд запаздывает?!

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Не так давно обычные надписи на станциях лондонского метро «Выхода нет» по совету психиатров были заменены на «Выход с противоположной стороны». Через год те же психиатры сообщили, что число самоубийств сократилось на 0,83 процента. Эксперты утверждают, что в напряженной до предела жизни Лондона простая надпись «Выхода нет» иногда становится последней каплей, толкающей некоторых на роковой шаг.

И ЧЕМ ОНА ИМ ПОМЕШАЛА?

Полиция американского города Сен-Луис в полном составе брошена на розск банды, организовавшей ночное нападение на местный банк. Событие совершенно рядовое по нынешним американским временам, если б не одно забавное обстоятельство. Городская полиция поднята на ноги не из-за украденной суммы (всего лишь 75 долларов!), а из-за того, что банда сумела вывести из строя дорогостоящую телевизионно-электронно-сигнальную систему, установленную специально для защиты от воров. Так что теперь двери остальных банков для банды широко открыты.

СОДЕРЖАНИЕ

Можно ли приручить вулкан?	2
Новая экспедиция Хейердала	3
Персидские орнаменты — в Перми	5
Откуда взялись кометы?	7
Живой ископаемый опоссум	9
А. ПЕТРИЧЕНКО, В. БОЖУКОВ — И снова — прыжок на Памир	10
Ф. ЮРЬЕВ — Первый кубу, вышедший из леса	16
ДЭН ДЖЕКОБСОН — Нищий — мой ближний	23
Л. ОЛЬГИН — Маска Ворона	28
В. ЯНКОВСКИЙ — Как я искал «корень жизни»	29
Варнемюнде. Регата. Старт!	33
ЛЕВ КРИВЕНКО — Возвращение	34
РОБЕРТ ЛАКСАЛТ — Эскуаль Эрриа — земля басков	36
На Шарк-ривер в недавние времена	48
ПЬЕР ЛЕТЕЛЬЕ — Быть может, последняя кхедда	49
МАУРО АНТОНИО МИЛЬЕРУОЛО — Оптическая ловушка	51
Экспедиция «Вокруг света». Тетрадь третья. Город на Журавлиной горе	54
В. АРКАДЬЕВ — Семь часов О'Хара Берка	60
С. ПЕРЕШКОЛЬНИК — Редкие и редчайшие	62
ЛЕВ УСПЕНСКИЙ — Человек летит	66
КАМИЛЬ ГИЖИЦКИЙ — Оборотень	71
«И все-таки она глоская!»	73
РИЧАРД ЛЕВЕЛЛИН — Песнь о гаучо	74
ОЛЬГЕРД БУДРЕВИЧ — Дом пополам	76
Где вы, твердолобые!	77
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78
Мастера шляп из Манаби	80

На первой странице обложки: **МАСКА ВОРОНА** — «покровителя» вождей индейского племени тлинкитов (см. заметку на стр. 28).

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,

М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. МЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 5/III 1969 г. Подп. к печ. 11/IV 1969 г. А04774.
Формат 84x108 1/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 700 000 экз. Заказ 362. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушевская, 21.

МАСТЕРА ШЛЯП ИЗ МАНАБИ

Говорят: в доме рыбака рыбу не едят. Или: сапожник без сапог. Что касается панам, то их вообще делают не в Панаме. В Панаме делают сомбреро, точнее «сомбреро де Пенономе», а Пенономе — это маленький городок левобережной Панамы в часе езды от канала. Сомбреро изготавливается из соломы, тулья понизу оторочена черной лентой, а по цветной соломе гуляют причудливые узоры.

Нет, ехать в Панаму за панамой — это не дело, не найдете вы ее там. А найдете в Эквадоре, точнее в Манаби, одной из провинций страны, расположенной на берегу Тихого океана. Только там встретишь мастеровых, работающих «панамские шляпы». Панама неприязнительна и скромна — она служит лишь одному: защищать голову от палящих лучей солнца Эквадора, солнца экватора. Плетут ее из соломки, приготовленной из листьев пальмовидной токильи, высушенных до дымчатой белизны рисового зерна. Сплести панаму — дело многотрудное, но в Манаби есть мастера, которые за день сплетут дюжину.

Подойдет любопытный, заглянет через плечо, но мастер отвлекаться не станет: нужно спешить — иначе отстанешь от соседа, особенно когда проходишь по второму разу, превращая грубые заготовки в ровенькую плантацию аккуратно подстриженных панам.

Итак, панамы плетут в Манаби, но тамошние мастера в панамах не ходят. Панамы — для эквадорцев, но только не для тех, кто занимается этим ремеслом.

СССР
«Спутник»
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО
ТУРИЗМА

Ростов — Великий

«Спутник» организует поездки
молодых туристов в старинные
русские города Ростов, Владимир,
Суздаль...

Цена 60 коп.

Индекс 70142

